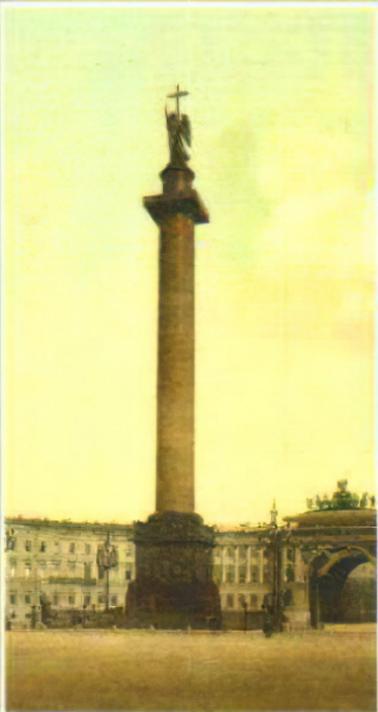

АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ

**РОССИЯ
И
ЯПОНИЯ**

**ВЗАИМНОЕ
ОТКРЫТИЕ**

А. Р. Соколов

Россия и Япония
Взаимное открытие

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2016

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

УДК 94(47).081/082

ББК 63.3(2)51-6

С 594

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Н.А. Самойлов*

кандидат исторических наук, доцент *В.Ю. Климов*

Соколов А. Р.

С594 Россия и Япония. Взаимное открытие. – СПб.:
Алетейя, 2016. – 256 с.

ISBN 978-5-906860-33-0

Монография известного петербургского историка рассказывает о становлении дипломатических отношений между Россией и Японией. В качестве отправной точки берутся события, последовавшие непосредственно за подписанием в 1855 г. представителями двух государств договора в Симодэ, ставшего важной вехой на пути интеграции Японии в существующую систему международных отношений. Особое внимание уделяется контактам на уровне императорских домов, а также попыткам представителей семейства Романовых установить прямые отношения с японской правящей династией. На основе уникальных архивных материалов анализируются ход дипломатических переговоров, факторы, влиявшие на внешнюю политику двух держав, особенности межнациональных контактов. Завершая рассказ восшествием на престол императора Николая II, автор предлагаемого исследования опровергает тезис о предопределённости Русско-японской войны и неизбежности противостояния двух великих держав Тихоокеанского региона.

УДК 94(47).073.3

ББК 63.3(2)47-6

ISBN 978-5-906860-33-0

9

7 8 5 9 0 6 8 6 0 3 3 0

© А.Р. Соколов, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

ВСТУПЛЕНИЕ

Сегодня кажется странным, что две столь великие страны, как Россия и Япония, вплоть до XVIII века не имели между собой практически никаких контактов, а их представления друг о друге находились примерно на таком же уровне, на каком древнегреческие географы описывали землю гипербореев.

В реальности подобная ситуация объяснялась вполне объективными причинами.

Первая из них заключалась в географической удалённости государств друг от друга. Напомним, что вплоть до середины XIX столетия восточные рубежи Российской империи оставались весьма размытыми, а путешествие от столичных центров до берегов Тихого океана должно было занимать не менее года.

Турцию, Персию или Египет в России знали намного лучше, нежели Японию, поскольку постоянно воевали с Оттоманами или Каджарами, а войны в известной степени не меньше, чем экономические или культурные связи, способствуют узнаванию друг друга.

Вторая и, пожалуй, не менее важная причина заключалась в той политике изоляции, которой последовательно придерживалась Япония при сёгунах из династии Токугава и которая помогла ей сохранить свою самобытность и скопить силы для стремительного модернизационного рывка эпохи Обновления Мэйдзи.

Россия совершила первый модернизационный рывок намного раньше — в царствование Петра Великого, который среди множества своих неосуществлённых проектов выдвигал и проект установления торговых и дипломатических отношений с Японией.

Загадочная Страна Восходящего Солнца давно интриговала европейцев, и русские, при всей ограниченности своих знаний, были информированы о ней, по-видимому, больше, чем кто-либо (разумеется, если не считать голландцев). В конце концов, из европейцев именно русские ближе всего находились к Японии. Время от времени, после бурь и кораблекрушений, японские рыбаки оказывались в наших владениях.

В России каждый такой случай вызывал шквал переписки между представителями сибирских властей и Санкт-Петербургом, общий смысл которой сводился к тому, что необходимо воспользоваться возможностью и установить контакты с японцами.

И каждый раз всё упиралось в холодную японскую сдержанность.

Так продолжалось до середины XIX века, когда ход истории подвел и Японию, и Россию не к пропасти, а к рубежу, от преодоления которого зависела дружба двух этих держав, двух народов.

Россия в списке великих держав к этому времени была «старожилом». Однако её доминирующее положение на международной арене сочеталось с явно устаревшей социально-политической системой, базирующейся в значительной степени на крепостном праве.

Наличие архаичных элементов в общественном устройстве негативно сказывалось на экономике, темпы развития которой явно отставали от темпов развития Соединённых Штатов, Великобритании, Франции, Германии, Италии.

С другой стороны, огромные людские и природные ресурсы России давали основания полагать, что, как только феодальные преграды рухнут, страну ждёт ещё один модернизационный рывок, не менее впечатляющий, чем при Петре Великом.

Японии предстояло пройти тот же путь, что уже прошла Россия Петра Великого, но только... с опозданием на полтора века. Путь этот следовало пройти стремительно, чтобы Страну Восходящего Солнца не постигла судьба других стран Азии и Африки, ставших европейскими колониями.

Многочисленное население и островное положение сами по себе не делали перспективы утраты независимости и превращения

в колонию невозможными, поскольку Великобритания в этот период уже владела Индией — страной с древнейшей культурой и в несколько раз превосходившей метрополию по численности населения.

При практиковавшихся западными державами колониальных захватах вооружённому нападению, как правило, предшествовало экономическое проникновение, и ультиматум, предъявленный японскому правительству американским коммодором Мэтью Перри в 1854 г., со всей очевидностью показал, что оборонительная политика глухой самоизоляции полностью себя исчерпала.

Японии оставалось либо открыться внешнему миру и попытаться занять место в ряду великих держав, либо проститься со своей независимостью.

Судьбы, в самом ближайшем будущем постигшие Китай, Корею, Бирму или Вьетнам, казалось, со всей очевидностью свидетельствовали, что шансов у Японии не было. Почему подобный неблагоприятный сценарий не стал реальностью — тема отдельного исследования. Но очевидно, что главный секрет успеха заключался в способности японцев находить «золотую середину» между устремлённостью к новому и здоровым консерватизмом. И ещё в той твёрдости и последовательности, с которой они изначально позиционировали себя на международной арене в качестве державы, способной проводить самостоятельную политику.

Существует огромное количество исследований и даже несколько художественных произведений о миссии адмирала Евфимия Васильевича Путятина (1803–1883) и событиях, связанных с подписанием в 1855 г. договора в Симодэ. Все авторы справедливо указывают — договор этот был составлен на принципах равноправия и взаимной выгоды, что задавало хороший тон для развития русско-японских отношений.

Можно поспорить, что именно лежало в основе такого подхода: своеобразие русского и японского менталитетов или факторы объективного плана. Думается, всё же второе. Россия, увязшая в Крымской войне, а затем вынужденная разгрести её последствия, была заинтересована в том, чтобы найти доброжелательно настроенного партнёра в Тихоокеанском регионе, где у неё имелось

более чем достаточно противоречий с такими «игроками», как Великобритания и Соединённые Штаты. Япония, в свою очередь, явно стремилась выстроить равноправные отношения хотя бы с одной великой державой, что было не так просто сделать после «потери лица», связанной с обстоятельствами её принудительного открытия.

В 1860-х гг. Россия со страшной силой устремилась на Восток, в то время как Япония устремилась на Запад, и два этих потока неизбежно должны были встретиться.

В России после отмены крепостного права (1861 г.) произошёл промышленный переворот, стимулировавший миграцию избыточного аграрного населения земледельческих губерний европейской части страны не только в бурно растущие города, но и на окраины державы.

Этот факт предопределял особенности внешней политики. Когда канцлера А.М. Горчакова в связи с одним из европейских конфликтов спросили: «Почему Россия молчит?», он ответил «Россия не молчит, Россия сосредотачивается».

Страна, ещё недавно задававшая тон в европейских делах, действительно сосредотачивалась на решении внутривосточных проблем, но это не влекло за собой полный отказ от внешнеполитической активности.

Ускоренным освоением Приамурья и Приморья, проникновением в Китай (равно как и покорением Средней Азии) правительство России стремилось компенсировать падение своего влияния в Европе после поражения в Крымской войне (1853–1856 гг.).

Сосредотачивалась и Япония. Факт принудительного «открытия» Страны Восходящего Солнца заставлял её руководителей задуматься над тем, чтобы отразить дальнейшие попытки ограничения её суверенитета.

Реально нужно было выбрать один из двух возможных путей: либо сделать ставку на сохранение традиционных ценностей, объединить консервативные силы под соответствующими лозунгами и начать открытую борьбу с Западом, практически наверняка обречённую на поражение; либо вестернизироваться, но при этом сохранить основы японской государственности. Естественно,

был выбран второй путь, а реставрационная революция Мэйдзи (1866–1869 гг.), после которой остановить модернизационный рывок было уже невозможно, проходила именно под знаменем возвращения к традиционным ценностям (перехода реальной власти от сёгунов к императору).

Так или иначе, но Россия и Япония практически одновременно вступили на путь структурных реформ с целью вестернизации, что создавало хорошие предпосылки к их сближению. Но обе страны ещё и несли на себе груз прошлого в виде имперских амбиций, что и предопределило их столкновение, после того как программы модернизации завершились относительным успехом.

Именно эта драматическая коллизия, когда две во всех отношениях близкие друг другу державы стали соперниками, и заставляет нас задаваться вопросом: как же подобное стало возможным?

Почему партнёрство, здание которого строилось на такой основе, как Симода, привело к конфронтации?

Изучение периода 1850–1890-х гг. должно помочь ответить на эти вопросы. Так или иначе, сам факт начавшегося в Симодэ партнёрства остался в истории как ориентир, в той или иной степени определяющий тональность русско-японских отношений.

О том, как это партнёрство развивалось, почему оно забуксовало и в какой момент была пройдена точка невозврата, предопределившая скатывание к конфронтации, апофеозом которой стала война 1904–1905 гг., автор и постарается рассказать в своей книге. При этом он хочет предупредить, что данный рассказ не претендует на всеохватность.

Двухсторонние межгосударственные отношения — вещь многоаспектная и зависящая от слишком многих факторов: это и пограничные споры из-за Сахалина и Курил, и борьба за влияние в Китае и Корее, и экономическое соперничество, и попытки определиться с внешнеполитическими ориентирами.

Автор предпочёл сконцентрироваться на аспекте, носящем отчасти личностный, а отчасти формальный характер, — а именно, установлении и развитии дипломатических отношений и связанных с этим дипломатическими миссиями, визитами высочайших

особ, обменами подарками. Причем настоящее исследование будет представлять именно взгляд из России.

Любые двусторонние отношения включают в себя сложный комплекс дипломатических, экономических, культурных и других связей, каждая из которых опирается на свою систему политических, экономических, культурных, конфессиональных институтов соответствующих государств.

Бесспорно, что в ходе установления и развития дипломатических отношений и в нашей стране, и в Японии именно формальным и церемониальным моментам уделялось гораздо большее внимание, чем в западных странах.

Не будучи специалистом по тонкостям японского этикета и обладая лишь поверхностным представлением о дипломатических церемониях Страны Восходящего Солнца, автор, хотя бы в силу занимаемой им должности, достаточно долго работал в архивах российских государственных ведомств, а потому базируется именно на отечественных источниках.

Для Российской империи было характерно сочетание значительной роли монарха в разработке основ внешней политики с кропотливой работой отдельных центральных ведомств по осуществлению повседневных дипломатических сношений, организации переговоров на различных уровнях, подготовке официальных актов и т. д. В частности, важнейшим звеном государственной дипломатической машины в дореволюционной России было учреждение, заведовавшее придворными церемониями и торжествами. Ни одно официальное дипломатическое мероприятие, требующее личного участия императора или членов императорской фамилии, будь то переговоры или обычный прием дипломатических представителей, визит представителя царской семьи в другую страну или даже обычная ознакомительная поездка (возможно, служащая прикрытием для достижения каких-то более серьёзных целей), не могли пройти без подготовительной и исполнительской работы этого учреждения.

Это учреждение за время своего существования неоднократно меняло своё наименование и подчинённость: Церемониальные дела (1744–1779 и 1796–1806 гг.), Церемониальный

департамент (1779–1796 гг.), Департамент церемониальных дел (1806–1846 гг.), Экспедиция церемониальных дел (1846–1902 гг.), Церемониальная часть (1902–1918 гг.), подчинявшиеся Коллегии иностранных дел (1744–1796 гг.), Придворной Его Императорского Величества конторе (1796–1802 гг.), Министерству иностранных дел (1802–1858 гг.), Министерству императорского двора (1858–1918 гг.). Таким образом, это учреждение попеременно находилось в составе как внешнеполитического, так и придворного ведомства, что, вероятно, зависело от того, через каких персон намерен был монарх проводить важнейшие аспекты своей политики.

Помимо архивных документов Министерства императорского двора, при написании данного исследования использованы документы других находящихся в фондах Российского государственного исторического архива министерств и ведомств, позволяющие обрисовать события, предшествовавшие подготовке дипломатических миссий и официальных визитов, а также политическую и экономическую обстановку и задачи, стоявшие перед участниками описываемых событий.

В последнее время усилиями российских и японских исследователей были предприняты публикации ряда исторических источников, среди которых выделяется масштабное пятитомное издание «Дневники святого Николая Японского» (СПб, 2004), автор которых, не будучи политиком, дипломатом или членом правящего дома, тем не менее тоже является одним из главных героев предлагаемого исследования.

Это объясняется как уникальностью самой личности Николая Японского и его огромным влиянием на характер развития российско-японских отношений, так и своеобразием его взгляда, когда осведомлённость непосредственного участника событий сочетается с определённой отстранённостью человека, со стороны наблюдающего за развитием межгосударственных контактов. Особую ценность публикации дневников Николая Японского придают вступительная статья и комментарии К. Накамуры, которые представляют интерес для российского читателя именно как японский взгляд на общие страницы нашего прошлого.

Однако, помимо представленных в упомянутом пятитомнике источников, автор данного исследования использовал при написании соответствующей главы ещё целый ряд материалов, как из числа публиковавшихся в середине позапрошлого века, так и находящихся в Российском государственном историческом архиве. Можно надеяться, что это позволило шире осветить деятельность известного православного миссионера применительно к интересующему нас периоду.

Среди исследовательских работ следует выделить материалы конференции «Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю» (Исторические источники по русско-японским отношениям»), ежегодно проходящей в Токио. Опубликованные в сборниках этой конференции статьи по японским дипломатическим миссиям 1862 и 1873 гг. дали автору своеобразный толчок для расширения и продолжения работы по тематике двухсторонних отношений.

Для более полного воссоздания исторического контекста и характеристики существовавших в российском обществе течений и взглядов на перспективы дальневосточной политики были использованы публицистическая работа военного моряка и литератора А.Я. Максимова «Наши задачи на Тихом океане», путевые очерки писателя В.В. Крестовского, написанный Э.Э. Ухтомским на основе дневниковых записей трёхтомный труд «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества наследника Цесаревича» (СПб, 1893–1897). Уникальным по разнообразию и полноте источником являются материалы «Морского сборника», в том числе рапорты русских морских офицеров, участвовавших в плаваниях в дальневосточных водах.

Интересно отметить, что в российской исследовательской литературе достаточно глубоко изучались события, связанные с миссией Е.В. Путятина, в литературе же художественной даже появилось такое значительное произведение, как тетралогия Н.П. Задорнова «Цунами», «Симода», «Хэда», «Гонконг» (1972–1982 гг.).

Однако освещение последующих событий, вплоть до кануна Русско-японской войны, напротив, является явно недостаточным.

Странный парадокс, особенно если учитывать, насколько пристально исследуются другие связанные с Россией и Японией темы, укладывающиеся в рамки этого же хронологического периода!

Между тем именно исследование развития двухсторонних отношений, выявление характера и глубины противоречий, а соответственно, возможных альтернатив конфронтационному сценарию позволяет глубже понять значение других эпохальных событий, будь то война 1904–1905 гг., русские революции 1905–1907 и 1917 гг., японская экспансия на Дальнем Востоке, Вторая мировая война и вплоть до нынешних спорных вопросов в Тихоокеанском регионе.

Автор не ставит перед собой амбициозную цель всестороннего освещения столь сложного вопроса, как российско-японские контакты, но, сосредоточившись на отдельных эпизодах, надеется, идя по принципу от внешнего к внутреннему, понять историю знакомства и соседства двух великих держав и народов.

ГЛАВА 1
«МЕТОД ПУТЯТИНА» ПРОТИВ
«МЕТОДА ПЕРРИ»

ПЕРВЫЙ КОНСУЛ

Симодский договор или Симодский трактат, известный также как «Японско-российский договор о дружбе», стал первым дипломатическим соглашением между двумя странами. Он был подписан вице-адмиралом Евфимием Васильевичем Путятиным и Тосиакирой Кавадзи 7 февраля 1855 г., став итогом долгого и многотрудного пути навстречу друг другу.

Событиям, предшествовавшим подписанию Симодского трактата, а также анализу самого договора посвящено огромное количество исследований, поскольку именно от этого документа традиционно принято выводить «генеалогию» двухсторонних отношений.

Не занимаясь повторением содержания этих работ, автор напомним лишь основные моменты, относительно которых между российскими и японскими историками не существует особых расхождений.

Трактат состоял из 9 статей, а его основной целью было установление «постоянного мира и искренней дружбы между Россией и Японией».

Для русских кораблей открывались порты Симода, Хакодатэ, Нагасаки, причём в этих портах Россия получала право открыть консульства, а также устанавливался режим наибольшего благоприятствования в торговле.

В общем и целом определялись границы между двумя империями, причём Курильские острова к северу от острова Итуруп объявлялись владениями России, а Сахалин признавался совместным нераздельным владением двух стран.

Менее известно о том, как развивались события после Симоды и как статьи этого трактата обретали плоть реальных действий.

Непосредственное установление постоянных дипломатических отношений между двумя государствами оказалось связано с открытием русского консульства в Хакодате и деятельностью главы этого дипломатического представительства Иосифа (Осипа) Антоновича Гошкевича (1815–1875).

Будучи профессиональным востоковедом, он знал 13 языков, изучал культуру народов Японии, Кореи и Китая, участвовал в экспедиции Е.В. Путятина и первым в России в 1857 г. составил «Японско-русский словарь», за который был удостоен Демидовской премии.

Родившись в семье сельского священника, он окончил Петербургскую духовную академию, после чего десять лет (1839–1848 гг.) работал в составе Русской духовной православной миссии, где имел возможность глубоко изучить жизнь Дальнего Востока. Обладая широким кругозором и большими лингвистическими способностями, Гошкевич проявил большой пыл в изучении не только Китая, но и соседних с ним стран, прежде всего Японии. Правда, для удовлетворения своего любопытства ему приходилось довольствоваться сведениями, полученными из вторых рук, что объяснялось проводимой тогда сёгунатом политикой самоизоляции.

В 1850 г., вернувшись в Петербург, он занимал должность драгомана при Азиатском департаменте МИД, а в 1852 г. был отправлен в плавание на фрегате «Паллада». Участвовавший в этом путешествии писатель Иван Александрович Гончаров в своей книге «Фрегат “Паллада”» обрисовал его в нескольких эпизодах, слегка разбавив зарисовки иронией.

Участие в экспедиции Путятина закончилось для Гошкевича достаточно драматично. После землетрясения на рейде Симоды и гибели судна он вместе с частью экипажа «Дианы» был отправлен

на Родину, вернувшись в Петербург только после окончания Крымской (Восточной) войны.

Впрочем, составленный им за время странствий «Японско-русский словарь» принёс ему не только премию, но и внимание императора, а также репутацию ведущего российского японоведа.

О том, как именно было подготовлено это издание, сам Гошкевич рассказывал следующее: «Составление предлагаемого ныне словаря начато мною в то время, когда я ещё ничего не знал обо всех последних трудах европейских ориенталистов. Имев случай побывать в Японии, я решился воспользоваться им для ознакомления с этим доселе столь мало известным языком. Однако ж первые успехи шли весьма медленно: японские переводчики в Нагасаки показывали явное нерасположение сообщать сведения о своём языке. Обстоятельства, несчастные для меня в других отношениях, были благоприятны в этом: потеря фрегата «Диана» и военное время заставили нас более полугода пользоваться гостеприимством японцев, а с другой стороны окончательное заключение трактата и ближайшее знакомство с нами сделало последних более доверчивыми и откровенными, а общее несчастье сблизило нас. Вскоре за тем, попавшись в плен, во время девятимесячного пребывания на английских военных судах, я имел довольно досуга, который нужно было употребить на какое-нибудь дело.

Со мною было несколько книг, полученных в подарок от японских моих приятелей, и в том числе до пяти небольших словарей, из которых и избран лучший за основу для японско-русского словаря. Но одним из существенных пособий при моём труде служили мне устные изъяснения и толкования находящегося, по счастливому стечению обстоятельств, в ведомстве Азиатского Департамента японца Тацибана но Коосай. Азиатский Департамент, по просьбе которого исходайствовано Высочайшее соизволение и средства для издания словаря, помогал мне и своими источниками»¹.

---

¹ Цит. по: *Климов В.Ю.* Иосиф Антонович Гошкевич — первый российский консул в Японии // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2006. С. 99. (Далее: Исторические источники — с указанием места, года издания и страниц.)

Уже по этому фрагменту видно, что Гошкевич действительно хорошо изучил Японию, и, когда в 1857 г. встал вопрос о назначении консула в Хакодате, вопрос о кандидатуре на эту должность решился почти автоматически.

Автор предисловия к изданной в 1899 г. в Вильно работе И.А. Гошкевича «О корнях японского языка» следующим образом описывает обстановку, в которой оказался русский консул. «Таким образом, ему пришлось вторично отправиться в эту страну в тот период времени, когда она едва только начинала отсекаться от прежней системы замкнутости и безусловного недоброжелательства ко всему чужеземному. Положение русского агента, имевшего пребывание в уединённом совершенно порту Хакодате, было крайне затруднительно, даже опасно, так как первые либеральные попытки, деланные японским правительством, вызвали всеобщее неудовольствие в народе, который вымещал свою злобу на иностранцах — происходили частые убийства, жертвами которых становились преимущественно лица, занимавшие официальное положение.

Вследствие этого Гошкевичу пришлось переживать в Японии весьма тяжёлое время и всё-таки, благодаря искусству обращаться с японцами и твёрдости своего характера, он сумел завоевать себе высокое положение в стране и успел завязать вполне удовлетворительные сношения между русским и японским правительствами»¹.

Помимо самого Гошкевича, в консульскую группу входили ещё 14 человек, включая его жену и сына, секретаря консульства — коллежского секретаря В. Д. Овандера, врача — надворного советника М. П. Альбрехта, иеромонаха Филарета, письмоводителя — титулярного советника И. В. Махова. Второй по значимости после самого консула фигурой был его помощник по морской части, 29-летний лейтенант П.Н. Назимов.

В Хакодате консульская группа во главе с коллежским советником Гошкевичем прибыла 24 октября (6 ноября) на клипере «Джигит», сопровождаемом также судном Российско-Американской компании «Нахимов».

---

¹ Гошкевич И.А. О корнях японского языка. Вильно, 1899. С. 5.

В своём донесении военному губернатору Приморской области контр-адмиралу Петру Васильевичу Казакевичу командир клипера Павел Николаевич Назимов (впоследствии вице-адмирал) следующим образом описывал появление на судне японских чиновников: «Вскоре эти господа узнали в консуле старого знакомого. Разговор шёл по-английски, но чиновники не забыли сейчас же объявить, что как соседи они намерены выучиться по-русски. Долго с ними рассуждать было некогда, а потому консул объявил, что желает видеть губернатора непременно в тот же день. Они же со своей стороны неизменно должили сказать, что губернатор принять не может, потому что это время его отдохновения — второй час пополудни. Неотступные требования со стороны консула заставили их согласиться доложить губернатору о приезде г. Гошкевича»¹.

Через час Гошкевич на капитанском вельботе в сопровождении сотрудников консульства и офицеров клипера «Джигит» отправился на берег, где их встречала толпа местных жителей.

Проследовав к дому губернатора, гости сняли у входа обувь — но только предусмотрительно одетые на сапоги калоши, что стало своеобразным компромиссом между японскими и русскими обычаями.

Сама беседа носила светский и неглубокий характер, что было вполне нормально для предварительного знакомства. Тем не менее как минимум дважды возникало определённое напряжение. Первый раз, когда на вопрос о том, почему при сходе делегации на берег было произведено несколько выстрелов, Гошкевич пояснил, что артиллерийский салют обязательно производится в момент прибытия русского посла или консула в страну его будущего пребывания, причём хозяевам, по правилам европейского этикета, также следовало бы произвести аналогичные салюты. Японцы, в свою очередь, попросили воздержаться от попыток внедрить в их стране данное правило западного дипломатического этикета.

В другой раз, рассказывая о правилах пребывания в порту Хакодате, губернатор попросил лиц, не входивших в состав консульской

---

¹ Цит. по: *Климов В.Ю.* Иосиф Антонович Гошкевич... С. 103.

группы, воздержаться от визитов на берег. Просьба эта была отвергнута со ссылкой на опыт пребывания русских в Нагасаки.

На время, пока велось строительство консульского корпуса, Гошкевич и его спутники поселились в здании храма, что было для русских и неудобно, и необычно. Назимов следующим образом описывал окружающую обстановку: «При каждом храме есть несколько десятков монахов, для помещения их к храму примыкает особое строение, соединённое с храмом проходной комнатой или коридором, который и служит обыкновенно местом жительства для европейцев... Будучи окружены с двух сторон монахами, а с третьей стороны храмом, мы целый день слышим их богослужение, трезвон и барабанный бой...»¹.

Новый, 1859 г., русский консул встречал так, как это было принято в Европе: «На Рождество устроена была у меня для детей их ёлка, на которую явились не только все дети, но и почти все чиновники, и один из старших советников правления принёс от губернатора небольшой подарок... Дамы наши раздавали конфеты, картинки и детские книжки и особенно поразили японцев русским национальным нарядом. Новый год также встречали у меня многие японские чиновники, и по этому случаю был маскарад, в котором участвовали офицеры клипера “Пластун”, имена всех танцев записаны японцами. Наконец 1-го января утром присланы были ко мне здешние кадеты, из которых многие учатся по-английски, а некоторые после праздников начнут брать уроки русского языка. В 3 часа приехал сам губернатор, и присланный предварительно чиновник не преминул заметить, что подобной чести до сих пор не удостоивался американский коммерческий агент. Я поблагодарил и ответил, что считаю его визит не более как вежливостью с его стороны, т. к. я здесь не частное лицо. Устроена была закуска для губернатора и 15 прибывших с ним чиновников, и он пробыл у меня часа четыре»².

---

¹ Цит. по: *Синтаро Накмура*. Японцы и русские. Из истории контактов. М., 1983. С. 34.

² *Альбрехт А.* Известия из Японии // Морской сборник. 1860. № 1. Смес. С. 27–28.

Весной 1859 г. по заданию Гошкевича клипер «Джигит» под командованием лейтенанта Назимова был направлен обследовать лежащую на западном берегу острова Хонсю бухту Ниигата, где с 1 января 1860 г. японское правительство собиралось открыть морской порт, причём Назимов, произведя вместе с лейтенантом Корниловым замеры глубин, убедился в нереальности этого проекта.

Впрочем, добродушного весеннего настроения это открытие не омрачило. Лейтенант Корнилов фиксировал в своём дневнике: «Всё начало оживать и веселиться, как говорят очень удачно японцы, а мы в ожидании весенних прогулок приготавливались к блистательному окончанию зимы. Готовили “Ревизора”, маскарад, дамский пикник в лазарете и издавали еженедельный судовой журнал. При консульстве строилась церковь, дамы украшали её. Все принимали участие в постройке церковного храма в Японии, через 221 год после изгнания христиан.

...К маю месяцу Хакодатэ принял новый, ещё неизвестный нам вид. Горы покрылись свежей зеленью... В кают-компании появились цветы.

...В это время мне удалось съездить на свинцовые рудники. Наш консул и американский г. Раис собирались осмотреть их. Голландский капитан фон дер-Капеллен, я и два японских чиновника присоединились к ним»¹.

Из тех мест в окрестностях Хакодатэ, которые пользовались у русских особой популярностью, чаще других упоминается живописная местность с чайным домиком, получившая у них неофициальное название «Петергоф», в честь знаменитой резиденции российских императоров.

Любопытно, что во время своих поездок по окрестностям Хакодатэ «беловолосый консул» (как называли Гошкевича японцы) значительно пополнил свои собрания, пожертвованные им впоследствии Музею Императорской Академии наук.

Прибывший с ним доктор Альбрехт лечил местных жителей, охотно делясь своими знаниями с тремя японскими докторами.

---

¹ Цит. по: *Синтаро Накамура*. Японцы и русские. С. 34.

О тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться при строительстве консульского дома, побывавший в Хакодате и лично общавшийся с Гошкевичем литератор Сергей Васильевич Максимов рассказывал следующее: «Понадобилось русскому консулу место для дома, и состоялся приказ Сёгуна не пускать пришельцев селиться в среде города, не отводить им мест удобных в центрах населения. Хакодатское начальство не задумывалось. Была у них на горе за городом великолепная кипарисовая роща. Место это отлично согласовывалось со смыслом предписания из Иеда и видами высшего правительства, но представляло большие неудобства и трудности в том отношении, что гора была слишком отлога, слишком крута для того, чтобы можно было применить к ней русское здание, задуманное, по нашему обыкновению, в широких размерах. Как быть? Хакодатский губернатор согнал огромные массы рабочих, в короткое время немногих месяцев муравьи эти, не знающие устали, вырезали из горы громадный кусок (в несколько десятков сажень длины и ширины), как раз достаточный для того, чтобы иметь вид огромного плаца и поместить консульский дом со всеми службами, даже с церковью и домами секретаря и доктора»¹.

Из наиболее заметных хозяйственных достижений Гошкевича, помимо возведения завершённого в 1859 г. консульского комплекса, включавшего двухэтажный дом консула, одноэтажный дом врача и баню, стоит назвать морской госпиталь, православную церковь и подсобное хозяйство в деревне Камида.

Организованное в 1858 г. в Хакодате консульство на протяжении последующих семи лет оставалось единственным официальным представительством России в Японии. Благодаря открытой стараниями Гошкевича школе, русский стал самым распространённым иностранным языком в Хакодате.

Иосиф Антонович пытался выступать и в роли просветителя, знакомящего азиатов с достижениями европейской материальной культуры. Местным жителям были продемонстрированы модель

---

¹ Максимов С.В. На Восток, поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб, 1871. С. 38.

совершенно не известной им ветряной мельницы, барометр, наглядно продемонстрирована фотосъёмка, подарен прожектор, использовавшийся для освещения гавани.

«АСКОЛЬД» В НАГАСАКИ

Хакодате был не единственным японским портом, хозяева которого в 1858 г. близко познакомились с русскими. Буквально несколькими месяцами ранее консульской группы Гошкевича в Нагасаки прибыл для ремонта, пополнения запасов и лечения заболевших членов экипажа фрегат «Аскольд» под командованием Ивана Семёновича Унковского. Любопытно, что среди офицеров этого судна был и лейтенант Эспер Алексеевич Ухтомский, чей сын станет впоследствии главным экспертом Николая II по дальневосточным вопросам. Ухтомский-старший оставил дневник плавания. Аналогичный источник был написан и другим участником плавания, 21-летним Константином Фёдоровичем Литке, сыном известного мореплавателя.

За время перехода из Петербурга до берегов Японии несколько человек умерли от малярии, дизентерии и других болезней. В Нагасаки на берег были спущены 25 больных моряков, переданных на попечение голландскому врачу Помпе ван Мердервуту. Командир другого русского корабля, «Посадник», писал о нём: «Медик этот, при своей любезности и любви к русским, обладает славою отличного врача и уже 12 лет находится в здешних морях; девять лет он служил на разных судах в Индии и Китае, и я полагаю, что он нам может быть очень полезен; он в настоящее время читает японским докторам лекции медицины в особенно устроенной академии и строит огромный госпиталь на европейский манер для японского правительства»¹.

Подобие госпиталя для больных было организовано у храма Госиндзи («храм доброго разума»). Неподалёку от него пришвартовалось и само судно, нуждавшееся в ремонте. Для этого в

---

¹ Цит. по: Хисамутдинов А.А. Русская Япония. М., 2010. С. 70–71.

течение двух недель на берег свезли всё оружие и оборудование. Затем в храме и его окрестностях, помимо госпиталя, оборудовали жильё для здоровых членов экипажа.

Поскольку проживание на берегу 400 хорошо вооружённых европейцев само по себе могло послужить причиной для конфликтов, японцы учредили рядом с храмом пост с одним полицейским, прикрепили переводчика.

Русские мемуаристы отмечают на редкость доброжелательное отношение со стороны властей и местного населения, отмечалась и та широкая известность, которой пользовалось имя адмирала Путятина — в народе о нём даже сочинили шуточную песенку «Бура-бура-буси», что можно перевести как «Песня о колобке».

Для закрепления отношений с властями через неделю после размещения на берегу Унковский устроил обед, на который пригласил двух японских губернаторов и около 20 десятков чиновников.

Как вспоминал Литке: «При провозглашении тоста за здравие Русского и Японского императоров были произведены салюты из горных единорогов, стоявших на малом дворе. Обед продолжался долго; гости были веселы и разошлись поздно вечером, забывши, по крайней мере наружно, и привычки, и старые обычаи свои; бенгальские огни сопровождали их до самой пристани»¹.

Впрочем, описывать отношения между русскими и японцами как некую идиллию не стоит. В первое время пребывания в Нагасаки, во время увольнений на берег, моряки норовили показать местным жителям своё превосходство, устраивая драки. Однако масштабное применение таких наказаний, как карцер или внеочередная вахта, а также запреты сходить на берег заставили моряков вести себя вежливей; что, впрочем, имело и свою негативную оборотную сторону — около четверти экипажа заразились сифилисом.

Вообще-то поведение, характеризующееся смесью профессионального матросского ухарства с высокомерием, имеющим

---

¹ Литке К.Ф. Фрегат «Аскольд» в Японии // Морской сборник. 1860. № 11. С. 337.

расовую национальную подоплёку, было характерно для многих представителей Запада. Так, моряки с двух американских военных судов устроили в городе дебош, сопровождавшийся разгромом лавок. Английские купцы в одном случае попытались реализовать в Нагасаки партию опиума, в другом — расплатились фальшивыми деньгами. Французский коммерсант увёз на своём судне японскую служанку, что при следующем его визите в Нагасаки привело к неприятным объяснениям с властями, которые должны были следить за соблюдением запрета японцам покидать свою родину без специального разрешения. Урегулировать этот инцидент удалось благодаря посредничеству русских офицеров, так же как и другой инцидент, поводом для которого стала пощёчина, данная голландским комиссаром (представителем) одному из японских чиновников.

В принципе, любой из этих конфликтов мог привести к серьёзному столкновению, с убийством иностранцев японцами, ответными бомбардировками и т. д. по образцу тех, что происходили впоследствии.

Сглаживающая, примиряющая роль русских была на этом фоне особо заметна. О предпочтении, которым они пользовались по сравнению с другими иностранцами, свидетельствует запись К.Ф. Литке: «Как самые старые их знакомые, первые, которые поселились на берегу на более продолжительное время и вошли в ближайшие с ними сношения, мы пользовались самым большим доверием и уважением как частных жителей Нагасаки, так и правительственных лиц. В отношении к первым мы могли это заметить по хорошему и приветливому приёму, который мы постоянно встречали, в какой бы частный дом нам ни случалось заходить; в магазинах мы покупали разные вещи и лучше, и дешевле других иностранцев; некоторые же другие предметы, непозволительные в публичной торговле с иностранцами, японцы по нашей просьбе приносили секретно в храм, так что случалось доставать разные вещи для знакомых нам иностранцев, напрасно старавшихся их приобрести покупкою в магазинах»¹.

---

¹ Там же. С. 345.

Относительно последней фразы, поясним, что речь идёт о запрещённом к вывозу японском оружии, и прежде всего пользующихся спросом у европейцев мечех-катанах.

В целом на фоне тягот предыдущего плавания пребывание в Нагасаки воспринималось моряками едва ли не как отдых, что, впрочем, не отражалось на достаточно высоких темпах ремонта.

К.Ф. Литке так описывал приятную атмосферу Нагасаки: «Редкий день проходил, чтобы Нагасакский рейд не оглашался весёлыми песнями аскольдовских матросов, возвращавшихся с работы; баркасы наперегонки друг перед другом спешили достичь пристани и иногда решались тягаться с капитанским катером, который как стрела пролетал мимо них со скоростью почти семь узлов; сзади плелась наша черепаха-четвёрка с офицерами, у каждого на лице было написано то весёлое и самодовольное выражение, которое есть непременно следствие сознания хорошего и ревностного исполнения долга»¹.

Закреплению дружественных отношений между русскими и японцами способствовали энергичные действия русского экипажа во время пожара в Нагасаки 8 (21) марта 1859 г., который начался на территории голландской фактории. К.Ф. Литке следующим образом описывал дальнейшие события: «Выскочив из комнат и увидев огромное зарево пожара на другой стороне залива, мы разбудили команду, захватили с собой всё, что только могло быть полезно при тушении пожара — вёдра, маты, брандспойты; часть людей отправили на фрегат за топорами и остальными брандспойтами, и через полчаса первый баркас пристал уже к пристани голландской фактории.

Картина, которую мы застали, была ужасна и смешна. Несколько домов уже сгорело; огонь распространялся с неодолимой быстротой. Бедные голландцы потеряли головы, бросались из одного конца в другой, не имея ни людей, ни инструментов, а следственно, и средств остановить огонь; японцы же, прибежавшие массами из города, боялись подступиться; пожарные их партии

---

¹ Литке К.Ф. Фрегат «Аскольд» в Японии // Морской сборник. 1860. № 12. С. 148.

в отличных разноцветных костюмах с фонарями на длинных шестах и огромными баграми стояли, вытянувшись вдоль улицы, не двигаясь с места, и только шумели и кричали.

Видя такой беспорядок, капитан принял все распоряжения на себя. По первому слову люди наши бросились в огонь спасать товары и вещи, ещё не застигнутые огнём...»¹.

Чтобы предотвратить распространение пожара, начали разламывать загоревшийся дом. «Покуда часть людей с опасностью жизни и вопреки приказаниям офицеров продолжала возиться в пламени, спасая частью уже захваченное огнём имущество голландцев, другая часть подрубала фундаментальные балки и заносила кабельтовы в разные стороны, один за верх, другой за низ дома. Всё это было готово, прежде чем пламя успело захватить соседний дом, команду пополам поставили на оба кабельтова, и когда последний человек вышел из качавшегося дома, грянули “Дубинушка”. “Зелёная сама пойдёт” — и дом лежал уже в развалинах.

Самая трудная работа была сделана, опасность миновала, все вздохнули свободнее, и даже японцы ободрились и начали добровольно помогать нашим матросам. Весь труд состоял теперь в том, чтобы предохранить от горящих остатков соседний, ещё нетронутый, дом и уничтожить остатки огня на погорелом месте.

Покуда мы с одной стороны тушили огонь и спасали товары и имущество, нам с другой стороны пришлось отстаивать эти же вещи от другой опасности. Занятые самим пожаром и нуждаясь в большом количестве рук, мы забыли про спасённые нами вещи, снесённые на берег, и оставили их без присмотра. Купеческие суда, стоящие на рейде, вздумали воспользоваться этим обстоятельством и наслали множество своих шлюпок, которые моментально нагрузились спасённым имуществом и хотели было отваливать, когда нам дано было знать. Видя приближение наших людей, на шлюпках отрезали фалини и оттолкнулись от берега; но это им не помогло.

---

¹ Литке К.Ф. Фрегат «Аскольд» в Японии // Морской сборник. 1860. № 12. С. 152–153.

Под предводительством своих офицеров наши матросы бросились в воду и настигли шлюпки, некоторые вплавь, и, подвергая жизнь опасности при отпоре гребцов, заставили их воротиться к берегу и таким образом вторично спасли имущество, похищенное, к нашему общему стыду, европейцами на глазах у целого почти нагасакского народонаселения»¹.

Поскольку задержка с ликвидацией пожара могла привести к тому, что огонь перекинулся бы и на другие части Нагасаки, жители весьма эмоционально выражали русским морякам свою благодарность, останавливая их для этого на улицах, приглашая в гости и даже придумав на соответствующий сюжет несколько стихов и песен.

Особенно сдружились русские матросы со своими ближайшими соседями из местечка Инаса, часть жителей которого занимались обслуживанием пришельцев.

И когда по окончании ремонта «Аскольда» пришлось продолжить плавание, прощание с ними было особенно тёплым, все обнимались, матросов и офицеров чуть не силком затаскивали в гости, а когда корабль уже отчаливал от берега, провожавшие его в лодках люди кричали по-русски: «Прощайте, прощайте, не видать нам больше вас, не забывайте нас!».

Подводя итоги стоянки «Аскольда» в Нагасаки, К.Ф. Литке писал: «Мы сохранили самые глубокие и приятные воспоминания о нашей там зимовке, они никогда не сгладятся с нашей памяти, и уверены, что и японцы не скоро нас забудут; фрегат “Аскольд” ещё долго будет жить в преданиях японского народа, и русские, посещающие Нагасаки, слушая рассказы о жизни нашей в Госиндзи, будут с удовольствием вспоминать, на какой степени самостоятельности и уважения стояли тогда русские в Японии»².

История стоянки «Аскольда» в Нагасаки, несмотря на определённые сложности, в целом представляет собой позитивный

---

¹ Там же. С. 154–156.

² Там же. С. 162.

пример сближения двух культур; опыт, который мог быть реализован на практике только при обоюдной готовности обеих сторон к сближению, готовность слышать и понимать друг друга.

И всё же было бы ошибочным рисовать деятельность русских дипломатов и военных моряков исключительно в пасторальных красках.

При этом в полном соответствии с характером предшествующих событий российские дипломаты шли за военными моряками, каковые по-прежнему, во многих случаях «де-факто», занимались разграничением территорий, причём действовали они, исходя из принципа, провозглашённого уже покойным Николаем I: «Где раз поднят русский флаг, он больше спустаться не должен».

Однако новые реалии подкорректировали этот тезис, придав ему менее категоричную форму.

РОССИЯ СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ, ЯПОНИЯ РАСКРЫВАЕТСЯ...

Стоит напомнить, что слова о русском флаге изначально были сформулированы в виде резолюции, наложенной на доклад капитана 1-го ранга Геннадия Ивановича Невельского, основавшего на оспариваемой у китайцев территории пост в устье Амура. Самые же известные его достижения как географа связаны с изучением Сахалина, вопросы разграничения которого на ближайшие годы и стали главным «яблоком раздора» с Японией. Однако, чтобы понять контекст спора, имеет смысл подробнее осветить место России в геополитических играх...

В 1856 г. был подписан Парижский мирный договор, завершивший Крымскую войну, причём его условия, во-первых, существенно ограничивали суверенитет России запрещением иметь ей военный флот на Чёрном море, а во-вторых, впервые со времён Петра I привели, хотя и к незначительному, но всё же сокращению российской территории за счёт южной части Бессарабии.

Последняя потеря ни в военном, ни в экономическом отношении не имела никакого значения, но сам факт, образно говоря, спуска русского флага серьёзно травмировал национальное сознание российского общества.

В сущности, последующую военную активность на кавказском и среднеазиатском направлениях можно считать попыткой излечить эту травму. Аналогичную подоплёку можно усмотреть и в событиях на Дальнем Востоке, хотя здесь российская экспансия изначально ограничивалась установкой на стремление избежать участия в военных конфликтах.

Выбор Кавказа, Средней Азии и Тихоокеанского региона именно в качестве направлений для расширения границ Российской империи вполне логичен, учитывая тот шок, который в результате Крымской войны привёл к почти полному свертыванию дипломатической активности в Европе.

Ситуация, когда в результате слишком резких движений, имеющих целью ликвидацию Турецкой империи, Россия фактически противопоставила себя всей Европе, настолько потрясла Николая I, что, возможно, стала причиной его преждевременной смерти.

На удивление сдержанной была поначалу и европейская политика его преемника — Александра II, что компенсировалось активизацией в регионах, ситуация в которых не должна была слишком сильно беспокоить такие великие державы, как Великобритания, Франция, Австрия.

При этом степень активности России на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке была различной как по формам экспансии, так и по ощущению той «красной линии», далее которой царское правительство идти не собиралось.

На Кавказе руководители российской внешней политики, в сущности, не думали о чём-либо большем, нежели усмирение горских племен и ликвидация «имамата Шамиля». Продвижение за пределы Грузии, Восточной Армении и Северного Азербайджана могло привести к конфликту не только с Турцией и Персией, но и с Великобританией, то есть к повторению ситуации времён Крымской войны, что было для российского руководства настоящим кошмаром.

В Средней Азии «красная линия» пролегла примерно на границе, разделяющей Хиву, Бухару и Туркмению с афганскими землями. Вторжение русской армии в Афганистан могло восприниматься в Великобритании только как пролог к нападению на Индию и должно было спровоцировать энергичные контрдействия Лондона вплоть до попыток организовать общеевропейский альянс против России. Опять-таки с перспективой повторения Крымской войны.

На Дальнем Востоке ситуация была принципиально иной по сравнению и со Средней Азией, и с Кавказом, и тем более с Европой.

Возможность того, что российская экспансия вызовет бурное недовольство других великих держав, была минимальной. Скорее, напротив...

Анархия, охватившая Китай в связи с восстанием тайпинов (1850–1864 гг.), с одной стороны, открывала возможности для начала колониального раздела ослабленной Поднебесной империи, а с другой — вполне могла привести к бурной ответной реакции и консолидации всех националистических сил Китая.

В столь сложной ситуации великие державы пытались как-то координировать свои действия, временно отодвигая на задний план спорные вопросы, связанные с обоюдными претензиями на те или иные китайские регионы.

Общее для всех европейских держав стремление расширить своё влияние в Китае автоматически усиливало их интерес и к соседним странам — Японии и Корее.

При этом японские и корейские вопросы могли рассматриваться и как самостоятельные, в отрыве от китайского, так и в едином с ним комплексе.

Бесспорным было лишь то, что японский (как, впрочем, и корейский) вопрос имел свою специфику и требовал, по крайней мере на методологическом уровне, особого подхода.

Подходы эти формировались стихийно и могут быть охарактеризованы как «метод Перри» (силовой диктат) и «метод Путятин» (мягкое дипломатическое давление и игра на контрасте с силовой политикой других держав).

Симодский трактат продемонстрировал все преимущества «метода Путятина» и создал правовую базу для дальнейшей экспансии России на территориях, которые Япония рассматривала как находящиеся в зоне своего влияния.

В связи с этим представляет интерес трактовка того, как именно выстраивали отношения с Японией Россия и Запад, данная Э.Э. Ухтомским, который на мировоззренческом уровне оспаривал правомочность «цивилизованных» народов навязывать свою волю «нецивилизованному»: «Запад ... почти ничего не понимал во внутреннем строе оригинального царства, пока наконец извне не пришёл суровый запрос, по какому праву суда цивилизованных наций лишены убежища в непогоду или просто-напросто выгодных стоянок у “страны восходящего солнца”, т. е. того, в чём уже нет отказа нигде на свете даже со стороны грубых дикарей, научившихся горьким опытом уважать волю “белого” пришельца. Стоило наступить такому историческому моменту, — и счастливое мирною обособленностью, довольное судьбой и характером правления, достигшее полного домашнего спокойствия после периода тяжких междоусобий японское население испуганно и с негодованием всколыхнулось при виде пушек врага, направленных на его цветущее побережье ... Имел ли он, строго говоря, нравственную силу за собой, навязывая целому народу отрицательные блага чуждой ему материальной культуры, или действовал на основании произвола, — пусть судит история; нам, русским, которых это мировое событие когда-нибудь должно затронуть больше других, важно помнить одно, что не мы искусственно и насильственно вызвали самолюбивых соседей-островитян из состояния сладостной двухвековой летаргии. Пробуждая их из неё, гуманный лорд Эджин недаром вопрошает будущее в своем дневнике: “Что дадим мы им, — не разорение ли и гибель?”»¹.

---

¹ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества наследника Цесаревича. Т. 3. СПб, 1897. С. 7.

МИССИЯ МУРАВЬЁВА-АМУРСКОГО

В 1856 г., исходя из тезиса о Сахалине как зоне совместного владения, российские власти устроили на западном берегу острова военный пост в Дуэ; в следующем, 1857 г., был устроен военный пост в Кусунай (Ильинске).

Фактически Россия продолжила уже начавшуюся колонизацию Сахалина, в то время как Япония ещё не могла выступить в этом соперничестве на равных, будучи лишена флота.

Однако вопрос о Сахалине, в сущности, был на тот момент для царского правительства второстепенным по сравнению с главной целью — достижением всеобъемлющего российско-китайского соглашения.

В мае 1858 г. первый из необходимых для такого соглашения договоров был подписан в Айгуне. В нём определялось, что левый берег Амура является владением России, а правый — до реки Уссури — принадлежит Китаю. Однако пространство от Уссури до моря оставалось неразграниченным и находилось в общем владении обоих государств, что в значительной степени напоминало ситуацию с Сахалином.

1 (13) июня 1858 г. Путятин подписал с китайскими уполномоченными Тяньцзиньский договор о переводе российско-китайских отношений на более высокий уровень и улучшении условий торговли. Причём его содержание позволяло несколько по-иному взглянуть на Сахалин, который фактически должен был превратиться в естественное прикрытие для развёртывания масштабных проектов, связанных с освоением Дальнего Востока.

В то же время успешная реализация этих проектов была возможна только при создании серьёзного экономического базиса, каковой мог сформироваться лишь в случае расширения торговли с Китаем, Японией, Кореей.

Мысль эта разделялась многими представителями высшей бюрократии, однако воплощать её в жизнь зачастую пытались если не силовыми методами, то с помощью дипломатического нажима.

Показательной в этом отношении стала миссия генерал-губернатора Восточной Сибири графа Николая Николаевича

Муравьёва-Амурского, который в августе 1859 г. прибыл на пароходе «Америка» в Эдо, причём его посольство сопровождала целая эскадра русских кораблей под командованием капитана 1-го ранга Ивана Фёдоровича Лихачёва.

О том, что предшествовало этому визиту, Муравьёв-Амурский писал директору Азиатского департамента, Евграфу Петровичу Ковалевскому: «Из Хакодате я уведомил, по совету Гошкевича, японский Верховный Совет, что буду 20-го июля в Иеддо для окончательного рассуждения о границе. Вследствие данного мне Государем уполномочия. 15-го июля я обещал возвратиться в Хакодате, возьму там Гошкевича и пойду в Иеддо с эскадрою, но едва ли успею туда 20-го, а буду разве около 25-го июля, ибо движение судов гораздо медленнее, чем я ожидал, исключая парохода “Америка”, на котором я везде успеваю впереди всех».

В сущности, главной целью миссии Муравьёва-Амурского было обсуждение сахалинского вопроса, материалами по которому его снабдил Гошкевич.

Однако внутривосточная ситуация в Японии не слишком благоприятствовала подобным переговорам. Военный моряк, этнограф и публицист Александр Яковлевич Максимов не был очевидцем тех событий, но слышал о них от непосредственных участников, а потому его свидетельство, хотя и не совсем объективно, но весьма интересно как исторический источник. В опубликованной в 1901 г. брошюре «Наши задачи на Тихом океане» он писал следующее: «В 1859 году отношения наши к японцам опять изменились. Изменился и самый состав японского правительства: партия прогресса, заключавшая трактаты с европейцами, уступила место партии, враждебной последним. С нашей стороны граф Путятин заменил граф Муравьёв-Амурский. Целью переговоров опять сделался злополучный Сахалин. Россия желала приобрести его целиком и притом даром, подействовать лишь на воображение японских чиновников присутствием многочисленной военной эскадры, ещё не бывавшей в водах Иеддо [Токио], громом пушек, необыкновенной пышностью посольства и подарками. Переговоры тянулись целый месяц и не привели к желаемому результату благодаря

энергичному противодействию английского посланника, успешшего придать в глазах гордых японцев присутствию русской эскадры в японских водах угрожающий смысл.

Таким образом, вследствие интриг представителя Великобритании доверие, до сих пор существовавшее между Японией и Россией, было временно нарушено, а неприязнь не замедлила проявиться: русский офицер и матрос пали под саблями убийц, подосланных недовольными князьками. Этим насилием начался целый ряд тайных убийств, имевших целью изгнание европейцев из Японии. Печальное происшествие это могло бы оправдать всякую энергичную меру с нашей стороны, но мы удовольствовались извинениями японских чиновников в надежде возвратить своим миролюбием прежнее расположение японцев»¹.

К месту переговоров в Йокогаму российские корабли прибыли 4 (16) августа. Через три дня японские уполномоченные Эндо Тадзима-но-ками и Сакаи Укёноски посетили Муравьева на фрегате «Аскольд», а 10 (22) августа русская делегация, численность которой с учётом эскорта из моряков гардемарин и офицеров достигала 300 человек, сошла на берег, где её встречали японские чиновники, зато почти отсутствовали местные жители, поскольку власти запретили им участвовать в церемонии.

Впрочем, русских моряков свободно допустили в город, где они имели полную возможность пообщаться с японцами и на улицах, и на рынке.

Муравьев тем временем начал переговоры, по ходу которых его партнёры предлагали разделить Сахалин практически поровну по 50 градусу северной широты. Граф, в свою очередь, настаивал на полном отказе японцев от претензий на остров, причём обе стороны твёрдо стояли на своих позициях.

В конце концов нормальный ход миссии оказался прерван драматическими событиями, когда 13 (25) августа 1859 г. в Йокогаме во время закупки провизии были убиты местными жителями мичман Мофетт и матрос Иван Соколов.

---

¹ Максимов А.Я. Наши задачи на Тихом океане // www.milresource.ru/Maksimov.html.

Командир русской эскадры капитан 1-го ранга и будущий адмирал Андрей Александрович Попов следующим образом излагал обстоятельства этой трагедии: «Мофетт шёл из лавок в сопровождении матроса Ивана Соколова, который нёс за ним ящик с деньгами, а мещанин Александр Корольков шёл несколько впереди них. Вдруг на одном из перекрёстков на них напали несколько японцев, вооружённых саблями. В темноте и при неожиданности нападения борьба была невозможна, тем более что никто из наших не имел при себе оружия; через минуту матрос упал мёртвым, а мичман Мофетт плавал в крови своей, получив несколько глубоких и смертельных ран. Корольков же, предупреждённый г. Мофеттом, который закричал ему: “Александр, нас бьют!”, кинулся в одну из лавок, в то время уже запиравшуюся на ночь хозяином, и был спасён последним, но получил сильную рану в левую руку с перерубом кости; другим ударом у него перерублена фуражка у самого виска»¹.

Ящик с деньгами преступники, разумеется, прихватили с собой, так что теоретически речь могла идти о банальном ограблении. Однако и местные власти, и русские восприняли случившееся именно как акт, связанный с выражением того недовольства, которое накопилось в Японии в связи с принудительным «открытием» страны западными державами. Очевидно, что характер миссии Муравьёва хотя бы в общих чертах был известен и населению Иокогамы, истолковавшему цели этого визита в максимально не выгодном для русских духе.

В то же время не исключено, что подобное толкование в известной степени было инспирировано именно западными державами, косвенным свидетельством чего являются негативные отзывы о миссии Муравьёва, данные посланниками Великобритании и Франции — Ратэрфордом Олкоком и Шенем де Белькуром.

При этом Олок предлагал русскому посланнику наказать японцев. Но «граф Муравьёв-Амурский не счёл нужным противу

---

¹ Из рапорта флигель-адъютанта Попова // Морской сборник. 1860. № 15. Известия. С. 39.

слабых употребить превосходные силы нашей эскадры, находившейся в его распоряжении, а, приняв во внимание деятельное и особенное участие японских властей при следствии, произведённом флигель-адъютантом Поповым, заботы местных властей о несчастных жертвах преступления, публичное соучастие представителей японского правительства в торжественной похоронной процессии убиенных русских, совершенно приличное обстоятельству поведение и поступки народонаселения в Иокогаме во время торжественных похорон, наконец, посылку на нашу эскадру со стороны правительства особой депутации для принесения извинения о случившемся, — граф ограничился требованием: чтобы губернатор Иокогамы был сменён и Японское правительство приняло бы все зависящие от него меры для предупреждения впредь подобных преступлений и для совершенной безопасности иностранцев, пребывающих в Японии»¹.

24 августа (6 сентября) 1859 г. Муравьёв на пароходе-корвете «Америка» отправился в Хакодате, оставив в Иокогаме капитана 1-го ранга Унковского с фрегатом «Аскольд», однако найти преступников так и не удалось. Любопытно, что, согласно рапорту флигель-адъютанта Унковского от 17 (29) сентября 1859 г., японское правительство предложило «в назначенный срок казнить на месте преступления в присутствии моём полицейского чиновника, который был дежурным в Иокогаме в день убийства. На это последнее решение, казавшееся мне несправедливым, я не согласился»².

Конечно, казнить полицейского было бессмысленно и несправедливо, однако подобные безнаказанно совершавшиеся убийства раздражали всех представителей Запада. Никогда не заподозренная в русофильстве британская газета «Таймс» в номере от 17 (5-го по старому стилю) ноября 1859 г. с возмущением писала: «Вчера один пьяный японский офицер размахивал шпагой (с толстой рукояткой и лезвием наподобие бритвы), заявляя, что он желал

---

¹ Из донесений генерал-губернатора Восточной Сибири // Морской сборник. 1860. № 15. Известия. С. 37–38.

² Из рапорта флигель-адъютанта Унковского // Там же. С. 43.

бы срубить голову русскому. И что же сделали? Он был очевидно опасен, и его оттащили в сторону на почтительное расстояние длинным шестом с крюком и обезоружили, но только для того, чтобы он отправился домой»¹.

ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Между тем проблема разграничения Сахалина осталась нерешённой. По ходу переговоров, аргументируя позицию русского правительства в сахалинском вопросе, Муравьёв ссылался на опасность захвата острова западными державами, констатируя, что противостоять подобным акциям Япония была не в силах, и предлагая провести русско-японскую границу по проливу Лаперуза между Сахалином и Хоккайдо (Эдзо) со свободным проживанием и рыболовством японцев в районе Анива.

Также Н.Н. Муравьёв напомнил, что до появления японских рыбаков Сахалин считался «китайским островом», прилежащим к району реки Амур (по-китайски Сахалин-ула), отошедшему к России по русско-китайскому Айгуньскому договору, и на тот факт, что ещё в 1853 г. в заливе Анива был основан русский сторожевой пост Муравьёвский в местечке Кусгон котан.

Ответная аргументация японской стороны основывалась на том, что, в соответствии с условиями Симодского трактата, Сахалин был признан остающимся в совместном владении двух стран, хотя по ходу самих переговоров рассматривался вопрос о возможном разделе острова по 50° с. ш.

Довод Н.Н. Муравьёва о том, что Е.В. Путятин не имел никаких полномочий принимать решения о разделе Сахалина, поскольку остров находился в его, Муравьёва, компетенции (как губернатора Восточной Сибири), серьёзного значения не имел. Ведь само обращение к подобной аргументации означало искусственное низведение сахалинского вопроса до внутреннего дела России, что в той конкретно-исторической ситуации выглядело нелогичным.

---

¹ Цит. по: Морской сборник. 1859. № 12. Смес. С. 106–109.

В письме министру иностранных дел князю Александру Михайловичу Горчакову Н.Н. Муравьев признавался: «...о переговорах моих в Японии, которые в отношении Сахалина не имели желанного успеха [император Александр Второй собственноручно подчеркнул эти слова и написал: «Весьма жаль»]... но настоящее посещение моё столицы Японии с приличною эскадрою будет, конечно, иметь полезное для нас влияние на умы японцев, а представители там Англии и Американских Соединённых Штатов, без сомнения, будут довольны за те дружеские советы, которые я внушил японскому правительству во время пребывания в Иеддо»¹.

Как интересный штрих следует отметить, что во время плавания в Эдо на корвете-пароходе «Америка» проводились гидрографические исследования в Сангарском проливе. Участвовавший в них уже знакомый нам лейтенант П. Назимов в 1861 г. опубликовал в «Морском сборнике» свои воспоминания, содержащие как наблюдения, характерные для военного («на обоих берегах его много хороших якорных стоянок»; «генеральное течение в проливе, занимающее в ширину большое пространство, есть западное» и др.)², так и эпизоды, наводящие на размышления более глобального характера. Например, после встречи с «эскадрой японских рыбаков в 75 лодок с экипажами в 14–16 человек [то есть около 1125 человек] смелых моряков, привыкших к бурям и ко всем морским случайностям», автор приходит к выводу, что «из этого народа нетрудно образовать хороших матросов. Прибавя к этому национальный патриотизм, мы безошибочно можем считать, что Япония имеет в своём распоряжении десятки тысяч моряков — возможности и средства, представляющиеся ей для будущего развития»³.

Подобные размышления, бесспорно, навеяны общим контекстом, в котором проходила миссия Муравьева, в том числе события, разворачивавшиеся вокруг острова Цусима (название

---

¹ Цит. по: *Фумото Синъити*. Политика царской России на Сахалине в период открытия Японии // Исторические источники. Токио, 2008. С. 15.

² Из плавания у берегов Японии // Морской сборник. 1861. № 5. С. 38.

³ Там же. С. 42–43.

которого в начале XX века станет символом одной из величайших в российской военной истории трагедий).

Начиная с 1855 г. британские корабли достаточно часто посещали этот небольшой, но стратегически важный клочок суши, расположенный в Корейском проливе.

На его оккупации настаивал и английский консул в Хакодате, даже предлагавший переименовать Цусиму в остров Перим.

Муравьёв во время своей миссии указывал японской стороне на британские замыслы. Но поскольку никакой видимой реакции на это предупреждение не последовало, 15 (27) ноября 1859 г. он дал указания военному губернатору Приморской области и командующему Сибирской флотилией и портов Восточного океана контр-адмиралу Казакевичу принять меры против возможного захвата Цусимы англичанами или французами. Дословно: «значительные приготовления, делаемые Англией и Францией к новой войне с Китаем, поставляют и нас в необходимость иметь все суда вверенной Вам флотилии в готовности к выступлению в море немедленно...»¹.

Характерно, что и в данном случае проблема, имеющая самое прямое отношение к Японии, рассматривалась не сама по себе, а в увязке с китайским вопросом.

При этом в качестве претендентов на Цусиму указывалась и Франция, хотя интерес Парижа, судя по всему, не основывался на каких-либо долгосрочных расчётах. Франция в этот период была занята борьбой с Австрией за преобладание в Италии и явно не имела склонности всерьёз втягиваться в территориальные споры на Дальнем Востоке. Более того, в Париже испытывали определённую озабоченность в связи с перспективой втягивания во франко-австро-итальянский конфликт России, которая на протяжении многих лет выступала как традиционный союзник империи Габсбургов.

В реальности российское правительство было глубоко обижено на Австрию за враждебную и предательскую позицию, занятую

---

¹ Цит. по: *Фумото Синъити* Инцидент с корветом «Посадник» // Исторические источники. Токио, 2004. С. 68.

правительством Франца-Иосифа во время Крымской войны. Однако в Париже степень этой обиды, вероятно, недооценивали и, во всяком случае, явно не имели желания конфликтовать с Россией по незначительному дальневосточному вопросу. Как следствие, в цусимском инциденте Франция не участвовала.

В любом случае очевидно, что, никак не проявив себя в качестве не то что великой, но даже серьёзной региональной державы, Япония помимо своего желания превращалась в участника сложных геополитических комбинаций.

Кроме того, Страна Восходящего Солнца с её 30-миллионным населением представляла бесспорный интерес в качестве рынка сбыта, что на тот момент (в глазах по крайней мере англичан и американцев) могло иметь даже большее значение, чем выгоды стратегического характера.

В сущности, характер последующих событий показал, что борьба за гегемонию в Тихоокеанском регионе не просто велась ради экономических выгод, но и общий исход её в значительной степени определялся именно результатами экономического соперничества.

Эту ситуацию очень точно уловил даже такой романтик, как А.В. Максимов: «Между тем порты Японии, открытые трактатами, были уже переполнены коммерческими судами всех наций; обширная, выгодная торговля возникла вдруг в разных пунктах богатого архипелага в водах Японии, что крайне удивляло практических, сметливых японцев. Неспособные подняться до понятия какой-то “идеальной” дружбы, они не переставали спрашивать нас, “когда же придут русские купеческие корабли?”. Мы отзывались бескорыстием нашей дружбы, тщетно стараясь скрыть печальную действительность и наше ничтожество как коммерческой морской державы. Напрасно, у японцев были уже учителя (голландцы, англичане и французы), от которых они скоро узнали, что Россия не спешит, подобно другим государствам, воспользоваться благами трактатов только потому, что не имеет коммерческих судов... Сообщение это крайне озадачило японцев, у которых вдруг явилось, благодаря нашётыванию европейцев, подозрение в политической двуличности России.

“С какой целью содержит Россия в наших водах такую сильную эскадру, с какой целью употреблено русскими столько усилий, чтобы войти с нами в сношения, для чего заключили два торговых трактата?” — спрашивали они. Подозрение постепенно росло. Сильная эскадра, пребывавшая в японских водах, и постоянные при том заявления со стороны русских в дружбе и расположении не вязались как-то в уме японцев, уже настроенных англичанами несколько подозрительно.

Им стало казаться, что Россия имеет какую-то затаённую, корыстную цель, и они начали поглядывать на нас, как на тайных врагов.

Неожиданный, трудно оправдываемый факт нашего насилия вдруг как бы подтвердил накопившиеся подозрения японцев: искренние друзья, постоянно напоминавшие о своём безграничном расположении, захватили остров Цусиму в тот момент, когда это казалось положительно невозможным. Захват этот, сделанный по непростительной инициативе одного из командиров военных судов, раскрыл глаза японцам и разъяснил им всю загадку “странной”, по их мнению, русской политики. Японцы не замедлили обратиться за посредничеством к Англии, и мы со стыдом оставили захваченный остров, надолго лишившись расположения Японии»¹.

На самом деле конфликт, закручивавшийся в 1859 г. вокруг Цусимы, лишь в незначительной степени отражал сложную ситуацию, вызванную борьбой великих держав за гегемонию, причём не только в Европе, но и в других частях света. Сам же этот эпизод не имел долговременных последствий, но может считаться показательным и отчасти пророческим, особенно с учётом последующих драматических событий.

Однако с того момента, как русское военно-морское командование проявило серьёзный интерес к Цусиме, и до начала активных действий по закреплению на острове произошёл целый ряд событий, на которых необходимо остановиться подробнее.

---

¹ *Максимов А.Я.* Наши задачи на Тихом океане.

БАЛТИЙСКАЯ ЭСКАДРА В ЯПОНСКИХ ВОДАХ

Необходимость иметь на Дальнем Востоке серьёзные военные силы, с помощью которых можно было бы подкрепить претензии на те или иные территории, привела к тому, что царское правительство решило послать в этот регион целую эскадру, перед командованием которой была поставлена задача не политического, разведывательного, экономического или дипломатического, а военно-стратегического характера.

Здесь следует учитывать, что на Дальнем Востоке Россия уже располагала Сибирской флотилией в составе трёх корветов, двух клиперов и двух винтовых транспортов. Однако теперь речь шла о посылке на Дальний Восток кораблей Балтийского флота.

В путь они отправились из Кронштадта, двумя отрядами, выходящими в плавание по мере их формирования и завершения подготовки экипажей.

В начале 1860 г. вышел первый отряд в составе корветов «Воевода» и «Боярин», клипера «Джигит» (того самого, на котором на Хакодате был доставлен Гошкевич), а также нескольких вспомогательных судов под командованием капитана 1-го ранга И. Кузнецова.

Следующий отряд включал в себя корветы «Рында», «Гридень», клипер «Опричник» и др., а командовал им капитан 1-го ранга А.А. Попов.

По прибытии в Печелийский залив (к берегам Китая) суда эскадры должны были поступить в распоряжение русского посланника в Пекине генерал-майора свиты Его Императорского Величества Николая Павловича Игнатьева (сменившего на этом посту графа Путятина).

Согласно инструкции, разработанной генерал-адмиралом великим князем Константином Николаевичем и управляющим министерством адмиралом Николаем Карловичем Краббе, по прибытии к берегам Японии эскадра должна была собраться в одном из трёх портов — Хакодате, Нагасаки или Симода, но предпочтительно в Хакодате как «ближайшем к Амурскому краю».

По этому замечанию видно, что главную цель посылки эскадры российское правительство видело не в противодействии усилению британского влияния в Японии и даже не в прикрытии дальневосточных владений России, а в давлении на Китай с целью благоприятного решения вопросов пограничного размежевания. Что, впрочем, не перечёркивало и две другие указанные задачи, которые при определённом изменении обстановки могли бы приобрести первенствующее значение.

Учитывая общую весьма напряжённую обстановку на Дальнем Востоке, связанную как с обострением ситуации вне и внутри Японии, так и с продолжающейся гражданской войной в Китае, можно констатировать, что правительства как минимум двух великих держав — России и Великобритании — прорабатывали сценарии серьёзного военного конфликта, который мог вспыхнуть на периферии тогдашнего «цивилизованного мира».

Однако сценарии, предполагающие прямое и не отягощённое ничьим вмешательством столкновение России и Великобритании, неизбежно выглядели тупиковыми, поскольку, по образному выражению журналистов, такое столкновение напоминало бы поединок «слона» (России с её мощной армией) и «кита» (Британии с её не менее мощным флотом).

Выход из тупика мог заключаться как в привлечении дополнительных союзников, так и в принятии нестандартных стратегических решений. Одним из таких нестандартных решений как раз и стала разработанная российскими военно-морскими аналитиками концепция крейсерской войны.

Суть её основывалась на той предпосылке, что в случае русско-британского конфликта более сильный английский флот ни в коем случае ни позволит русским военно-морским силам выбраться из Балтики. Отсюда проистекал вывод: если опасность войны станет реальной, все наиболее мощные русские суда должны остаться на своих базах. Что же касается маневренных кораблей — фрегатов (позже крейсеров), то ещё до объявления войны им следует выйти в открытое море, чтобы затем тревожить морские коммуникации противника.

Искать крейсера на просторах мирового океана было всё равно, что искать горсть иголок в стоге сена. Сколь бы резво ни гонялись англичане за русскими кораблями, найти и уничтожить их все не представлялось возможным. Некоторые из них всё равно уцелели бы и продолжали топить торговые суда Британии.

Могущество «коварного Альбиона» базировалось на торговле, так что удар по морским коммуникациям должен был если не разрушить, то хотя бы подорвать английскую экономику.

Поскольку заокеанских владений у России не было, использовать в качестве баз для крейсерской войны можно было лишь территории государств, либо союзных царскому правительству, либо не способных дипломатическими и силовыми методами противостоять соответствующему предложению из Санкт-Петербурга.

В том, что Япония или Китай смогут отстоять своё право на нейтралитет в случае поединка «слона» и «кита», и в Лондоне и в Санкт-Петербурге, видимо, сомневались.

Для русского же морского командования, да и для правительства, отправка эскадры на Дальний Восток давала возможность опробовать концепцию крейсерской войны в близкой к боевой обстановке, понаблюдав за реакцией основных государств-участников тихоокеанского «пасьянса». Бесспорный интерес представляла и техническая сторона дела, связанная с возможностью переброски с Балтики на Тихий океан сколь-нибудь крупных соединений.

Собственно технические проблемы поначалу и представлялись наиболее серьёзными. Так, поскольку паровые машины на судах были ещё очень несовершенными, в соответствии с Инструкцией командирам кораблей во время долгого перехода надлежало употреблять «преимущественно паруса, пользуясь парами в тех только случаях, где употребление их представляет несомненную выгоду, для минования опасных мест»¹.

---

¹ Цит. по: *Соболев В.С. Документы эскадры в Китайских водах адмирала И.Ф. Лихачева как источники по истории русско-японских отношений (1860–1861 гг.) // Исторические источники. Токио, 2006. С.77.*

О том, что, наряду с военно-стратегическим, рейд эскадры носил и традиционный разведывательно-ознакомительный характер, свидетельствует пункт, по которому командованию эскадры предписывалось, «когда позволит положение дел, посетить соседние страны, ясное понятие о положении коих для нас важно в политическом и морском отношении»¹.

В целом же командующему эскадрой капитану 1-го ранга (в 1861 г. произведён в контр-адмиралы) Ивану Фёдоровичу Лихачёву давались самые широкие полномочия: «В случаях непредвиденных этою инструкцией и требующих безотлагательной решимости, Вы не затрудняйтесь избрать тот образ действий, какой признаете за лучшее, не стесняясь ничем...»².

В дальнейшем состав судов эскадры менялся. Так, роль флагманского корабля перешла к прибывшему из Средиземного моря 60-пушечному винтовому фрегату «Светлана».

Помимо него, в основной состав эскадры входили военные суда — корветы «Боярин», «Воевода», «Посадник», клиперы «Джигит», «Наездник», «Опричник» и «Разбойник».

В октябре 1860 г. из Кронштадта на Тихий океан отправились корвет «Калевала» и клипер «Абрек», к которым в Великобритании присоединились только что построенные по заказу российского правительства клипер «Гайдамак» и винтовая лодка «Морж». Новые суда должны были заменить отозванные на Балтику корвет «Гридень», клипера «Опричник» и «Стрелок». В 1861 г. из Кронштадта на Дальний Восток вышли корветы «Рында» и «Новик», клипер «Всадник», сменившие клипер «Джигит», корветы «Боярин» и «Воевода».

Несмотря на внушительную боевую мощь эскадры, её командование проявляло разумную сдержанность, о чём свидетельствует приказ И.Ф. Лихачёва от 21 мая (2 июня) 1860 г., в котором отмечалось, что «правительство наше находится в совершенно нейтральных и мирных отношениях как с Китаем, так и со всеми европейскими державами», в связи с чем командирам кораблей предписывалось

---

¹ Там же. С. 79.

² Там же. С. 80.

«избегать поводов для ссор и недоразумений с китайцами, особенно если Англия и Франция откроют военные действия»¹.

Время написания приказа практически совпало с началом Восточного похода тайпинов и активизацией боевых действий в ходе начавшейся ещё в 1856 г. Второй опиумной войны, в которой, помимо Великобритании, в качестве противника Поднебесной империи выступали сначала Соединённые Штаты Америки, затем Франция.

Боевые действия между Китаем и европейскими державами закончились в 1860 г. подписанием Пекинского мирного договора.

В связи с этим российский посланник в Пекине Н.П. Игнатьев направил 1 (13) ноября 1860 г. (за неделю до своего отъезда в Санкт-Петербург) командованию эскадры распоряжение, в котором, в частности, говорилось: «Принимая во внимание, что дальнейшее пребывание наших судов в Печелийском заливе было бы неудобно, я покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие приказать всем русским судам, находящимся на рейде, сняться с якоря и отправиться для зимовки по назначению»².

Заметим, что приказ оставить берега Китая вовсе не означал, что эскадра должна вернуться на Балтику.

2 (14) ноября 1860 г. Игнатьев поставил свою подпись под так называемым Пекинским трактатом, согласно которому китайская сторона уступала России права на Уссурийский край и Приморье, где вскоре был основан Владивосток — город, ставший будущей опорной базой российского Тихоокеанского флота.

Пока же России требовалось зафиксировать здесь своё присутствие. Маршруты крейсерства эскадры Лихачёва сместились в сторону Приморья и берегов Японии, что выдвинуло на повестку дня вопрос о необходимости налаживания контактов с японскими властями относительно использования портов этой страны для ремонта судов и пополнения запасов пресной воды и продовольствия.

---

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 560. Оп. 9. Д. 34491. Л. 17. Копии с Высочайше утверждённых журналов Амурского комитета по предмету наших сношений с Японией.

Собственно, соответствующие шаги предпринимались ещё до окончания Второй опиумной войны.

Весной 1860 г. командование эскадры обратилось к губернатору Нагасаки Окобе Суругоноками с просьбой выделить помещения, необходимые для размещения и оборудования госпиталя, казарм, склада, а также временного размещения личного состава.

В ответном послании губернатор заверил, что «он рад выполнить просьбу русских моряков и они могут свободно нанимать храмы и частные дома»¹.

По указанию Суругоноками, для русских экипажей был построен дом, ещё два дома выделили под склад и казарму, под госпиталь отвели здание храма.

Арендная плата устанавливалась весьма скромная — 60 бу в месяц (20 долларов) настоятелю за пользование храмом и 40 бу (13 долларов) в месяц бургомистру Сига-Уратароо².

30 июня (12 июля) 1860 г. командир корвета «Посадник» лейтенант Н.А. Бирилёв вместе с несколькими офицерами корабля нанес визит губернатору Нагасаки и, как он отметил в своём рапорте, «был принят им церемонно, но со всею любезностью и совершенно по-европейски»³.

В августе 1860 г., по приглашению Суругоноками, Н.А. Бирилёв посетил смотр войск. Из его рапорта следует, что он «был первым европейцем, присутствовавшим при неописуемо оригинальном смотре. Впрочем, смешное только есть в поклонах и маршировке, прицельная же стрельба вряд ли уступит европейской»⁴.

Как и в период пребывания в Нагасаки «Аскольда», власти города продолжали демонстрировать благожелательное отношение к русским; так, в январе 1861 г. при уходе клипера «Опричник» из Нагасаки в Канагаву, Суругоноками дал командиру корабля грамоту, которая выдавалась лишь выполнявшим ответственные

---

¹ Цит. по: Хисамутдинов А.А. Русская Япония. С. 122.

² Там же.

³ Рапорты капитана корвета «Посадник», флигель-адъютанта, капитан-лейтенанта Бирилёва // Морской сборник. 1861. № 4. С. 30.

⁴ Там же. С. 33.

миссии государственным чиновникам и предоставляла право «пополнять корабельные припасы в любых японских портах».

В следующем месяце бургомистр Сига-Уратароо был командирован на три месяца в консульство Хакодате, для изучения русского языка.

Достаточно дружественным к русским было отношение не только властей, но и местного населения.

В мае 1860 г. во время сильного урагана моряки корвета «Посадник», спустив шлюпку под командованием лейтенанта П. Серкова, спасли от гибели японских рыбаков с тонущей джонки.

Командира корвета «Посадник» Николай Алексеевич Бирилёв в конце июня в своём рапорте командиру эскадры писал, что «японское духовенство и окрестные жители весьма расположены к русским и большинство говорит по-русски. А многие даже говорят хорошо»¹.

Во время пребывания корвета «Посадник» в Нагасаки, по просьбе местных жителей и по согласованию с губернатором, в одном из помещений храма Гозиенде моряками была устроена школа для обучения русскому языку. Преподавание в ней вели судовой священник и два корабельных писаря.

Как писал в рапорте Бирилёв: «Надо видеть, с какой жадностью учатся японцы русскому языку, есть 30-летние, украшенные саблями, есть мальчики 8-9 лет, все сидят на одной скамье и занимаются с японским усердием»².

Помимо школы, в Нагасаки функционировал госпиталь, оборудование и снабжение которого оказалось возложено также на Бирилёва. В конце июня 1860 г. командир корвета «Посадник» докладывал Лихачёву, что «госпиталь занимает великолепное помещение по своему положению на горе, по чистоте воздуха, по прелести садов, его окружающих, по обширности помещений»³. В другом рапорте он писал, что «поставил наш госпиталь на европейскую ногу, будучи

---

¹ Там же. С. 34.

² Там же.

³ Там же. С. 35.

убеждён в полной в этом необходимости. Впрочем, всё это стоит баснословно дешёво»¹.

Положительно отзывался о госпитале и командир клипера «Наездник» капитан-лейтенант Фёдор Николаевич Желтухин. В рапорте от 19 августа (1 сентября) 1860 г. он писал, что госпиталь занимает прекрасные помещения и «вообще ничего не оставляет желать лучшего»².

По состоянию на 15 (27) октября 1860 г. в госпитале находились 46 моряков с 8 кораблей, в том числе с фрегата «Светлана» — 9 человек, с корвета «Посадник» — 17 человек, с корвета «Воевода» — 3 человека и т.д.³

Лечением больных в госпитале занимались корабельные врачи. При этом в Нагасаки в этот период постоянно проживал лишь один европейский врач — голландец Помпе, активно практиковавший, проводивший занятия со своими японскими коллегами и руководивший строительством «большого госпиталя на европейский манер».

Госпиталь же российской эскадры был ликвидирован после передислокации российских судов.

В связи с этим командир фрегата «Светлана» капитан 1-го ранга Иван Иванович Бутаков в рапорте от 24 марта (5 апреля) 1861 г. докладывал Лихачеву: «... при снятии госпиталя в Нагасаки забрал на фрегат лазаретное бельё и посуду, кровати же, и столы, и всю прочую мебель сложил в храме Госенде и взял расписку с бонзы храма... за заплаченные ему 50 долларов он обязался сохранить все вещи в должном виде и не переделывать помещений храма»⁴.

Благодаря хорошим отношениям с властями и местными жителями, русские моряки вполне успешно решали вопросы, связанные с текущим и аварийным ремонтом своих судов.

---

¹ Там же. С. 36.

² Цит. по: *Соболев В.С. Документы эскадры в Китайских водах адмирала И.Ф. Лихачёва...* // Исторические источники. Токио, 2006. С. 77.

³ Там же. С. 78.

⁴ Там же. С. 79.

Первые значительные работы подобного рода, по-видимому, имели место ещё в марте 1860 г., во время стоянки клипера «Джигит» в Хакодате¹. В июле того же года сложный ремонт паровых котлов осуществлялся на корвете «Посадник» во время пребывания в Нагасаки. Производились эти работы не экипажем, а сотрудниками завода, принадлежавшего голландцу Гардесу, причём в рапорте Бирилёва отмечалось, что голландцы выступают только в роли мастеров («надсмотрщиков»). Относительно же трудившихся под их руководством японцев делался вывод, что они, «кажется, очень способны к этим работам, хотя и учились совсем немного».

В следующем месяце тем же заводом Гардеса за три недели был осуществлён ремонт клипера «Наездник».

Стоит отметить, что в сентябре 1860 г. в Нагасаки, помимо «Наездника» и «Посадника», находились также корвет «Воевода» и клипер «Джигит», пополнявшие здесь свои запасы по ценам, которые воспринимались русскими моряками как весьма дешёвые².

Судя по документам, наиболее сложный ремонт был проведён в январе–феврале 1861 г. в Нагасаки на клипере «Опричник», что было связано с необходимостью улучшить герметизацию корпуса. Для этого, выведя на мель разгруженное судно, его установили на специальных «подставах», после чего приступили к замене медных обшивочных листов, законопачиванию пазов³. Интересно, что работы эти проводились неподалёку от здания английского консула, в чём, вполне вероятно, очевидцы этих событий могли видеть некое наглядное выражение соперничества двух европейских держав на Дальнем Востоке.

Там же в порту Нагасаки весной 1861 г. ремонтировался и флагман русской эскадры фрегат «Светлана». В рапорте командира

---

¹ Там же.

² Рапорты капитана корвета «Посадник» ... // Морской сборник. 1861. № 5. С. 17.

³ Цит. по: *Соболев В.С. Документы эскадры в Китайских водах адмирала И.Ф. Лихачёва ... // Исторические источники. Токио, 2006. С. 80.*

корабля Бутакова от 9 (21) апреля 1861 г. докладывалось об осмотре кормовой части, проводившемся «японскими нырялами, которые в холодной воде не могли оставаться более 30 секунд», что весьма затрудняло работы¹.

Для характеристики отношений между русскими моряками и властями Нагасаки следует упомянуть и о том, что, когда весной 1861 г. эскадра покидала японские берега, губернатор города Окобе Суруганоками отправил Лихачёву письмо, в котором заверил его, что за русскими моряками сохраняются права на все предоставленные им строения и что «если эти строения понадобятся в будущем каким-либо русским кораблям, то будут им отведены в любое время»².

По-видимому, в качестве ответного жеста вежливости командир фрегата «Светлана» Бутаков перед уходом своего корабля в конце марта 1861 г. нанёс прощальный визит губернатору, а затем торжественно принимал на борту своего судна и самого Окобе Суруганоками. В честь губернатора был дан обед, закончившийся совместной прогулкой по бухте на паровом баркасе³.

Спустя три месяца моряки клипера «Опричник» хорошо проявили себя во время пожара в Хакодате, когда «половина команды с топорами, ломami, вёдрами и палубным большим брандспойтом» была направлена на берег и, преодолев бегом, со всеми инструментами, расстояние до места бедствия, «много способствовали к скорому потушению». Через несколько дней губернатор Хакодате Авадзи-но-Ками лично посетил клипер «Опричник» и выразил его командиру капитан-лейтенанту Петру Александровичу Селиванову свою глубокую благодарность.

Контрастом к этим дружественным проявлениям были другие эпизоды, являющиеся своего рода отголосками существовавших в Японии антизападных настроений. Так, 23 сентября (5 октября) 1861 г. в Хакодате, когда врач клипера «Опричник»

---

¹ Там же. С. 82.

² Там же. С. 83.

³ Цит. по: Хисамутдинов А.А. Русская Япония. С. 156.

г. Гомолицкий верхом на лошади возвращался к месту стоянки своего судна, неизвестный японец что-то закричал ему и ударил его саблей по лицу.

По результатам проведённого местными властями расследования губернатор Хакодатэ сообщил, что нападавший, некий чиновник по имени Мелугава Декида, находясь в нетрезвом состоянии, не признал в г. Гомолицком иностранца, потребовав, чтобы тот слез с лошади и почтительно приветствовал его как человека более знатного происхождения. Далее следовали заверения губернатора в неременном наказании виновника, с замечанием о том, что «вообще чиновник этот известен своим мирным характером»¹. Вопрос о том, сколько sake потребовалось выпить этому миролюбивому чиновнику, чтобы принять русского доктора за японца, остаётся открытым.

ЦУСИМСКИЙ ИНЦИДЕНТ

В целом, если до весны 1861 г. отношения между японцами и находящимися в их стране русскими можно характеризовать как вполне доброжелательные, то в марте они начали омрачаться. Причиной тому стал уже упоминавшийся остров Цусима, стратегическое значение которого было по достоинству оценено русским военно-морским командованием благодаря рапортам Лихачёва.

21 мая (2 июня) 1860 г. в докладной записке на имя великого князя Константина Николаевича он писал: «Считаю долгом выразить моё мнение, что некоторое решение этого вопроса, хотя не самое удовлетворительное, может быть возможно путём переговоров и мирных мер. Задача состоит преимущественно в том, чтобы не допустить ни англичан, ни какую другую нацию утвердиться на этом пункте во вред нам»².

---

¹ Там же. С. 158.

² Цит. по: *Фумото Синъити*. Инцидент с корветом «Посадник» // Исторические источники. Токио, 2004. С. 67.

В результате генерал-адмирал Константин Николаевич разрешил Лихачёву начать с князем Цусимы переговоры по аренде земли для строительства станции, с оговоркой, что приступить к этому следовало только при отсутствии протестов со стороны других европейских держав.

1 (13) марта 1861 г. в бухту Осаки на острове Цусима прибыл корвет «Посадник» под командованием недавно произведённого в капитан-лейтенанты Бирилёва, причём официальным объяснением этого визита стала необходимость в ремонте.

В результате начавшихся переговоров энергичный русский офицер сумел получить разрешение на строительство склада для будущей стоянки и лазарета для моряков.

Уже 3 (15) апреля 1861 г. нанятые из местных жителей рабочие приступили к строительству зданий, однако затем начались столкновения с крестьянами, чьи земли были конфискованы для реализации данного проекта, а также с представителями пограничной стражи. Одна из стычек закончилась смертью крестьянина и заключением русскими моряками под арест нескольких японцев.

Представитель русской стороны капитан-лейтенант Бирилёв был человеком незаурядным, сумев ещё в сравнительно молодом возрасте приобрести известность как герой Севастопольской обороны. Явно решив идти до конца, он добился 9 (21) июня 1861 г. от князя Цусимы письменного согласия на сохранение станции при наличии согласия со стороны правительства Японии¹.

Однако вместо одобрения японское правительство выступило с протестом, поддержанным английским консулом.

Через консула Гошкевича соответствующий протест был отправлен в Санкт-Петербург, где на состоявшемся под председательством Александра II заседании Особого комитета было принято решение об отплытии «Посадника» с Цусимы и ликвидации станции.

---

¹ Там же. С. 73.

В инструкции, данной Горчаковым консулу Гошкевичу, позиция России по цусимскому инциденту разъяснялась следующим образом: «Мы желаем единственно упрочения и распространения нашей торговли с Японию. Всякие другие виды, всякая мысль о вмешательстве во внутренние дела — чужды нашей политике. Старайтесь убедить в том японское правительство и наблюдайте, чтобы неприязненные внушения не дали ему превратного понятия о наших намерениях»¹.

Тщательно изучавший историю цусимского инцидента японский историк Фумото Синъити, задаваясь вопросом о том, почему именно Лихачёв отказался от создания базы на Цусиме, отверг версию, что причиной стали сопротивление местного населения и самураев. Не слишком переоценивает он и значение протестов японского правительства и английского консула.

По мнению японского исследователя, причина отступления Лихачёва и Бирилёва заключалась в том, что их деятельность на Цусиме допускалась на определённых условиях: «Главное условие состояло в том, что нельзя было допустить разрастание этого вопроса в дипломатическую проблему. От Лихачёва требовали при аренде земли или возведении построек заключать только частные сделки с князем Цусимы в качестве частного лица. Ему даже не было разрешено вести переговоры по данным вопросам с центральным правительством сёгуната — бакуфу»². Между тем частные вроде бы переговоры превратились в большую дипломатическую проблему, что и заставило российскую сторону срочно свернуть весь проект с Цусимой.

Показательно, что 27 сентября (9 октября) 1861 г., уже после фактического завершения инцидента, правительство бакуфу подготовило письмо, в котором просило разъяснить причины и назвать виновников конфликта.

---

¹ Цит. по: *Климов В.Ю.* Иосиф Антонович Гошкевич... С. 107.

² *Фумото Синъити.* Инцидент с корветом «Посадник». С. 75.

В ответном послании Министерства иностранных дел Российской империи от 20 января (1 февраля) 1862 г. говорилось, что станция была заложена по приказанию Лихачёва, причём без санкции русского правительства, которое не имело намерения вмешиваться во внутренние дела Японии. Строго говоря, это соответствовало действительности, поскольку окончательное решение вопроса о строительстве морской станции оставлялось на усмотрение Лихачева с условием, что данный проект не приведёт к ухудшению двусторонних отношений.

С Бирилёва же, чья напористость способствовала обострению конфликта, вина снималась, что, вполне вероятно, объяснялось нежеланием бросать тень на перспективного и заслуженного боевого офицера. Естественно, никак не комментировалось и участие в этом эпизоде главы военно-морского ведомства, брата императора Константина Николаевича.

Для самого Лихачёва цусимский инцидент закончился снятием с должности, которую он сдал контр-адмиралу А. А. Попову.

О том, как именно завершился цусимский инцидент, можно судить по донесению Гошкевича в Петербург, написанному им 24 сентября (6 октября) 1862 г.: «Японцы остались не совсем уверены в том, что командир корвета “Посадник” зашёл на остров Цусиму по необходимости для исправления повреждений, хотя и выражают это сомнение одними намёками. В общем же этот поступок не относят несколько к распоряжениям нашего Правительства, но главную идею приписывают начальнику эскадры, а подробности, особенно насильственные меры, падают на командира корвета, который поэтому прозван Цусимским героем и сравнивается с Хвостовым и Давыдовым. Я говорю не только от имени Правительства, но и о толках в народе. Постройки сооружения в Цусиме Бирилёвым в настоящее время все сломаны, и хотя в бытность здесь генерал-губернатора Восточной Сибири, военного губернатора Приморской области и начальника эскадры в разговоре между

их Превосходительствами было изъявлено мнение, чтобы спросить мне губернатора, по чьему распоряжению это сделано, хотя Свиты Его Величества контр-адмирал Попов в последний свой приезд сюда опять повторил мне то же желание, но я до сих пор ничего не говорил об этом предмете, основываясь на предписании Департамента от 20 января настоящего года, № 268, не входить в какие-либо новые переговоры, иначе как или сами японцы обратятся с каким-либо вопросом по этому предмету. Притом же можно заранее предвидеть ответ японцев, местное начальство должно было выдать квитанции в принятии построек, но оно не могло взять на себя решения вопроса о законности их. Правительство же смотрит на это дело как противное существующим трактатам и поддерживается в своём мнении представителями других наций. Поэтому я полагаю оставить этот вопрос до поездки моей в Едо, где может представиться случай при переговорах о бумагах, присланных департаментом на имя японского правительства».

Здесь имеет смысл сделать небольшое отступление.

В письме Гошкевича весьма интересным представляется сравнение действий Бирилёва с действиями лейтенанта Николая Александровича Хвостова и мичмана Гаврилы Ивановича Давыдова, командовавших соответственно кораблями «Юнона» и «Авось» и уничтожившими в 1806 г. японские поселения на Сахалине. При этом действовали они, руководствуясь приказом камергера Николая Петровича Резанова, отправленного в Японию для установления дипломатических отношений. Миссия его завершилась неудачей, что, вероятно, стало для Резанова эмоциональным толчком, заставившем его предпринять попытку радикально решить вопрос о принадлежности Сахалина.

В предписании Хвостову и Давыдову было сказано: «Войти в губу Анива и, буде найдёте японские суда, истребить их; людей, годных в работу и здоровых, взять с собою, а неспособных, отобрав, позволить им отправиться на северную оконечность Матмая, чтоб они Сахалина, как российского владения, посещать

иначе не отваживались, как приезжая для торга, к которому всегда россияне готовы будут»¹.

Командиры «Юноны» и «Авось» выполнили поручение, что как минимум на ближайшие несколько лет сделало невозможными любые попытки налаживания двухсторонних отношений.

Из Сибири печальные последствия этого инцидента были видны лучше, чем из Петербурга, а потому местные власти арестовали Хвостова и Давыдова, отправив их в столицу. Однако серьёзного расследования их деятельности предпринято не было, что в значительной степени объяснялось и смертью их непосредственного начальника Резанова. Оба храбрых моряка хорошо проявили себя во время войны со шведами и вместе утонули в 1809 г., попытавшись в нетрезвом состоянии перебраться по наплавному мосту через Неву.

Последствия их чрезмерной воинственности российская дипломатия будет расхлёбывать ещё долго, причём, как видно по отзывам Гошкевича, имя их стало в Японии едва ли не нарицательным. Сам факт того, что действия Хвостова и Давыдова сравнивались с действиями Бирилёва, показывает, какого накала достигли страсти вокруг Цусимы.

И вполне естественно, что в Петербурге решили не обострять ситуацию.

С формальной точки зрения, цусимский инцидент можно расценить как дипломатическую неудачу России, но подобный вывод будет поверхностным.

В том же 1861 г. англичане потребовали от местных властей открытия цусимского порта Имосаки и размещения там своих военных моряков. Однако в дальнейшем это требование оказалось снятым, что вполне можно истолковать как осторожно-взвешенную реакцию на ликвидацию русской станции. Случившееся убедило англичан, что японская сторона не намерена делиться суверенитетом над частью своих территорий с другими державами.

---

¹ Цит. по: *Высоков М.А.* Курильские острова в первой половине XIX столетия // www.kuriles-history.ru/book/chapter/12.

Трудно было ожидать, что, отказав русским, правительство Страны Восходящего Солнца пойдёт навстречу британцам, особенно понимая, что в Петербурге подобные действия могут расценить только как пощёчину.

Таким образом, не сумев закрепиться на Цусиме, Бирилёв дал понять англичанам, что им тоже не стоит пытаться заполучить этот остров (по крайней мере в ближайшей перспективе).

Крымская война была ещё слишком свежа в памяти и русских, и англичан, а сложный, загадочный и опасный мир, с которым европейцы сталкивались на Дальнем Востоке, настраивал их скорее на сотрудничество, нежели на соперничество друг с другом.

Однако в России прекрасно понимали, насколько опасным может быть это пресловутое европейское братство, особенно в ситуации, когда в роли союзников выступали традиционные геополитические соперники. Поэтому, поддерживая в далёких от своих метрополий краях видимость дружественных отношений, и русские, и британские дипломаты всегда вели собственную Большую игру, пытаясь то кнутом, то пряником обзавестись союзниками из местных «туземных» правителей. Так было в Персии, Афганистане, Китае. Так должно было быть и в Японии.

Российская позиция отличалась от позиций других западных держав большей готовностью к равноправному диалогу с японцами и меньшей склонностью к силовым методам.

Морской офицер, этнограф и публицист А.Я. Максимов в своей работе «Наши задачи на Тихом океане» следующим образом характеризовал русско-японские отношения в период принудительного открытия Японии, да и в последующие годы: «В то время из числа держав, заключивших трактаты с Японией, Россия пользовалась наибольшим сочувствием и доверием японского правительства и народа потому, что не прибегала при разрешении недоразумений и вопросов к пушкам и штыкам, к насилию и кровопролитию, как то делали Соединённые Штаты. Японцы, по характеру своему совершенно противоположные китайцам, сумели верно оценить честную, великодушную

политику России и, параллельно, жестокую политику европейских держав и Американских Соединённых Штатов, ошибочно предполагавших, что их обычный насильственный образ действий даст в Японии такой же блестящий результат, как и в Китае. Последующие гораздо позднейшие факты доказали противное. Япония, невольно подчинившаяся соединённым требованиям европейцев и американцев, отлично познала в несчастье своих истинных доброжелателей и друзей и по достоинству оценила хищнический эгоизм Англии, руководившей всеми действиями европейцев»¹.

Для характеристики положения, в котором находились отношения между Японией и другими западными державами, следует напомнить, что в мае 1861 г., как раз в самом начале цусимского инцидента, Страна Восходящего Солнца была поглощена другим внешнеполитическим кризисом, вызванным убийством драгомана (переводчика) американского посольства Хюскена.

В ответ правительство Соединённых Штатов в лице государственного секретаря Уильяма Генри Сьюарда по согласованию с послами Англии, Франции, Пруссии и Нидерландов подготовило проект конвенции, обязывающей японское правительство обеспечить безопасность иностранцев, открыть для них столицу Эдо и выплатить США компенсацию в 10 тыс. долларов. Россия участвовать в этом демарше отказалась.

Впрочем, среди всех крупных западных держав Соединённые Штаты были страной, наиболее дружественной России. И чувство это оказалось взаимным, о чём ещё будет сказано ниже. Пока же лишь отметим, что визит русских эскадр в Нью-Йорк и Сан-Франциско в 1863 г. с чисто военной точки зрения представлял собой очередное превентивное мероприятие в рамках концепции «крейсерской войны», причём при его подготовке учитывался опыт плавания эскадры Лихачёва в Тихоокеанских водах. Да и среди участников американской экспедиции было много тех, кто уже участвовал в японской.

---

¹ Максимов А.Я. Наши задачи на Тихом океане.

Пока же лишь констатируем, что за семилетний период, последовавший за подписанием Симодского договора, в отношениях между Японией и Россией, равно как и в отношениях Японии с другими западными державами, накопилось много сложных вопросов, решение которых было возможно только при установлении полноценных дипломатических отношений. Ясное осознание этого факта, а также необратимости начавшегося процесса открытия Японии заставило правительство сёгуна приступить к подготовке дипломатической миссии, которой предстояло посетить ведущие европейские страны.

ГЛАВА 2
**ЯПОНСКАЯ МИССИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 1862 г.**

ЯПОНЦЫ ЗНАКОМЯТСЯ С ЕВРОПОЙ

Специальная дипломатическая миссия, которую Япония готовила для посещения Европы, имеет самую прямую и очевидную аналогию в истории российской — речь идёт о Великом посольстве Петра I 1697–1698 гг.

В обоих случаях страна, проводившая политику, которую можно оценить как изоляционистскую, готовилась более активно выступать на мировой арене и таким образом пыталась презентовать себя миру, а точнее, тем державам, которые принимали участие в борьбе за мировую гегемонию.

И Россия, и Япония выходили в большой мир не столько по доброй воле, сколько по причине экономической и идеологической истощенности изоляционизма, не позволявшего адекватно отвечать на вызовы времени.

Однако решение о таком выходе в свет не было единодушным для всей политической элиты, которая и в России конца XVII века, и в Японии середины XIX столетия оказывалась расколота на две партии — консерваторов и прогрессистов.

Разница заключалась в том, что в России партия прогрессистов возглавлялась главой государства — царём, в Японии же фактический глава государства сёгун скорее сближался с консерваторами.

Ещё одно отличие внешне носило второстепенный характер. В составе Великого посольства, хотя и инкогнито, участвовал сам Пётр I, в Японии же сама мысль о возможности путешествия сёгуна за границу могла восприниматься как нечто совершенно фантастическое.

На самом деле и в России, и в Японии, государствах монархических, фигура монарха носила сакральный характер, а его влияние на ход политических процессов зачастую оказывалось решающим (что и подтвердилось событиями революции Мэйдзи).

Влияние Великого посольства на ход реформ в России оказалось глубоким, серьёзным и долговременным в значительной степени именно потому, что наиболее серьёзные выводы из него извлёк сам Пётр I. Для Японии же посольство 1862 г. так и осталось важным, но не судьбоносным эпизодом национальной истории...

Известие о том, что японское правительство готовит посольство в европейские государства, заключившие договоры с Японией, впервые поступило в Азиатский департамент Министерства иностранных дел от консула И.А. Гошкевича, что абсолютно соответствует нормальной дипломатической практике.

В своём письме от 3 августа 1861 г. за № 58 он сообщал: «... для предполагаемого посольства в Россию и другие европейские страны, заключившие трактаты с Японией, назначены следующие лица 1) Такеноуци Симоцке-но ками — бывший губернатор Хакодатэ, а ныне заведующий счётными делами по сношению с иностранцами, 2) Мицуно Цикого-но ками — бывший при переговорах с графом Путятином в Симода, потом губернатором Канагавы, и по случаю убийства Мофетта он был удалён от сношений с иностранцами, но получил другое место, несколько не ниже губернаторского, 3) Куваяма Саэмондзэ, недавно назначенный губернатором внешних сношений и 4) Кюгоку Ното-но ками в качестве прокурора. Если им поручено будет вести какие-нибудь переговоры, то, без сомнений, будет главным деятелем Мицино циюго-но ками, отличающийся от прочих своим дипломатическим тактом и настойчивостью»¹. Особо следует отметить, что

---

¹ АВПРИ. Ф. С.-Петербургский Главный архив. I-6. Оп. 5. 1861–1862 гг. Д. 5. Л. 1.

в качестве секретаря в состав миссии входил выдающийся японский просветитель Фукудзава Юкити (в российских документах обозначен как Фукусава Укици), оставивший интересные записи о своем пребывании в Санкт-Петербурге.

Российское Министерство иностранных дел получило информацию о том, что посольство, вероятно, отправится на пароходах Ост-Индской компании, следующих через Египет. В Каире или Александрии японскую миссию должен был встретить представитель России для выражения дружественных чувств между двумя странами.

Естественно, встал вопрос о том, кто именно будет этим представителем.

В январе 1862 г. российскому консулу в Египте Александру Ефимовичу Лаговскому было направлено предписание увидеться с японскими сановниками и уверить их, что российскому императору будет приятно принять у себя представителей дружественной державы. Также дипломату было поручено сообщить Азиатскому департаменту подробные сведения о том, «как будут принимаемы представители Японии при проезде оных через Египет»¹.

Большие расстояния, задерживавшие доставку дипломатической почты, помешали Лаговскому выполнить эту миссию. 18 (30) марта 1862 г. он сообщал главе Азиатского департамента из Каира: «Предписание Вашего Превосходительства от 26 января сего года за № 348 я имел честь получить только 15 марта, два дня по отъезду из Египта Японского Посольства. Посольство это приехало в Суэц на английском военном пароходе, было встречено Суэцким губернатором и сопровождено до Каира особым чиновником египетским, впрочем, незначительного ранга. Здесь оно осталось четыре дня и приняло визит английского консула, а потом и французского, уведомлённого позднее о прибытии посольства и о намерении его посетить Париж»².

Для того чтобы в Петербурге смогли достойно принять гостей, российские дипломаты собирали самую разнообразную

---

¹ Там же. Л. 4.

² Там же. Л. 8–8 об.

информацию о японском посольстве по всему маршруту его следования. Особое внимание уделялось церемониалу встреч, обмену подарками, пристрастиям отдельных сановников, кухне и т. д.

В донесении из Хакодате от 15 (27) марта 1862 г. консул Гошкевич сообщал: «Назначенное в Европу Японское Посольство отправилось из Едо в последних числах Декабря на Английском пароходе “Один” до Суэца»¹. К донесению прилагался список посольства и перечень подарков, предназначенных для императора и членов Государственного совета. Так, от имени Тайкуна императору должны были поднести «две сабли, седло, десять стальных украшений (картины), книжный шкаф, письменный прибор, десять кусков яматской парчи, две парчовых занавески»². Для членов Государственного совета было приготовлено 10 кусков яматской парчи и 10 кусков цветного атласа³.

В составе посольства должно было прибыть 36 человек: 24 официальных лица и 14 слуг. Однако в большинстве документов, в том числе и в донесении Гошкевича, приводится неполный список уполномоченных на французском языке, в котором значатся только 22 человека. Такой же список был получен из Берлина от барона Николая Дмитриевича Остен-Сакена. К тому же имена и фамилии японцев в разных списках часто перепутаны, искажены или пишутся по-разному.

Выявлен только один напечатанный на французском языке список, который можно считать наиболее точным, поскольку, во-первых, он был составлен уже после отъезда посольства, а во-вторых, имена и должности посланников в основном совпадают с теми, которые приводятся в описании аудиенции, данной посольству в Зимнем дворце. Согласно этому документу, в Санкт-Петербург должны были прибыть:

---

¹ АВПРИ. Ф. С.-Петербургский Главный архив. I-6. Оп. 5. 1861–1862 гг. Л. 5.

² Там же. Л. 7.

³ Там же.

старший посланник — Такенауци Симоцкено-Ками (Takeno-Ouzu Simozkéno-Kami);

два младших посланника — Кейгоку Нотоно-Ками (Kengoku Notonô-Kami) и Мацыдаира Ивамино-Ками (Matsu-daira Ywamino-Kami);

прокурор — Сибата Садатароо (Si-bata Sada-ta-ro);

секретарь — Морияма Такицироо (Môri-yama Takitsiro);

помощник прокурора — Факуда Сакутароо (Fakuda Saku-ta-rô);

офицеры первого класса — Оказаки Тодзаемом (Okasâki Tô-sayemom), Мидцызина Ракутаро (Midsusîna Râku-ta-rô), Хидака Кайцзабуроо (Hidâka Kei-Sabu-rô), Фуцзинобе Токуцо (Futsi-no-be Tôkuso);

офицеры второго класса — Ямадо Хатири (Yamada Hatsirô), Такамацу Хикосабуро (Takomatsu Нiko-Sâburô), Сайто Дайносин (Saito Daimosin), Мори Хацзитароо (Mori Hatsi-Tarô), Уэда Юске (Uyeda Yuské) и Масидзу Сундзироо (Masîdsu Sun-Dsirô);

врачи (первого и второго классов соответственно) — Такасима Юке (Takâsima Yu-kei) и Кавасаки Домин (Kawasâki Dô-min);

переводчики — Ода Генцзабуроо (Ohoda Gen-S'aburô), Фукусаву Укици (Fûkusâwa Jukitsi), Тацико Саку (Tatsi-kô Saku) и Фукудзи Генчжироо (Fukudsi Gen-itsi-rô);

письмоводители — Мицыкури Шухе (Mitsikûri Scu-hei) и Мацуки Кохан (Matsûki Ко-an)¹.

ПОДГОТОВКА К ВСТРЕЧЕ

К приезду посольства в Санкт-Петербурге готовились самым тщательным образом, причём изначально весь процесс контролировался министром императорского двора графом Владимиром Фёдоровичем Адлербергом. Получив информацию о примерной дате прибытия японской миссии, он сразу же связался с обергофмаршалом императорского двора графом Андреем Петровичем Шуваловым, чтобы обсудить правила, которых следовало

---

¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 99.

придерживаться при встрече столь экзотического (относительно европейских критериев) посольства.

Первым делом встал вопрос о том, где именно следует разместить японских уполномоченных. Согласно желанию императора, предполагалось поселить их в Елагиноостровском дворце, в случае если приедут летом, и в Дворцовом запасном доме (или Запасном дворце), если посольство прибудет осенью.

Помимо резиденций, находившихся в ведении Министерства императорского двора, рассматривались и другие варианты. Граф Шувалов, например, предлагал, по примеру Европы, снять для японцев гостиницу, поскольку считал, будто нельзя ожидать, чтобы японцы «по образу их жизни и обычаям своей стороны жили с требуемой во дворцах их величеств опрятностью»¹.

В результате выяснилось, что в условиях тогдашней России размещение посланников в гостинице было невыполнимым условием. По собранным графом сведениям, более или менее подходили лишь три гостиницы: Клея в Михайловской улице, Демута в Большой Конюшенной улице и в Знаменской напротив железнодорожной станции. Первый владелец заявил, что не имеет достаточно свободных помещений, второй запросил слишком высокую цену, а третий, предложив умеренную цену за помещение, потребовал непомерно высокую плату за освещение и возможную порчу ценных вещей. Кроме того, русские гостиницы настолько отличались от европейских, причём не в лучшую сторону, что это сравнение неизбежно произвело бы на японцев невыгодное для России впечатление.

В итоге для размещения посольства был выбран Дворцовый запасной дом, откуда, кроме того, было бы удобнее совершать экскурсии по городу с целью осмотра достопримечательностей. В помещениях дворца немедленно начали производить ремонт. В частности, были проведены столярные и обойные работы, привезены из других мест разные необходимые вещи; так, например, из Елагиноостровского дворца доставили десять часов, которые отремонтировали и расставили по комнатам. Были изготовлены

---

¹ РГИА Ф. 472. Оп. 15. Д. 4. Л. 9–10 об.

большой и малый японские флаги для установки их соответственно на балконе Запасного дворца и на судне, стоящем напротив него у пристани.

Комнаты пытались обставить, максимально согласуясь с обычаями и вкусом японцев. То, как именно представляли себе в России вкусы японцев, мы можем понять из записки о приёме иностранного посла в Японии, составленной чиновником Министерства иностранных дел Яматовым (по национальности японцем).

Согласно записке, квартира для четырёх членов посольства должна была состоять по крайней мере из 25 комнат. Полы пяти из них должны быть покрыты матрацами и коврами, в стены комнат необходимо вколотить гвозди или сделать вешалки для оружия, также необходимо устроить деревянные ванны.

Необходима была чайная посуда, рукомойники, печки и чугунные котлы особенного устройства, большие деревянные скамейки, лоханки, вёдра и письменные скамьи, а также матрасы вроде подушек в квадратный аршин. Также требовалось найти «постоянного поставщика зелени, рыбы, кондитерских приготовлений, вин и разных мелочей»¹.

Изначально было решено, что продовольствие и все необходимые мелкие вещи члены посольства будут получать от императорского двора, причём, во избежание лишних расходов, контролировать этот процесс будет особый придворный чиновник, приставленный к лицу, заведующему хозяйственной частью. В документах имеется список вещей и блюд, предпочитаемых японцами, который небезынтересно здесь привести:

«Вешалки: для нескольких сабель, вешаемых вместе, — 3, для сабель, вешаемых отдельно, — 10, для пик — 2, для полотенец — 6. Деревянные изголовья: орехового дерева — 5, простого дерева — 45. Подушки в виде валиков: набитые ватой и покрытые бархатом — 5, покрытые ситцем — 45. Полотенца из салфеточного холста (бумажные): лучшей доброты — 50, простые — 50 (каждое полотенце должно быть длиною в пять четвертей. На приготовление 100 штук

---

¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л.8 об.

таких полотенец потребуется 125 аршин холста). Мешочки для отрубей — 36 (при умывании японцы вместо мыла употребляют пшеничные отруби, высыпая их в небольшие мешочки). Чашки фарфоровые разной величины для риса и вообще употребления за японским столом: лучшего сорта 2 дюжины, среднего — 3 дюжины, простые — 6 дюжин. Котлы: чугунные или медные для варения риса, в 1 ведро вместимости — 2, крышки к котлам деревянные — 2. Жестянки особого устройства со днами, имеющими дырочки, — 2. Жестянки употребляются для парения риса, и каждая из них должна состоять из двух частей, одна в другую входящих, и иметь жестяные же крышки. Пепельницы для выколачивания табачной золы — 16. Для пепельниц могут быть употреблены каменные спичечницы, если только они не будут слишком малы. Подносы лакированные жестяные средней величины — 8–10, для того чтобы класть на них сигары, спички, табак. Табак турецкий лёгкий и крепкий, сигары такие же, папиросы. Коробки бумажные или жестяные лакированные для табаку сигар — 8–10. Канцелярские вещи: бумага, конверты разного рода, сургуч, перья (гусиные и стальные), карандаши, чернильницы и тушь. Все эти вещи должны быть в кабинетах главных лиц посольства, в комнатах, назначаемых для дежурства японских чиновников, а также в комнатах для офицеров.

Из продуктов, употребляемых в пищу, японцы предпочитают рыбу разного рода, в особенности сёмгу, карпов (сазаны), кур, уток, яйца, рис, кислую капусту, пикули, редьку солёную и свежую, огурцы, макароны, вермишель.

Для приправы сою (японскую), уксус, перец, горчицу, хрен, лук репчатый и зелёный.

Вина: красное, херес, шампанское, марамин и другие ликёры.

Плоды: апельсины, виноград, винные ягоды, яблоки.

Чай японцы пьют преимущественно жёлтый и зелёный»¹.

В Экспедиции церемониальных дел начали составлять проекты церемониалов для въезда и приёмной аудиенции японского посольства при императорском дворе. При этом составители церемониалов

---

¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 635. Л. 10–11.

во многом руководствовались вышеупомянутой запиской Яматова, большую часть текста которой следует здесь привести:

«Приём иностранного посла в Японии.

На другой день по прибытии иностранного посла в первый японский город правитель города (князь) посылает от себя чиновника, который поздравляет посла с благополучным прибытием и докладывает, что квартиры и всё нужное для этого готовы.

При этом узнаёт, когда угодно будет послу прибыть в столицу.

В назначенный послом день для прибытия в столицу обыкновенно спустя три дня (по прибытии в первый город) командирится чиновник, который сопровождает посла в отведённую для него квартиру.

К послу приставляется (командируется) переводчик, который закупает для него съестные припасы и прочие вещи по требованию посла.

Спустя несколько дней посол делает визит первому министру и просит представить его императору.

Министр, через чиновника, объявляет ему день и час, назначенный императором для принятия его.

Во дворец сопровождает посла почётный конвой, который не позволяет народу переходить дорогу, в противном случае посол может считать себя оскорблённым.

На дворе дворца встречает посла обер-церемониймейстер и сопровождает в палаты.

Содержание разговора посла с императором предварительно сообщается переводчиком министру, также и ответ императора через министра передаётся переводчику.

Император приглашает посла в присутствии всей свиты. Иностранный посол при этом не видит лица императора, которое бывает закрыто занавесом.

По окончании разговора посол немедленно уходит в другую комнату, где его угощают чаем и конфетами.

Если посол имеет от своего двора подарки императору, то эти подарки присылаются утром того дня во дворец, в котором назначено свидание с императором. Подарки принимает первый министр.

После свидания с императором иностранный посол в тот же самый день делает визиты только принцам крови в сопровождении почётного конвоя.

Если посла принимает император на обеде (что почти всегда бывает), то об этом оповещает его предварительно, но сам император не обедает, а только его министры и приближённые особы.

Иностранный посол до тех пор никуда не выезжает, пока не получит окончательного ответа от императора по делу своего посольства. При этом император вручает подарки послу для передачи его государю.

Затем послу показывают достопримечательности города, причём его сопровождают несколько чиновников и через переводчиков объясняют ему.

Наконец, император назначает послу день прощания, и при этом посол, как и при первом свидании, не видит в лицо императора, и на этот раз император обыкновенно бывает не в короне. Причём от лица императора делают подарки собственно ему. После этого посланник прощается только с принцами крови, и, наконец, оставляет столицу.

Примечание: Квартиру посланника охраняет постоянный караул»¹.

При составлении церемониалов учитывался также опыт приёма посла другого восточного государства, а именно персидского уполномоченного, который приезжал в Санкт-Петербург в декабре 1855 г.

Вот выписка из дела о данной ему аудиенции: «Когда всё было готово к аудиенции и по принятии от государя императора повеления, обер-церемониймейстер ввёл посла вместе с драгоманом Министерства иностранных дел, товарищ министра иностранных дел тайный советник Сенявин вошел также в камеру аудиенции — золотую гостиную комнату, где посол имел счастье быть принят государем императором и вручил его величеству свою кредитивную грамоту.

Государыня императрица с государем наследником цесаревичем изволила выйти в золотую гостиную комнату для принятия

---

¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 6–8 об.

посла, он прошен был к её величеству министром императорского двора в означенную камеру, вместе с драгоманом Министерства иностранных дел, куда вошли также и находились при аудиенции: статс-дама княгиня Салтыкова, фрейлины: княгиня Долгорукова и Тютчева, министр императорского двора граф Адлерберг, обер-гофмаршал граф Шувалов, обер-гофмейстер Олсуфьев, обер-церемониймейстер граф Борх и товарищ министра иностранных дел Сенявин»¹.

Составители церемониалов были несколько озадачены тем, что японское посольство могло прибыть в Санкт-Петербург как по суше, так и по морю. Пока не было выбрано, в какой именно резиденции будет проходить аудиенция, составили несколько черновых церемониалов для приёма японских уполномоченных в разных дворцах — Царскосельском, Петергофском и в Зимнем.

Один из проектов церемониала предполагал прибытие поездов на Варшавский вокзал. Предполагалось, что в день приезда посольства Сергей Сергеевич Шереметев, назначенный его предводителем, вместе с церемониймейстерскими помощниками и чиновниками Азиатского департамента Министерства иностранных дел отправится на станцию Гатчина для встречи и приветствования делегации. Далее все вместе проследуют до Санкт-Петербурга. На перроне Варшавского вокзала посольство встретят обер-полицмейстер, плац-майор, адъютант военного генерал-губернатора, чиновники от Министерства иностранных дел и представители Общества железных дорог. Перед переездом во дворец посланников ждал краткий отдых либо в комнатах императорской фамилии, либо в комнатах для отдыха пассажиров².

Маршрут следования был проложен таким образом: от петербургской станции Варшавской железной дороги по Вознесенскому проспекту, Большой Морской улице, Дворцовой площади мимо Зимнего дворца, по Дворцовой набережной к Запасному дворцу. Часовые и караулы на гауптвахтах должны были отдавать честь при проезде посольства.

---

¹ Там же. Л. 14–15.

² Там же. Л. 17 об.–18.

На рассмотрение императору было представлено несколько проектов церемониала приёмной аудиенции. Первым по списку значился вариант приёма в Царскосельском дворце.

Граф Дмитрий Николаевич Шереметев, предводитель японского посольства, в сопровождении помощников и переводчиков Азиатского департамента должен был отправиться в назначенный день в Запасной дворец для приглашения посланников и их свиты ехать на станцию Царскосельской железной дороги и оттуда особым поездом отправиться в Царское Село.

Чины от Дворцового правления встречали бы посольство на станции. После непродолжительного отдыха в комнатах вокзала Царского Села посланников предполагалось рассадить в придворные кареты с лакеями, остальных членов посольства — в экипажи, а вещи отправить в фургонах. В первой карете поехали бы церемониймейстерские помощники и переводчики Азиатского департамента, а в последней — первый посланник. Всего под посольство предполагалось подать восемь карет.

Во дворце по повелению государя обер-церемониймейстер и предводитель посольства ввели бы посланников вместе с переводчиками Министерства иностранных дел в залу, отведённую для аудиенции.

Поскольку этот вариант отклонили, он не был детально прописан. В частности, не указывалось, в какой конкретно зале будут принимать посольство, кому из придворных следует находиться рядом с особой императора. Однако оговаривалось, что в конце аудиенции прочие члены посольства вводились бы в залу и их представлял бы императору старший посланник. После этого делегация вернулась бы в отведённую им залу. Оттуда бы их провели на аудиенцию в том же порядке и с тем же этикетом, что и у государыни императрицы «по принятия повеления Ея Величества».

В той же последовательности предполагалось провести аудиенцию на половине «Государя Наследника Цесаревича, где встречины будут лицами, состоящими при Его Императорском Высочестве». «По окончании аудиенции Посольство возвратится по залам Дворца в отведённые для него комнаты, все внутренние

караулы во Дворце и часовые при дверях будут отдавать Посланникам воинские почести. В комнатах Дворца, где Посланники проходить будут, обе половины дверей будут им растворяемы. По возвращении Посольства в комнаты предложен будет завтрак и потом катанье по парку, в колясках и линейках. Все участвующие в церемониале должны быть в праздничной форме».

Также был разработан проект церемониала приёмной аудиенции японского посольства в Петергофском дворце. Предполагалось, что посланники и их свита приехали бы особым поездом в Петергоф из Санкт-Петербурга со станции Петергофской железной дороги. После краткого отдыха в комнатах вокзала, как и по царскосельскому варианту, посланники со станции отправились бы в придворных каретах с лакеями, свита — в экипажах, а вещи отвезли бы на фургонах в Английский дворец. Для встречи посольства в Английском дворце должны были отправить накануне одного из церемониймейстерских помощников в Петергоф с целью подготовить помещения. По прибытии посольства в Английский дворец им были бы предложены чай и кофе. Планировалось, что после этого им нанесёт визит управляющий Петергофским дворцом. К назначенному времени аудиенции посланники со свитой отправились бы к Петергофскому дворцу в том же порядке, что было предусмотрено в проекте церемониала аудиенции во дворце Царского Села. В той же последовательности и с тем же этикетом была бы дана аудиенция у императора, императрицы и у цесаревича. Всем лицам, участвующим в церемонии, следовало быть в праздничной форме. При приёмной аудиенции японского посольства у государя должны были бы находиться товарищ министра иностранных дел для принятия от Его Величества «письма Императора Японского», директор Азиатского департамента и другие официальные лица. При прохождении посольства по внутренним залам Большого Петергофского дворца все внутренние караулы должны были бы отдавать честь посланникам, а обе половины дверей комнат должны быть растворяемы. По окончании аудиенции посольство вернулось бы на тех же придворных каретах в Английский дворец, где членам делегации был бы предложен завтрак, а потом предусматривалось катание по парку в колясках

и линейках. После этого посланников и их свиту ждал бы обед в Английском дворце.

2 (14) июня 1862 г. был высочайше утверждён церемониал японскому посольству в Зимнем дворце.

ГОСТИ ИЗ СТРАНЫ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Окончательный вариант церемониала высочайшей аудиенции японскому посольству напечатали в газетах. В номере «Journal de St.Petersbourg» от 26 июля (7 августа) 1862 г. ему посвящалась колонка на первой странице¹.

28 июля (9 августа) 1862 г. японское посольство прибыло в Кронштадт. Церемониймейстер высочайшего двора действительный статский советник Шереметев, назначенный предводителем японского посольства, в сопровождении своих помощников и чиновников Азиатского департамента, назначенных состоять при японском посольстве отправился на придворном пароходе на Кронштадтский рейд для встречи послов и проследовал вместе с ними на пароходе «Стрельна» в Санкт-Петербург. Здесь, на Английской набережной, состоялась торжественная встреча посольства.

Придворные кареты с лакеями для посланников и свиты, а также экипажи для служителей посольства и фургоны для перевозки багажа заблаговременно прибыли к пристани. Здесь была выставлена одна рота пехоты со знаменем и музыкой, для отдания чести, эскадрон кавалерии и жандармская команда, назначаемые для сопровождения. Посольство встречали обер-полицмейстер, плац-майор, адъютант военного генерал-губернатора, чиновники от Министерства иностранных дел и чины Морского ведомства по назначению. Посланники со свитой заняли места в каретах, и поезд отправится в следующем порядке:

1. Полицмейстер с ординарцами верхом.

2. Старший полицмейстер и плац-майор с адъютантами и ординарцами, верхом.

---

¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 81 об.

3. Кавалерийский взвод с офицером.

4. Шесть четырёхместных карет, запряжённых в четыре лошади, в которых ехали: церемониймейстерские помощники гг. Абаза и Голубцов, чиновник Азиатского департамента г. Яматов и младший доктор Японского посольства Кавасаки Домин, два письмоводителя Японского посольства Мицыкури Шухе и Мацуки Кохан и два переводчика Ода Генцабуроо и Фукусавы Укици, два переводчика Тацико Саку и Фукудзи Генчжироо, младшие офицеры Ямада Хатиро и Такамацу Хикосабуро, Сайто Даймосин, Мори Хацитароо, Уэда Юске и Масидзу Сундзироо, старший доктор Такасима Юке и старшие офицеры Оказаки Тодзаемом, Мидцызина Ракутаро, Факуда Сакутароо, Хидака Кайцабуроо, Прокурор Сибата Садатароо и два чиновника Азиатского департамента надворный советник Иессен и статский советник Татаринов.

5. Кавалерийский взвод с офицером.

6. Две четырёхместные кареты, запряжённые в шесть лошадей, в которых ехали два младших посланника: Кейгоку Нотоно-Ками и Мацыдаира Ивамино-Ками, правитель дел Экспедиции церемониальных дел действительный статский советник Кудрявцев, старший японский посланник Такенауци Симоцкено-Ками, а напротив его предводитель посольства церемониймейстер Шереметев. Возле карет командир кавалерийского эскадрона и по бокам придворные конюхи и два конюшенные офицера, верхом.

7. Два кавалерийских взвода с офицерами замыкают поезд.¹

Кортеж проследовал от пароходной пристани по Английской набережной, Исаакиевской и Адмиралтейской площадям, мимо Зимнего дворца, по Дворцовой набережной к Запасному дворцу, около которого для отдания чести посланникам поставлен был почётный караул из одной роты пехоты со знаменем и музыкой. Затем на всё время пребывания посольства в Санкт-Петербурге у подъезда назначили постоянно двоих часовых.

Через четыре дня, 31 июля (12 августа), в полдень, в Зимнем дворце, в комнатах великой княгини Ольги Николаевны, членов посольства принимал министр императорского двора граф

---

¹ Там же. Л. 71–71 об.

Адлерберг. Послы прибыли к маленькому подъезду со стороны реки Невы и за чаем были представлены министру, а затем поехали с визитом к вице-канцлеру.

2 (14) августа, в четверг, к 12.30 по доставленным от высочайшего двора повесткам по случаю приёмной аудиенции посольству в Зимний дворец съехали придворные дамы и кавалеры и «прочие обоего пола особы, имеющие приезд ко двору», а также генералы, штаб- и обер-офицеры гвардии. Дамы, как было предписано повесткой, в русских платьях, а кавалеры в парадной форме собирались в Александровском зале, а затем заблаговременно, до высочайшего выхода, перешли в Георгиевский (Тронный) зал.

К этому же времени японское посольство из Запасного дворца, по приглашению церемониймейстера и его помощников, подъехало в парадных золочёных каретах, за которыми были по два придворных лакея в парадных ливреях. Посольство проехало по Дворцовой набережной мимо Зимнего дворца во двор к посольскому подъезду в следующем порядке (по церемониалу):

«Четырёхместная карета, запряжённая в четыре лошади, в которой поедут: два церемониймейстерских помощника и два переводчика Азиатского департамента.

Четырёхместная карета, запряжённая в четыре лошади, в которой поедут два чиновника японского посольства: Такамацу Хикосабуро и Мори Хацзитароо.

Четырёхместная карета, запряжённая в четыре лошади, в которой поедут два чиновника японского посольства: Мидцызина Ракутаро и Уэда Юске.

Четырёхместная карета, запряжённая в четыре лошади, в которой поедут: советник по финансовой части Хидака Кайцзатуроо и помощник прокурора Факуда Сакутароо.

Четырёхместная карета, запряжённая в четыре лошади, в которой поедут: секретарь Морияма Такицироо и начальник свиты посольства Сибата Садатароо¹.

---

¹ В других документах Сибата Садатароо проходит как вице-губернатор провинции и казначей посольства (в списках на русском языке) или как прокурор — «procurateur» (в списках на французском языке).

Четырехместная карета, запряжённая в шесть лошадей, в которой поедут младшие посланники Мацудаира Ивамино-Ками, Кейгоку Нотоно-Ками и правитель дел Экспедиции церемониальных дел Кудрявцев. У дворец кареты будет ехать конюшенный офицер верхом.

Четырехместная карета, запряжённая в шесть лошадей, в которой первое место займёт старший посланник Такенауци Симоцкено-Ками, а напротив его предводитель посольства церемониймейстер Шереметев. У дворец кареты будет ехать конюшенный офицер верхом.

Четыре придворные ездовые, верхом»¹.

При въезде во двор дворца караул главной гауптвахты отдавал им воинскую почесть. На Посольском подъезде шпалерами стояли: внизу — егеря, далее по коридору и на лестнице — лакеи, на средней площадке — камер-лакеи и на верхней — официанты в парадных livреях. При выходе посланников из карет они были встречены двумя скороходами и двумя гоф-фурьерами и стали подниматься по парадной лестнице, где на верхней площадке их встречали два камер-фурьера и камер-юнкер высочайшего двора Голубцов.

Шествие продолжалось в аванзал, где посольству отдавала воинскую честь рота дворцовых гренадер караула, в Николаевский зал, где японцы были встречены церемониймейстером Челищевым, директором Азиатского департамента и исправляющим должность гофмаршала гофмейстером графом Стенбоком. После взаимных приветствий посольство проводили для угощения к двум приготовленным круглым столам. К одному столу, накрытому на 12 приборов, был поставлен диван, обитый малиновым бархатом, и по бокам — 12 стульев. Стол был накрыт бархатной скатертью с золотой отделкой. Второй стол был сервирован на восемь персон. Подавались чай, конфеты, свежие и сухие фрукты, печенье и другие сласти.

После угощения посольство проводили в Концертный зал, чтобы они могли отдохнуть и переодеться. Там для посланников

---

¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1129. Л. 6–6 об.

и их советника были поставлены четыре дивана и четыре зеркала, отгороженные друг от друга ширмами, а в углу — ширмы и стулья для офицеров посольства.

Ровно в час пополудни, по повелению императора, члены посольства проследовали в Георгиевский зал. Им предшествовали два скорохода, два гоф-фурьера, два камер-фурьера, камер-юнкер и церемониймейстер с помощниками; далее следовал секретарь японского посольства, который нёс ящик с кредитивными грамотами.

Во время следования японского посольства император, императрица и великие князья Алексей Александрович, Мария Александровна, Николай Константинович, Николай Николаевич, Александра Петровна и Екатерина Михайловна из внутренних апартаментов проследовали в Георгиевский зал. Перед тронем, у нижней ступеньки слева, занял своё место государь император, а справа — императрица. Соответственно, по левую сторону встали великие князья, затем министр императорского двора граф Адлерберг, вице-канцлер князь Горчаков, военный министр, командующий Императорской главной квартирой, товарищ министра иностранных дел, директор Азиатского департамента, дежурный генерал-адъютант, генерал-майор свиты и флигель-адъютант. По правую сторону встали статс-дамы, камер-фрейлины, гофмейстерины, свитные дежурные городские фрейлины, первые чины двора — обер-гофмаршал граф Шувалов, обер-гофмейстер граф Виельгорский, дежурные — камергер барон Корф, камер-юнкер граф Строганов и камер-пажи. В середине зала шпалерами была расставлена рота дворцовых гренадер. За ними заняли свои места: по левую сторону, перед колоннами — члены Государственного совета, статс-секретари, сенаторы, военные особы свиты его величества, гвардии генералы, штаб- и обер-офицеры, а по правую — городские фрейлины и дамы, чины двора, камергеры, камер-юнкеры и прочие гражданские чины, штаб- и обер-офицеры гвардии.

При входе в Георгиевский зал японское посольство приветствовало их величеств и великих князей поклонами и, дойдя до середины зала, снова повторило своё приветствие. После чего

исправляющий должность церемониймейстера и предводитель посольства попросили двух посланников и прокурора подойти к трону для аудиенции к их величествам. Прочие же члены посольства оставались в середине зала. Старший посланник прочёл (на своём языке) перед августейшими особами кредитивные грамоты от японского императора, которые через переводчика были прочитаны вслух на голландском языке, а потом, чиновником Министерства иностранных дел, на русском.

Вот содержание грамоты: «Ваше императорское величество, исполняя повеление его величества Тайкуна, мы удостоились сегодня чести представиться Вашему императорскому величеству. Со времени заключения трактата сношения обеих империй более и более развиваются. Вследствие сего Тайкун повелел нам доказать его чистосердечные чувства через поднесение его собственного письма и возобновить уверения, содержащиеся в трактате. По сему случаю мы желаем благоденствия Вашему величеству и счастья и преуспевания Вашему народу»¹. По повелению императора эти грамоты были приняты вице-канцлером князем Горчаковым, которые прочёл (на русском языке) ответные кредитивные грамоты японскому императору. Вот их содержание: «С особенным удовольствием приветствую представителей его величества Тайкуна. Сношения России с Японией всегда были дружелюбны. Соседство обеих империй и протекающие от того общие интересы представляют ручательство в продолжении и упрочении существующих отношений. Ценю дружелюбие Тайкуна, доказанное Мне отправлением посольства, и приязненные чувства его величества, выраженные Мне через ваше посредство. Надеюсь, что пребывание ваше в Моей столице удостоверит и вас в искреннем расположении России к Японии»².

Потом эти грамоты были прочтены чиновником Министерства иностранных дел на голландском языке, вручены старшему посланнику и переводчиком его были переведены на японский язык.

---

¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 378. Л. 26–26 об.

² Там же. Л. 26 об.

После обмена грамотами японские посланники представили их величеству находившуюся при них свиту, а затем откланивались августейшим особам по своему обычаю, продолжая отступать от трона не оборачиваясь и, у дверей зала отдав приветствие, последовали в Гербовый зал, где посольство остановилось, и старший посланник имел с вице-канцлером князем Горчаковым переговоры. Затем с соблюдением того же этикета, какой был до приёмной аудиенции, посланники последовали в Концертный зал, где снова переоделись и возвратились в Николаевский зал, были приглашены к тем же столам и вторично угощаются чаем, разными фруктами и сладостями. Во время угощения посольства присутствовал обер-гофмаршал и беседовал с ними. По окончании аудиенции, в половине второго, посольство проводили на посольский подъезд и в тех же парадных каретах японцы были доставлены обратно в Запасной дворец¹.

На следующий день, 3 августа, в два часа дня японское посольство прибыло на Иорданский подъезд, откуда проследовало в комнаты дворца «на обозрение». Они посетили Эрмитажный павильон и помещение Государственного совета.

В тот же день главные посланники и прокурор посольства нанесли визит обер-гофмаршалу, но не были приняты по случаю его отсутствия (в этот день обер-гофмаршал сопровождал императрицу в Красное Село).

ПОДАРКИ И РАССТАВАНИЕ

Японцы привезли 14 ящичков с подарками русскому императору от японского государственного совета, которые по не указанной в документах причине остались на хранении в лондонской таможне. Небезынтересно отметить, что эти вещи доставили в Санкт-Петербург не японцы, а сами сотрудники русского посольства в Лондоне. О содержании ящичков нам

---

¹ Там же. Л. 23–27.

известно очень немного — есть лишь один документ, где говорится, что в числе подарков от японцев были парчовые драпировки с шёлковыми шнурами и кистями, которые разместили в Зимнем дворце.

Российская сторона также была озабочена приготовлением подарков как членам посольства, так и японскому императору и Государственному совету. Обсуждению данного вопроса посвящено немало документов, из которых следует, что подарки отбирались тщательно и серьёзно, с целью максимально ярко проиллюстрировать культурные, промышленные, научные достижения нашей страны, раскрыть особенности русского национального типа и характера, дать наиболее яркое представление о территории Российской империи. Так, японцам были подарены ткани, в частности, императору предназначались: два куска парчи золотой и серебряной, два куска золотого и серебряного газета, два куска бархата голубого и пунцового. Ткани предназначались и членам посольства. Однако не все из них были отечественного производства (только парча, газет и шерстяные ткани), так как бархат и шёлк подходящего качества в то время были только иностранного производства. Подарены были изделия Императорских фарфорового и стеклянного заводов: вазы, столовые часы и приборы, графины и бокалы, канделябры, зеркала и т. п. От Морского и Военного министерств японскому императору подарили множество карт, атласов и планов как сухопутных территорий (карты России и Кавказа, сухопутных и водных сообщений и телеграфных линий России и Кавказа, планы Санкт-Петербурга, Москвы и Пекина), так и морей (Балтийского, Лапландского, Белого, Чёрного, Каспийского). Подарили геодезические инструменты (мензулу, астролябию, кипрегель, готовальню, буссоль Буркьера, шагомер), причём заранее приказано было командировать группу топографов на случай, если гостям потребуются объяснения относительно использования инструментов. Также были подарены морские инструменты: путевой компас и главный пелькомпас, шляпочный компас, морской барометр, лот с чашками для доставания грунта и искусственный горизонт. Некоторые из этих приборов были удостоены медалей на Лондонской выставке 1862 г.

Японскому императору были также подарены две сабли и два ружья с десятью тысячами пистонов, модель двухдечного корабля, чертежи и модели военных судов: пушечного корабля «Император Николай I», корветов «Варяг», «Витязь» и «Аскольд», клиперов «Алмаз» и «Жемчуг».

По-видимому, японцам ещё подарили статуэтки, представляющие собой типы русской национальности и вместе с тем образцы русского вооружения. Речь идёт о скульптурных работах академика Ивана Федоровича Ковшенкова, посвящённых сюжетам из минувшей Крымской войны. Список этих работ, представленных императору на выбор, имеется в наших документах, напротив некоторых из них стоят отметки (это группа «Подвиг русского солдата при Баш Кадык Ларе», группа «Подвиг юнкера Андронникова», «Рядовой Стрелкового полка императорской фамилии»), однако мы не можем точно утверждать, были ли они подарены, поскольку по ним не существует финансовой отчётности — сам академик предлагал их совершенно бесплатно.

В любом случае, каждый из членов посольства получил что-нибудь на память: посланники и начальник свиты — топазовые печати, секретарь посольства — малахитовую чернильницу, офицеры — стеклянные графины. Подарки общей стоимостью 763 рубля получила даже прислуга — каждый по куску ситца и по две сафьяновые кожи.

За время пребывания в Санкт-Петербурге японские уполномоченные осматривали различные достопримечательности российской столицы и пригородов. Для этой цели были предоставлены три кареты и четырёхместная коляска. На разъезды японского посольства всего оказалось потрачено 3914 рублей.

Первоначально предполагалось показать японцам Зимний дворец, Эрмитаж, музей Академии наук, Публичную библиотеку, музей Горного института, Военно-сухопутный госпиталь или Мариинскую больницу и Кабинет Медико-хирургической академии, Академию художеств, Арсенал и механические заведения в нём, Технологический институт, Кронштадт и механические

заведения в нём, Пулковскую обсерваторию, Колпинские заводы («воздуходвигательная машина»), Петергоф, Царское Село, Красное Село, Гатчину, Ботанический сад, Инженерную академию, Морской кадетский корпус, Сестрорецкий оружейный завод, Институт корпуса инженеров путей сообщения, казармы 1-й роты Преображенского полка.¹

Известно, что не все из этих учреждений посланники смогли посетить, поскольку некоторые объекты находились на ремонте, как, например, Сестрорецкий оружейный завод; Технологический институт, где ремонтные работы никак не могли закончиться раньше октября. Морской кадетский корпус также было довольно сложно осматривать, поскольку воспитанники и большая часть офицеров находились либо в отпуске, либо в море. Отсутствовали многие руководители корпуса, присутствие которых было бы в данном случае необходимо. К тому же в зданиях корпуса ещё не была закончена окраска².

9 (21) августа членов посольства пригласили для осмотра Петропавловской крепости с Кронверком и Монетного двора, 11 (23) августа — Пулковской обсерватории, а 13-го (25-го) — Арсенала и Литейного пушечного завода. На следующий день посланники посетили Николаевскую инженерную академию, а 16 августа — Колпинские заводы. 18 августа офицеры японского посольства в сопровождении вице-директора Кораблестроительного департамента посетили Адмиралтейство. Кроме того, члены посольства сами изъявили желание 20 августа (1 сентября) посетить музей Лесного института и училище глухонемых при этом институте. 24 августа (5 сентября) они поехали в Петергоф водным путём, на казённом пароходе³.

На другой день осматривали Публичную библиотеку. В тот же день им были подарены четыре серебряные и одна бронзовая медали в память о коронавании императора Александра II. 28 августа (9 сентября) несколько офицеров посольства посетили

---

¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 151–151 об.

² Там же. Л. 152–156.

³ Там же. Л. 157–166.

воспитательный дом (собирались осмотреть и университет, но документов, свидетельствующих об этом, мы не имеем), а на следующее утро, в 10 часов, уполномоченные ездили на пароходе в Кронштадт. Нам доподлинно известно, что, кроме всего вышеперечисленного, японцы побывали в Ботаническом саду, на Островах, в Красном Селе, Царском Селе и Павловске¹.

2 (14) сентября в воскресенье состоялась прощальная аудиенция японскому посольству в Царском Селе, после чего оно уехало по Варшавской железной дороге. До границы посланников провожал обер-гофмаршал Шереметев.

---

¹ РГИА. Ф. 477. Оп. 6. Д. 1202. Л. 11–12.

ГЛАВА 3
**ДВУХСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ
И РЕВОЛЮЦИЯ МЭЙДЗИ**

В ПРЕДДВЕРИИ БОЛЬШИХ ПОТЯСЕНИЙ

В целом, несмотря на весьма насыщенную программу и искренний интерес, с которым в Европе принимали представителей Страны Восходящего Солнца, внешнеполитический эффект от посольства 1862 г. оказался весьма незначительным.

И причины этого лежали в самой Японии.

Правительство страны не имело чёткого стратегического курса, который соответствовал бы тем реалиям, которые сложились после принудительного открытия Японии. Намерено ли было правительство препятствовать дальнейшей вестернизации или, напротив, собиралось поощрять её? Существовала ли возможность примирения между прогрессистами и консерваторами, и если да, то на каких принципах? И наконец, кому именно предстояло определять курс страны в качестве её лидера — сёгуну или микадо?

Ответы на эти вопросы были в 1862 г. далеко не очевидными, что, соответственно, сковывало дипломатов.

Курс на вестернизацию был рискован в том смысле, что ограничивал возможность использования патриотических лозунгов с целью противодействия империалистическим поползновениям великих держав. С другой стороны, победа консерваторов могла привести к эскалации противоречий между Японией и Западом

с перспективой открытой европейской интервенции, причём шансы выиграть такой конфликт в военном отношении были для японцев почти нереальными.

Не имея представления о том, какая именно линия возобладает, японские дипломаты, естественно, избегали обсуждения серьёзных политических вопросов, сосредоточиваясь на моментах чисто церемониальных.

Соответственно, и во время пребывания миссии в Петербурге не было достигнуто никаких серьёзных договорённостей. Сложные проблемы так и повисли в воздухе, о чём, в частности, свидетельствует письмо русского консула в Хакодате от 24 сентября (6 октября) 1862 г., автор которого сообщает, что «вопрос касательно южной части острова Сахалин находится в следующем виде: японцы мало-помалу усиливают на Сахалине своё народонаселение, представляя князьям право рыбной ловли по берегам его с условием защиты их — система, общая во всей Японии. Природных же жителей острова айнов держат в совершенном угнетении (точно так же, как и на острове Иедо) и запрещают им входить в какие-либо сношения с русскими. На представление моё здешнему губернатору о незаконности подобных действий, приписываемых мною личному распоряжению тамошних мелких чиновников, не знающих существующих между нами трактатов, губернатор отвечал, что местные чиновники поступают в таком случае согласно приказаниям, получаемым от Хакодатских губернаторов, и он полагает, что айны такие же японские подданные, как и чистые японцы. На второе моё возражение, что если земля не принадлежит Японии по трактату, то и природные жители её как не завоёванные ими, не подчинившиеся добровольно не могут считаться ей принадлежащими, я ещё не получил ответа...»¹.

Если обычно в дипломатической практике визит официальных представителей одной страны в другую предваряется контактами на уровне соответствующих внешнеполитических ведомств

---

¹ Цит. по: *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в в 1697–1875 гг. М., 1960. С. 157.

и из заграничных представительств, то, судя по приведённому фрагменту, японцы, готовя свою миссию, не проводили никакого предварительного зондажа через русского консула. Гошкевич же, кажется, даже не пытался использовать отправляющуюся в Европу японскую миссию, чтобы вынести спорные вопросы на уровень императора, правительства или хотя бы руководства МИД, продолжая обсуждать их с губернаторами Хакодатэ.

Возможно, таким образом он рассчитывал решить сахалинский вопрос, что называется, в рабочем порядке, убедив губернаторов приграничных японских регионов провести выгодную для России пограничную линию. Однако неясно, какие аргументы он мог бы для этого использовать, особенно с учётом того фактора, что даже в ситуации внутренней нестабильности уровень централизации власти оставался в Японии достаточно высоким.

Для характеристики ситуации, складывавшейся в двухсторонних отношениях во второй половине 1862 г., интересно процитировать ещё один фрагмент из письма Гошкевича. «В Июкогаме ходят неблагоприятные слухи про командира корвета “Посадник” флигель-адъютанта Бирилёва. Говорят, будто бы он требовал лоцмана от Нагасакского губернатора, и когда тот положил условием не ходить в порты, не открытые для европейцев, то Бирилёв пришел к нему с вооружёнными матросами и грозил увезти его в Сибирь. Губернатор уступил, но на другой день умер: одни говорят — от холеры, а другие — от самоубийства. При разговоре с Мурогаки Авазо-но-ками я намекнул о слухах в общих выражениях, “будто капитан Бирилёв имел размолвку с нагасакским губернатором”. Но он уверял меня, что ничего подобного не слышал, что губернатор давно отрешён от должности и что занимавший временно его место прокурор недавно умер. Не могу сказать на верное, действительно ли до него не дошли слухи, ложны ли они, или он скрывает их точно так же, как скрывал от меня все известия о насильственных поступках Бирилёва на Цусиме»¹.

---

¹ Цит. по: Климов В.Ю. Иосиф Антонович Гошкевич — первый российский консул в Японии // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2006. С. 111.

Как видим, активность Военно-морского ведомства сильно нервировала дипломата Гошкевича, хотя открыто нападать на подчинённых великого князя Константина Николаевича он не собирался. Об этом свидетельствует и финальный абзац письма: «Русские до сих пор, можно сказать без хвастовства, пользовались в Японии народной любовью преимущественно перед всеми другими иностранцами. Этому много причин и главное — врождённое нашему народу кроткое обращение. Доселе японцы имели дело преимущественно с нашими матросами, которых поведение резко отличается от их собратий, принадлежащих другим нациям: они даже в нетрезвом виде редко заводят драку и скорее склонны к изливаниям дружбы. Желательно было бы, чтобы гг. командиры со своей стороны старались поддерживать в японцах доброе расположение к нам»¹.

Хотя Гошкевич был склонен идеализировать русско-японские отношения, относительная объективность его наблюдения подтверждается событиями 1863 г., когда сторонники консервативного направления сплотились под лозунгом восстановления императорской власти и убедили сёгуна издать указ об изгнании иностранцев.

Сам Гошкевич был заранее информирован о возможности подобного развития событий и 4 (16) марта 1864 г. сообщал об этом в своём донесении в МИД. А когда указ действительно был издан, Хакодате оказался, по отзыву А.М. Горчакова, единственным портом, «в котором не совершилось ни одного из тех ужасных злодеяний, которыми ознаменовалась жизнь в европейских факториях других портов...»².

Серия нападений на европейцев и американцев, прокатившаяся по японским портам, заставила представителей даже не слишком дружественных друг к другу держав действовать более согласованно и спокойно.

Пожалуй, самый серьёзный инцидент произошёл в Симоносэки, где по распоряжению властителя княжества Тёсю было обстреляно американское торговое судно.

---

¹ Там же. С. 112.

² Там же.

В ответ американские военные корабли обстреляли форты Симоносэки и воздержались от более активных действий только потому, что в самих Соединённых Штатах в это время шла гражданская война между северными и южными штатами.

Показательно, что бомбардировка Симоносэки как своего рода оплота консерваторов была предпринята и объединённой англо-франко-голландской эскадрой из 17 военных кораблей.

Также в мае 1863 г. отряды английских и французских моряков высадились в Йокогаме «для охраны жизни и имущества иностранцев».

Россия в подобного рода акциях не участвовала, что, конечно, вызывает соблазн объяснить это особо дружественной позицией русского правительства по отношению к Японии.

Однако необходимо учитывать, что как раз в 1863 г. Россия фактически оказалась в дипломатической изоляции, вызванной очередным польским восстанием.

В такой же дипломатической изоляции оказались и Соединённые Штаты Америки или, точнее, законно избранное и поддержанное северными штатами правительство Авраама Линкольна. Лондон и Париж, в свою очередь, поддерживали Конфедерацию южных штатов.

Последовавшее за тем дипломатическое сближение Петербурга и Вашингтона было блестящим дипломатическим ходом, который оказался вполне успешно подкреплён военными мерами.

Прибывшие в Нью-Йорк и Сан-Франциско с дружественным визитом русские эскадры контр-адмиралов Степана Степановича Лесовского и Андрея Александровича Попова своим присутствием сдерживали активность морских сил южан, а заодно обзавелись удобными базами для крейсерских операций на случай начала войны против Великобритании и Франции. Неслучайно, получив соответствующую информацию от русского посланника в Вашингтоне Эдуарда Андреевича Стекля, военно-морской министр США Гедеон Уэллес ответил: «Департамент с большим удовольствием узнал, что эскадра русских военно-морских кораблей в настоящее время находится вблизи

Нью-Йорка, с намерением, как предполагается, посетить этот город. Присутствие в наших водах флота Его Императорского Величества не может не быть источником радости и счастья для наших соотечественников»¹.

Демонстрируя единство на внешнеполитической арене, и Петербургу, и Вашингтону было выгодно сохранять мосты для диалога с японским правительством, рассматривая Страну Восходящего Солнца как возможного партнёра на случай вооружённого конфликта с двумя ведущими западноевропейскими державами.

Показательно, что активность Парижа и Лондона на японском направлении раздражала не только русское и американское правительства, но и две другие европейские державы, ревниво наблюдавшие за дележом тихоокеанского региона. Речь идёт о Голландии, правительство которой было крайне озабочено утратой монополии на контакты с Японией и к тому же возможными покушениями других великих держав на Индонезию. Не нравилось всё происходившее и Пруссии, дружественной России и видящей своих главных геополитических противников именно в Великобритании и Франции.

21 августа (2 сентября) 1863 г. известный немецкий естествоиспытатель и исследователь Японии Филипп Франц фон Зибольд в письме генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу рекомендовал направить в Японию чрезвычайное посольство, которое могло бы выступить в роли посредника при урегулировании конфликта с Великобританией и Францией.

Пассивность России, по его мнению, могла привести к захвату островов Рюкю и Цусимы англо-французами, а соответственно, и к подрыву её позиций на Дальнем Востоке.

Константин Николаевич перенаправил послание Зибольда министру иностранных дел А.М. Горчакову, который сообщил, что посредничество России будет равносильно вмешательству во внутренние дела Японии (аналогичное мнение высказывалось и в письме директора Азиатского департамента Алексея Павловича

---

¹ Цит. по: *Стернталь С.* Странное «сердечное» согласие // *Родина.* 2012. № 5. С. 76.

Игнатьева управляющему Морским министерством Самуилу Алексеевичу Грейгу)¹. На самом деле, речь скорее шла о том, что подобное посредничество не могло быть эффективным, учитывая очевидное напряжение, накопившееся в отношениях между Парижем и Лондоном, с одной стороны, и Петербургом, с другой.

Впрочем, нельзя отрицать и того факта, что на Востоке, столкнувшись с чуждой, загадочной и враждебной цивилизацией, представители Европы демонстрировали готовность к координации своих действий и даже взаимовыручку.

Так, в сентябре 1864 г. был предпринят ещё один обстрел Симоносэки, причём, помимо англичан и французов, в нём приняли участие и американцы и голландцы.

Излишне говорить, что подобная акция не столько напугала, сколько озлобила консерваторов, вооружённое крыло которых составили феодалы княжеств Сацума и Тёсю, а также поддерживавшие их самураи-ронины. Естественно, помимо борьбы с европейцами и американцами, такие вооружённые группировки могли использоваться и во внутрияпонских конфликтах. Страна Восходящего Солнца приближалась к гражданской войне, что, видимо, начинали чувствовать и в Петербурге.

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ФОНЕ РЕВОЛЮЦИИ

15 (27) мая 1865 г. Александр II утвердил инструкцию вновь назначенному консулу Евгению Карловичу Бюцову, предписывавшую ему придерживаться строгого нейтралитета в отношении происходящих в Японии междоусобных столкновений, а также при конфликтах японцев с представителями западных держав².

Летом 1865 г., явно руководствуясь стремлением избежать конфликтов с японскими властями, русское правительство приняло решение отозвать крейсировавшие у берегов Японии воен-

---

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 9. Д. 34491., Л. 21. Копии с Высочайше утверждённых журналов Амурского комитета по предмету наших сношений с Японией.

² Там же. Л. 23.

ные корабли за исключением корвета «Варяг», который должен был обеспечивать снабжение и охрану консульства в Хакодатэ.

При этом консулу Гошкевичу предстояло оставить свою должность и вернуться в Россию. Своеобразная оценка его деятельности содержится в сообщении российского Министерства иностранных дел Морскому министерству от 6 (18) октября 1865 г., где отмечалось, что за восемь лет пребывания консульства в Хакодатэ между русскими и японцами (как представителями власти, так и обывателями) сложились наилучшие отношения¹.

В 1867 г., оказавшись не у дел, Гошкевич вышел в отставку, в связи с чем получил письмо из консульства Хакодатэ от священника отца Николая: «Вас не ценят там, зато ценят здесь: иностранцы не расстаются с мыслью, что Вы приедете Министром в Японию; японцы говорят: “Нет, уже такому консулу не бывать здесь, как прежде бывал русский консул”. Буквально во всей Японии знают и уважают Вас, — говорю на основании фактов; видел я людей здесь, которые приезжали издалека собственно, чтобы увидеть Вас, как знаменитость... Простите, пожалуйста, что я пишу Вам откровенно всё это. Но я хочу лишь сказать Вам не мучиться от придирок чиновников, не составляющих ни Правительства, ни России, когда Вы, исполнявший миссию и правительства, и России, имеете полное право утешаться сознанием, что блистательно исполнили Вашу миссию»².

Преемником Гошкевича стал Евгений Карлович Бюцов, начинавший свою дипломатическую карьеру в окружении Муравьёва-Амурского. Свою задачу он видел в том, чтобы добиться переноса российского консульства из Хакодатэ, являвшегося по сути посольством, ближе к центру политической жизни — в Эдо. Ещё раньше, в 1861 г., в консульстве были произведены две другие кадровые замены. На посту военно-морского агента Назимова сменил капитан-лейтенант Павел Михайлович Костерев — человек далеко не всегда ладивший с другими сотрудниками консульства, но известный своей неуёмной энергией.

---

¹ Цит. по: *Климов В.Ю.* Иосиф Антонович Гошкевич... С. 109.

² *Хисамутдинов А.А.* Русская Япония. М., 2010. С. 99–100.

Он привёл в порядок могильные плиты на русском кладбище в Хакодате, по приглашению властей преподавал в местном морском училище основы мореплавания, астрономии, кораблестроения, артиллерии и фортификации.

Несколько спасённых с фрегата «Диана» орудий были использованы им для устройства в порту батареи, хотя позже, в 1868 г., пушки переместили в другое место.

Другим знаковым и, как видно сегодня, имевшим более глубокие и серьёзные последствия, стало назначение на должность священника православной миссии вместо отбывшего во Владивосток иеромонаха Филарета иеромонаха Николая (в миру Ивана Дмитриевича Касаткина), вошедшего в историю как Николай Японский.

В целом вплоть до середины 1860-х гг. обстановка в Хакодате оставалась весьма спокойной. Угрозы обозначились только после издания антиевропейских указов сёгуна. В самом начале 1865 г. один из русских моряков писал: «...1-го февраля сгорели в Хакодате дома русского консула, секретаря его, капитан-лейтенанта Костерова, и доктора; пожар начался с английского консульства, дом которого стоял рядом с русским»¹.

Интересно, что тогда же, в 1865 г., на острове Хоккайдо появился на свет первый русский, да, возможно, и вообще европейский, ребёнок. Это был сын консульского лекаря Петра Михайловича Матвеева Николай, в будущем известный японовед и литератор.

Между тем обострение обстановки (которое коснулось российских представителей в значительно меньшей степени, чем других европейцев), возможно, заставило принять решение о переносе в 1866 г. русского военно-морского госпиталя из Хакодате в Нагасаки.

Любопытно, что, вернувшись в Россию, Гошкевич продолжал тепло отзываться о жителях Страны Восходящего Солнца: «Японский народ, недавно почти насильно втолкнуемый в семью цивилизованного европейского мира, давно имел право на это место по внутреннему родству; не потому ли и проявляет он ту

---

¹ Там же. С. 125.

удивляющую всех энергию, то стремление к цивилизации, вместо которого в других народах туранской группы встречается совершенное равнодушие»¹.

Обращаясь ко дню сегодняшнему, отметим, что память о Гошкевиче как о человеке, внёшем огромный вклад в налаживание российско-японских межгосударственных, культурных и экономических связей и сегодня сохраняется в Японии: в его честь назван один из заливов в Японском море, а в сентябре 2001 г. бюст первого русского консула был установлен на территории православной церкви в Хакодате.

Возвращаясь к основному повествованию, скажем, что нападения японцев на «варваров» пошли на убыль только в 1866 г.

А.Я. Максимов рисует события этого периода и поведение России в следующих красках: «Между тем в Японии произошли громадные перевороты, при которых Россия могла бы сказать своё веское слово и должна была бы выяснить свои истинные отношения к японской монархии; но она хранила молчание, предоставив другим державам воспользоваться междоусобными войнами для достижения известных привилегий и увеличения своего влияния. Особенно обильны происшествиями высокой политической важности оказались годы 1863-й и 1864-й. Пять наций (Англия, Франция, Соединённые Штаты, Голландия и Германия) дружно соединились для охранения трактатов, нарушенных японцами. Укрепления Кагосимы были бомбардированы, Токогама занята соединённым горизонтом, пролив Симоносеки ядрами очищен для торговли; укрепления князя Ногато разрушены и заняты войсками, привезёнными из Индии и Англии. Микадо, не пожелавший признать трактатов, заключённых тайкуном, был вынужден ратифицировать их под пушками соединённых эскадр. Таким образом, упорное отчуждение верховного властелина от сближения с европейцами было сломлено. Кроме того, за совершённые в японских владениях убийства европейцев (кроме русских) правительством уплачена значительная контрибуция.

---

¹ Гошкевич И.А. О корнях японского языка. Вильно, 1899. С. 7.

Россия не приняла участия в этой грандиозной демонстрации, благодаря тревожному положению польского вопроса. Наша эскадра, получившая предписание быть готовой к войне, чинилась, снабжалась всем необходимым и выжидала в Сан-Франциско дальнейших приказаний. Когда же суда наши вернулись наконец в Японию, нам пришлось довольствоваться только тем, что было достигнуто другими державами. Таким образом, переворот, окончательно открывший Японию иностранцам, совершился без нас, что хотя умалило в глазах японцев наше политическое значение как великой европейской державы, но одновременно возвысило нас в их мнении с нравственной стороны. Японцы ещё раз убедились, что не в характере России всевозможные насилия “по английскому шаблону”, и что она всегда готова стоять при сношениях с Японией исключительно на миролюбивой, дружественной почве»¹.

Если с пришествием Запада японцы, по крайней мере временно, примирились как с неизбежным злом, то борьба между различными группировками элиты постоянно нарастала. В 1866 г. умер сёгун Токугава Иэмоти, а его преемник Токугава Есинобу (Кейки) оказался последним из тех, кому довелось носить этот титул.

В 1867 г. скончался император Комэй и на престол взошёл его сын — 15-летний Мутсухито, известный также как император Мэйдзи.

Специфика дальнейших событий заключалась в том, что лидеры прогрессистов, выступавшие за вестернизацию Японии, сделали императора своим знаменем, что позволило придать их движению форму борьбы за возврат к традиционным ценностям.

В то же время актом во многом символическим, символизирующим начало новой эпохи в истории страны, стал переезд императорского двора из Киото в новую столицу Токио (что, впрочем, имело и вполне конкретную цель — вырваться из-под власти сёгунов).

---

¹ Максимов А.Я. Наши задачи на Тихом океане // www.milresource.ru/Maksimov.html.

1868 г. был насыщен событиями гражданской войны (наиболее значительным из которых стала битва при Тоба-Фусими), завершилась же она в мае 1869 г. осадой того самого Хакодатэ, где на протяжении семи с лишним лет находилась резиденция русского консула Гошкевича.

Несмотря на очевидную победу прогрессистов, сопротивление консерваторов продолжалось ещё 10 лет и было сломлено только в 1877 г., после битвы у горы Кагосима.

Однако планомерное осуществление реформ, призванных кардинально перестроить экономическую и политическую основу японского общества, изменить его социальную структуру, началось сразу же после ликвидации в 1868 г. власти сёгуна.

ЯПОНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ФОНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Показательно, что, несмотря на остроту внутренних проблем и серьёзные политические потрясения, Япония продолжала дипломатические контакты с другими странами и даже заключала договоры.

Учитывая осложнение внутривнутриполитической ситуации, японское руководство стремилось минимизировать территориальные потери от возможного иностранного вмешательства. Добиться этой цели можно было, в частности, урегулированием спорных пограничных вопросов.

В сентябре 1866 г. полномочия на ведение переговоров с Россией японское правительство дало бывшему губернатору Хакодатэ Коидэ Ямато и чиновнику тайного надзора Исикава Суруга.

В январе 1867 г. делегация прибыла в Петербург, имея полномочия предложить раздел Сахалина не по 50-й, а по 48-й параллели, что, впрочем, было скорее символической уступкой.

Российская сторона настаивала на праве владеть всем островом, так что удалось договориться лишь о временном соглашении, которое было подписано в Санкт-Петербурге 18 марта 1867 г. и получило известность как Петербургская конвенция,

или Временные правила в отношении острова Сахалин (или Карафуту). Согласно этому документу, Сахалин по-прежнему определялся как «совместное» владение России и Японии.

Статья 1-я предусматривала, что русские и японцы должны поддерживать мирные отношения и разрешать конфликты путём переговоров между местными властями России и Японии. Последующими статьями предусматривалось, что русские и японцы имеют право свободно передвигаться по острову, возводить постройки и заниматься промыслами. Местным жителям предоставляется личная свобода и право распоряжаться своим имуществом.

А.Я. Максимов следующим образом излагает смысл этого документа, а также характер последующих событий: «Конвенцией, заключённой 18 марта 1867 г., была лишь разъяснена статья о нераздельном владении России и Японии Сахалином в том смысле, что “русские и японцы имеют право в равной степени занимать по всему острову не занятые ещё места”. Такое странное разъяснение, удаляя только решение вопроса на неопределённое время, создало в будущем значительные затруднения.

Соглашаясь на подобное “нераздельное” владение Сахалином, мы не допускали мысли, что можем встретить в японцах сильных соперников; между тем все факты скоро доказали, что в деле занятия острова все преимущества на их стороне.

Пользуясь вышеизложенным разъяснением, правительство Микадо предприняло в 1866 и 1887 гг. систематическую колонизацию острова Сахалина; к этому их побуждали собственные выгоды, соперничество с нами и коварные советы англичан. Колонизация, столь трудная для нас, доставалась японцам легко и дёшево. Близость островов, богатых средствами и людьми, давала японскому правительству возможность заселять Сахалин без особенных усилий; при этом оно воздерживалось от непроизводительных расходов; каждая затрата вызывалась действительными нуждами народа и с избытком вознаграждалась немедленным использованием предметов промысла острова: рыбой и пушным зверьём.

В то время когда японцы выделяли на Сахалин избыток своего населения, мы были вынуждены привлекать туда переселенцев большими льготами из сердца России, что вызывало крупные

малопроизводительные расходы. Мы ставили военные посты, роты холостых солдат, не имевших никакого значения в колонизации острова; а японцы строили прочные селения семейных работников и промышленников. Мы перешли на юг от реки Косунай и возобновили пост на берегу залива Анива, поставив там роту солдат. Японцы тотчас же перешли на север этой речки и основали прочные селения в прежних пустопорожных наших владениях. Не будучи, наконец, в силах ставить военные посты в каждой понравившейся нам местности, мы начали водружать в знак занятия известного пункта столбы с надписями. Японцы не замедлили последовать нашему примеру и ставили такие же столбы всюду, где только успевали.

Эта конкуренция создавала на острове чрезвычайную чересполосицу, была причиной беспрестанных ссор и недоразумений, возникавших между нашими местными властями и японскими чиновниками.

Таким образом, вопреки желанию русского правительства сахалинский вопрос усложнялся с каждым годом и грозил в будущем ещё более серьёзными затруднениями. Между тем, с устройством на Сахалине каторжных поселений и с развитием на нём каменноугольной промышленности, Россия должна была настоятельно добиваться уступки острова в полное владение»¹.

Шанс на решение сахалинского вопроса появился у России уже в 1868 г., когда, оказавшись в тяжёлом положении, сторонники сёгуна через русское консульство в Хакодате предложили признать права России не только на весь остров Сахалин, но и на заселённый айнами остров Эдзо (в настоящее время — Хоккайдо), исключая владения князя Мацумаэ, занимавшие узкую прибрежную полосу на юге этого острова².

Российская сторона оценила подобные уступки как «далеко не соответствующее вознаграждение», да и сама ситуация, при которой русский царь должен был помогать противникам

---

¹ Там же.

² Кюнер Н.В. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования Романовых. Владивосток, 1914. С. 50.

японских монархистов, воспринималась в Санкт-Петербурге как неестественная. В результате предпочтение было отдано строгому нейтралитету, хотя другие европейские державы вели более рискованную политику. Так, французы, сделав ставку на сёгуна, предложили ему военную помощь, британское же правительство поддерживало противоположную сторону.

Так или иначе, российское правительство вполне разумно отказалось от предлагаемого сторонниками сёгуната «данайского дара», и в 1869 г. остров Эдзо был включён в состав японской метрополии. Можно только представить, к каким конфликтам привело бы занятие русскими этого острова, когда укрепившаяся центральная власть в лице императора захотела бы для укрепления собственных позиций продемонстрировать твёрдость в отношениях с западными державами.

Вопрос о Сахалине при всей своей остроте не должен был привести к серьёзному военному конфликту, тем более что позиции России на этом острове и в военном, и в хозяйственном отношении были намного более прочными.

Практически сразу же после подписания Петербургской конвенции русскими властями был восстановлен ликвидированный в период Крымской войны Муравьевский пост (на самом юге острова) и ещё пять других постов в различных районах острова.

На Сахалин было направлено 200 переселенцев из материковой России¹.

Освоение острова японцами в основном «ограничивалось занятием временным рыболовством». Те же японские колонисты, которые появились на острове в 1860-х гг., начали покидать его, фактически отказавшись от попыток хозяйственного освоения края. Так, только в 1874 г. с Сахалина было вывезено 332 японских поселенца. При этом число русских поселенцев к 1872 г. достигло 1900 человек, количество военных постов составляло 15.

Мирное соперничество двух стран в хозяйственном освоении Сахалина фактически разрешилось в пользу России благодаря

---

¹ Черевко К.Е. Экономическое освоение Сахалина: История и современность // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 4. С. 38.

тому, что Япония именно в этот период оказалась поглощена внутренними проблемами.

В сущности, вопрос разграничения в районе Сахалина и Курильских островов оставался единственным вопросом, к которому на рубеже 1860–1870-х гг. обе страны испытывали обоюдный интерес, причём если для Японии выгодно было откладывать решение данной проблемы, то русской дипломатии, наоборот, хотелось добиться определённости как можно скорее.

Однако после отъезда Гошкевича обсуждение спорных вопросов велось в обстановке, когда ни Россия, ни Япония не имели постоянных дипломатических представительств в ранге посольства на территории страны — партнёра по переговорам.

Интересно, что российский МИД оценивал подобное положение не только как нормальное, но даже как выгодное, приводя в доказательство не лишённые остроумия доводы. В качестве примера имеет смысл привести фрагмент из «Объяснительной записки Министерства иностранных дел», представленной Государственному совету 31 марта 1870 г.: «При установлении правильных дипломатических сношений наших с Японией в 1858-м году Министерство иностранных дел... ограничилось на первое время учреждением в этой стране одного только консульства... Представители иностранных держав, избравшие своим местопребыванием Иедо и порт Иокогаму, находились постоянно в самом затруднительном положении; они иногда не знали даже, к кому обратиться и кто представлял правительственную власть в Японии. Бесперывными заявлениями своими, протестами и требованиями они нисколько не улучшили положения своих соотечественников в Японии, а, напротив, утрачивали постепенно свой авторитет и раздражали японцев. Совершенно в ином положении находились мы в продолжение этого тяжёлого 10-летнего периода... Такой образ действий русского правительства согласовался вполне с нашими интересами и с тем положением японского государства, в котором оно находилось после заключения первых трактатов с европейцами»¹.

---

¹ Цит. по: *Климов В.Ю. Иосиф Антонович Гошкевич... С. 108.*

Правда, к началу 1870-х гг. стало очевидным, что подобная пассивная и выжидательная позиция по отношению к Японии начинает себя исчерпывать. В известной степени она действительно была оправданной, когда в стране шла борьба между консерваторами и прогрессистами и любое неосторожное вмешательство европейцев объективно играло на руку традиционалистам, склонным разыгрывать националистическую карту.

После революции Мэйдзи уже реформаторы стали использовать национализм как защиту от экономической и культурной экспансии западных держав, развитие которых могло привести и к экспансии военной.

Для более успешного отстаивания своих интересов России теперь следовало не держаться на расстоянии, а, напротив, внимательно следить за развитием ситуации в Японии.

Правительству Страны Восходящего Солнца требовалось выработать и реализовать эффективный курс реформ, следование которому напоминало балансирование на лезвии бритвы с угрозой свалиться либо в пропасть шовинизма, либо в бездну анархии. В первом случае Япония могла оказаться в состоянии военной конфронтации с Западом, причём по причине гораздо более скромных по сравнению с Китаем размеров подобное столкновение могло привести к полной ликвидации японской государственности.

С другой стороны, бесконтрольное вторжение элементов западной цивилизации, не сопровождающееся повышением материального благосостояния и соответствующей сменой идеологических ориентиров, также должно было привести к шовинистическому подъёму, новому витку гражданской войны и, скорее всего, военному вмешательству Запада.

РАСШИРЕНИЕ ДВУСТОРОННИХ КОНТАКТОВ

Подобно многим другим странам, вынужденным в ускоренном темпе проскакивать целые исторические эпохи, Япония стремительно меняла свой облик.

В ноябре 1868 г. был назначен русский коммерческий консул в Нагасаки. Должность эту занял переквалифицировавшийся в предприниматели бывший чиновник сибирского генерал-губернаторства Александр Фридрихович Филиппеус. Он активно собирал и пытался анализировать сведения о состоянии японской торговли, однако необходимость сосредоточиться на защите собственных коммерческих интересов уже в 1869 г. вынудила его расстаться с консульством. Вторично он занимал должность в 1870–1871 гг., пока не решил сконцентрироваться на предпринимательстве, связанном со снабжением русских портов на побережье Охотского моря. После этого, до 1874 г., интересы России в Нагасаки представлял консул Германии, пока наконец должность не занял профессиональный дипломат Александр Оларовский.

Незадолго до его прибытия, 24 января (5 февраля) 1874 г., в Нагасаки произошёл пожар, в тушении которого приняли участие моряки корвета «Богатырь» под командованием капитана 2-го ранга Д. П. Шафирова. Как показательный штрих: в знак благодарности за помощь, оказанную при тушении пожара, губернатор Нагасаки прислал на судно бочонок саке и 500 яиц.

Но гораздо больший резонанс по своим политическим последствиям имело участие русских моряков в подавлении одного из восстаний, которые стали своего рода выражением агонии умирающей самурайской Японии.

Мятеж произошёл в городе Сага, где восставшие разогнали части местного гарнизона, после чего двинулись к Нагасаки. «Богатырь» уже собирался оставить порт, но в ночь с 8 (20) на (21) февраля германский консул прибыл на судно и попросил задержаться в порту, а также высадить десант для охраны города.

У дипломатов имелись все основания предполагать, что появление мятежников может привести к резне иностранцев. При этом следует учитывать, что германский консул представлял в Нагасаки и Россию, так что его просьба могла считаться полуприказом.

На протяжении нескольких дней русские моряки самим фактом своего присутствия помогали властям поддерживать в Нагасаки

порядок, причём на «Богатыре» даже хранилась казна города общей суммой в 40 тысяч долларов.

Впоследствии японский гарнизон увеличился до 1,5 тысяч, прибыли японский и американский корветы, а также британские канонерские лодки из Шанхая. После окончательной нормализации обстановки, 25 февраля (9 марта), «Богатырь» оставил Нагасаки.

Расширение международных связей Страны Восходящего Солнца, а также необходимость отслеживать и оперативно реагировать на происходившие в ней внутривосточные изменения вынуждали руководство российского МИД задуматься о расширении консульской сети в Японии.

Было очевидно, что реформы осуществлялись стремительно, экономика модернизировалась, страна менялась буквально на глазах, превращаясь из средневекового во вполне современное государство. В 1872 г. была построена первая в стране железная дорога, соединившая столицу Токио с крупнейшим портом Йокогамой. Побывавший в 1870 г. в Японии гидрограф Константин Степанович Старицкий так описывал Йокогаму: «Набережная из тёсаного камня, чистые улицы, высокие двухэтажные дома, обшитые камнем, магазины с зеркальными стёклами, богатые загородные дома с окружающими их изящными садами, — всё это выглядит так хорошо, что после многолетних странствий по нашим бедным постам маньчжурского берега и Сахалина невольно любуешься этим возлюбленным дитятей дипломатии и торговли Европы и Америки с Японией и на минуту чувствуешь себя как будто в Европе. Йокогама совсем ещё молодой город, ему и 11 лет нет, а между тем значение и сила его очень значительны»¹.

Интересно привести и ещё одно описание, касающееся уже не самого города, а его иностранных обитателей. Сделано оно русским писателем Всеволодом Владимировичем Крестовским, склонным к обличению социальных язв и автором известного романа «Петербургские трущобы». Вот какими он видел европейских и американских обитателей Йокогамы: «И вы видите,

---

¹ Хисамутдинов А.А. Русская Япония. С. 129.

как в беспокойно бегающем, озабоченном их взоре скользит ищущая похоть, как бы только сорвать с кого куш, что-нибудь и где-нибудь хапнуть, жамкнуть хорошенько всеми зубами, купить, перебить, продать, поднадуть... Это всё народ авантюрист, прожектёр, антрепренёр чего угодно и кого угодно, прожжённая и продувная bestия, — народ большей частью прогоревший, а то и проворовавшийся или окончательно компрометированный чем-либо у себя дома, на родине, и потому бежавший на Дальний Восток, где можно ещё с высоты своего европейского превосходства не только презирать и эксплуатировать “этих глупых варваров”, китайцев и японцев, но ещё и “цивилизовать” их, за хорошее, конечно, жалованье, в некотором роде “миссию” свою европейскую исполнять, безнаказанно держать себя с нахальнейшим апломбом, да к тому же ещё нередко и роль играть в местном европейском клоповнике»¹.

Тем не менее именно такие культуртрегеры и помогали Японии наводить мосты с Западом. Причём помогали небезуспешно.

Очередным событием, которое особенно явно свидетельствовало об этом сближении, стало введение в Стране Восходящего Солнца свободы вероисповедания (1872–1873 гг.).

Данная норма уже воспринималась в Европе как абсолютно естественная, хотя, разумеется, отношение государства к разным конфессиям всегда имело определённую национальную специфику.

В России, например, Православная церковь не просто принимала активное участие в формировании государственной идеологии, но и в какой-то степени являлась частью государственной структуры. Прочие конфессии выстраивались по иерархии, и если те, кто находился на вершине этой иерархической системы, пользовались почти тем же объёмом льгот, что и Русская Православная Церковь, то некоторые сектантские группы даже объявлялись вне закона (как правило, в случаях, когда особенности культа представляли явную угрозу для жизни и здоровья граждан).

---

¹ Крестовский В.В. В дальних водах и странах. М., 2003. С. 250.

Ни в России, ни в Европе восточные культы не подвергались серьёзным гонениям, так что аналогичный шаг со стороны японского правительства был вполне естественным и, главное, наглядно подтверждал готовность правительства придерживаться в международных отношениях той же системы этических, нравственных и культурных ценностей, которая укоренилась в западном цивилизационном пространстве.

В дальнейшем эта же приверженность западным нормам и правилам, столь не стыкующимся с японскими самурайскими традициями, была неоднократно продемонстрирована, в том числе и в период войны 1904–1905 гг., выражаясь, например, в подчёркнуто гуманном обращении с русскими пленными и в старательном следовании международным нормам, призванным гуманизировать практику ведения боевых действий.

А поскольку свобода вероисповедания фактически также стала частью западной культурной традиции, принятие соответствующего закона в Японии действительно было событием знаковым, позволив приступить к масштабной проповеди христианства, что отразилось и на деятельности Николая Японского.

Поистине огромное значение имели реформы в сфере образования, поскольку речь, в сущности, шла об изменении сознания и менталитета нации.

Введение обязательного обучения было шагом прогрессивным даже по сравнению со многими западными державами, гордящимися своей цивилизованностью, и при этом шагом, на редкость действенным, поскольку нация, состоящая из грамотных людей, способна более эффективно отстаивать свои интересы.

Аналогичными соображениями была продиктована реформа вооружённых сил, сопровождавшаяся введением всеобщей воинской повинности, что позволило распространить «вширь» уникальные воинские традиции самураев и одновременно модернизировать армию, ориентируясь на наиболее эффективную по тому времени прусскую (германскую) модель.

Вообще, изучение опыта японских реформ интересно в том смысле, что в качестве образца брались именно страны, добившиеся наибольших успехов в той сфере, которая нуждалась в преобразованиях.

Так, при реформе системы образования первоначально использовался опыт Франции, однако затем предпочтение было отдано германской модели, что почти наверняка определялось результатами австро-прусской и франко-прусской войн, которые, если верить известному выражению Отто фон Бисмарка, выиграл прусский школьный учитель.

Естественно, при реформировании военно-морского флота учитывался прежде всего британский опыт.

Из российского опыта Японии заимствовать было, в сущности, нечего, поскольку сама Россия в этот период столкнулась с необходимостью коренного реформирования существующих экономических отношений, изменения структуры общества и формирования демократических институтов. Бесспорно, во всех этих сферах Япония добилась более впечатляющих успехов...

«ЦИВИЛИЗАЦИЯ» ИДЁТ С ЗАПАДА?

Слухи о переменах, происходивших в Стране Восходящего Солнца, доходили до Петербурга и вызывали там значительный интерес именно по причине вполне очевидных параллелей с ситуацией в самой России.

Причём интерес этот был велик буквально во всех слоях общества, вплоть до императорской фамилии. Естественно, большую роль здесь играли и окружающий страны Востока экзотический ореол, и геополитическое соперничество между великими державами.

Следует учитывать и ещё один фактор — новые транспортные средства способствовали установлению более тесных связей между удалёнными друг от друга странами и народами.

В 1873 г. вышел в свет роман Жюль Верна «Вокруг света за 80 дней», содержание которого отражено в его названии. И хотя срок в 80 дней по современным меркам выглядит весьма значительным, всё-таки это был очевидный прогресс по сравнению с двух- и трёхгодичными кругосветными плаваниями начала XIX века.

Неудивительно, что именно в этот период состоялся и первый визит представителя российского царствующего дома в Японию.

Речь идёт о четвёртом сыне императора Александра II, великом князе Алексее Александровиче, которому ещё в юности определили идти по морской стезе с очевидной перспективой впоследствии возглавить флотское ведомство (по образцу его дяди, Константина Николаевича).

В 1871–1872 гг., уже будучи лейтенантом флота, он, первым из Романовых, совершил кругосветное путешествие на корабле «Светлана», во время которого побывал и в Японии. Иногда в популярной литературе даже встречаются утверждения, что великий князь был представлен императору Муцухито, а также членам японского правительства, многие из которых (включая самого монарха) впервые видели живого русского. Сам Алексей Александрович никаких свидетельств на этот счёт не оставил, а его двоюродный брат Александр Михайлович, также впоследствии побывавший в Японии, именно себя аттестовал как первого русского, представленного ко двору Мэйдзи. И, судя по всему, это правда¹...

Впоследствии, став генерал-адмиралом и руководителем Морского ведомства, Алексей Александрович, по-видимому, ещё пожалеет о крайне поверхностном знакомстве со страной, которая нанесёт России самое тяжёлое поражение в истории её флота.

Конечно, в 1870-х гг. даже в самых смелых фантазиях никто не смог бы предположить, что Япония будет на равных соперничать с Россией (а позже и с Соединёнными Штатами, Великобританией) в борьбе за гегемонию на Тихом океане.

Напротив, в 1870-х, да и в 1880-х гг., инициатива находилась скорее в руках России, стремившейся расширить свои границы до рубежей, наиболее удобных как в плане организации обороны, так и в качестве плацдарма для дальнейшей экспансии.

---

¹ Подалко П. Романовы в Японии // Нитиро канкэй сирё: о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2007.

Непосредственно в зоне соприкосновения российских и японских владений по-прежнему актуальной оставалась проблема Сахалина, где укреплялось российское военное присутствие.

В связи с этим в японской элите многие опасались возможного военного поражения, которое могло закончиться для Японии «потерей лица» и полной утратой позиций на Сахалине.

Однако необходимость решения сахалинской проблемы осознавалась и в Санкт-Петербурге, и в Токио, причём решать её обе стороны были настроены именно по дипломатической линии.

Свидетельством соответствующего настроения российского правительства стало назначение в 1872 г. своего постоянного поверенного в делах в Токио. Должность эту занял российский консул в Хакодате Е. К. Бюцов, сразу же возобновивший переговоры о границе с министром иностранных дел Танэоми Соэдзима. Правда, сделанное японцами предложение за денежную компенсацию отказаться от прав на часть острова Сахалин, расположенную южнее 50 ° с. ш., в Санкт-Петербурге встретили без энтузиазма.

Однако, даже не приводя к конкретным договорённостям, дипломатические контакты способствовали сближению между двумя странами, что зачастую самым неожиданным образом отражалось на внутренней политике обоих государств.

Примером тому может служить инцидент с зашедшим в июне 1872 г. в порт Иокогамы перуанским судном «Мария-Луиза». На его борту находился 321 китайский рабочий-кули. Один из них, прыгнув воду, добрался до британского корабля и рассказал о жестоком обращении, которому подвергались он и его товарищи. Тем не менее японские власти вернули китайца на «Марию-Луизу», потребовав не наказывать несчастного кули, а также улучшить условия содержания китайцев. Оба условия остались невыполненными, что было констатировано британским консулом, сообщившим об этом японскому министру иностранных дел Соэдзиму.

Глава японского МИД распорядился задержать судно и провести расследование. По его итогам суд вынес постановление о том, что контракт в отношении кули оказался невыполненным,

а следовательно, китайцы могут вернуться на родину. Прибывшая из Перу специальная комиссия предложила передать дело в международный арбитраж, причём, получив право выбрать арбитра, японцы выбрали Александра II. Тот в полном соответствии с духом своего царствования признал правоту Токио.

Японское же правительство, в свою очередь, после инцидента с «Марией-Луизой» обратилось к судьбе собственных бесправных подданных. «В октябре 1871 года Министерство юстиции вынесло историческое решение, запрещавшее торговлю людьми. До этого времени продажа бедняками своих дочерей владельцам публичных домов и увеселительных заведений была вполне обычным делом. На практике это выглядело так: родители брали заём у хозяина публичного дома, а в качестве залога предоставляли свою дочь. Если они не могли или не хотели отдать долг, девушка оставалась у хозяина. Зарплату она получала, но выкупиться удавалось немногим. Теперь же долги проституток прощались, а родители имели право отдать своих чад только в ученики для овладения каким-нибудь мастерством или искусством. При этом специально подчёркивалось, что в публичных домах учиться нечему»¹.

Позитивный опыт двухсторонних отношений со всей очевидностью демонстрировал русскому и японскому правительствам, насколько назрела необходимость наладить полноценные дипломатические контакты. Однако начинать следовало фактически с тех же позиций, что и в 1862 г. Правда, в отличие от обстановки 10-летней давности, в пользу благоприятного исхода переговоров работал такой фактор, как установление в Японии твёрдой власти, причём власти, нацеленной на вестернизацию, а следовательно, не заинтересованной в войне со своими западными соседями.

Дальнейшие события показали, что вестернизация и миролюбие по отношению к Западу отнюдь не всегда сопутствуют друг другу. В конечном счёте Россия Петра Великого, меняя древнерусский кафтан на западноевропейский камзол, одновременно начала борьбу с одной из самых прогрессивных западноевропейских держав — Швецией. Внешние войны традиционно служат средством для

---

¹ Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М., 2006. С. 281.

снятия внутривосточного напряжения. В Японии внутреннее напряжение по-прежнему оставалось довольно высоким, причём связано это было прежде всего с ликвидацией класса самураев.

Привычные к боевой жизни и непривычные к созидательному труду, самураи представляли собой взрывоопасную массу, которую некоторые государственные сановники предлагали использовать либо для завоевания Кореи, либо для захвата Сибири. Однако в 1870-х гг. возобладали более трезвомыслящие государственные головы, отдавшие предпочтение плавной социальной адаптации самураев в новое капиталистическое общество, избавляющееся от пут феодальных традиций.

Это обстоятельство предопределило и относительно миролюбивый курс Токио, когда при решении сахалинской проблемы предпочтение отдавалось именно переговорам, а в занятой японскими представителями позиции чувствовалось признание того факта, что Россия уже достаточно прочно укрепилась на спорном острове.

В любом случае, русским и японцам было о чём поговорить, причём обе страны наверняка прорабатывали варианты взаимных уступок. А вот отношения Японии с западными странами выглядели гораздо более сложными...

В российской исторической литературе не раз высказывалось мнение, что именно уступчивость и миролюбие Петербурга создавали у японцев превратное впечатление о слабости Российской империи (вполне, впрочем, подтвердившееся в 1904–1905 гг.), в то время как жёсткий, уверенный тон таких западных держав, как Великобритания, Франция и Соединённые Штаты, напротив, заставлял японское правительство вести себя миролюбиво и идти на уступки.

В таком выводе, думается, содержится определённая натяжка. Хотя заявления некоторых японских военных о намерении, например, дойти до Санкт-Петербурга действительно напоминают бред горячечного больного, очевидно, что ни малейшего влияния на внешнюю политику Страны Восходящего Солнца они не имели.

Напротив, эту политику определяли люди умные, проницательные, реалистичные и обладающие достаточно широким

кругозором. Именно благодаря им Япония в 1870–1880-х гг. сосредотачивалась на решении собственных проблем, так же как сосредотачивалась Россия после Крымской войны.

Сосредотачивалась, смиряясь с давлением европейцев, поскольку не имела достаточно сил для ответного удара. Появиться эти силы должны были в самом ближайшем будущем. Пока же Токио занималось снаряжением очередной делегации, которая должна было совершить кругосветный вояж и, останавливаясь в столицах великих держав, постараться определить возможных потенциальных союзников и противников.

Определить, чтобы понять, кто именно, руководствуясь собственными интересами, мог бы помочь или, напротив, помешать обрести Японии свой собственный голос на международной арене.

ГЛАВА 4
**ЯПОНСКАЯ МИССИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 1873 г.**

ОЖИДАНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

Известие о новой японской дипломатической миссии было получено в Санкт-Петербурге директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел Петром Николаевичем Стремоуховым в декабре 1871 г. В донесении из Иокогамы сообщалось о том, что «японское правительство посылает посольство в Европу и Америку, в декабре месяце с. г. для изучения мнения европейских правительств, касательно вопроса о ревизии трактатов и для объяснения взгляда японского правительства по тому же вопросу. Во главе посольства поедет сам министр иностранных дел г. Ивакура, в качестве 1-го посла с ним едут 2-ое посланников гг. Окубо и Кидо. Кроме означенных лиц посольство будет состоять из нескольких секретарей-переводчиков, военных агентов. Считаю долгом сообщить вашему превосходительству несколько подробностей о выше именованных 3-х посланниках. Г. Ивакура, министр иностранных дел, пользующийся большим влиянием при настоящем правительстве, он был до назначения своего министром иностранных дел приближённым лицом при Микадо в должности Куге. Г. Ивакура принадлежит к разряду тысяч лиц, которые сознают пользу от международных отношений. Кроме того — он, по-видимому, старается и ищет сближения с Россией. Г. Окубо — один из главных деятелей переворота,

случившегося в Японии и кончившегося в пользу Микадо, он происходит из бывшего княжества Сатсума, где он и начал свою службу. Г. Окубо принадлежит также, как я слышал, к партии либеральной, которая не против международных отношений Японии с другими нациями, что же касается его личных мнений касательно сближения с Россией я ничего не могу сообщить Вашему Превосходительству, так как не имел случая познакомиться с г. Окубо, он находится в отпуске. Г. Кидо также из числа главных лиц, совершивших переворот в Японии, он принадлежит точно так же, как и г. Окубо, к партии передовых лиц, в настоящее время он занимает должность Министра публичных работ. Г. Кидо родом из бывшего княжества Чосиу. Посольство намерено выехать из Японии в декабре месяце и отправиться перво-наперво в Америку, куда вслед за ними отправляется и г. американский посланник Де-Лонго, из Америки посольство думает отправиться в Англию, где они также увидят английского представителя, уехавшего ещё летом в отпуск, из Англии — во Францию, представитель которой выезжает в конце ноября в отпуск, из Франции — в Пруссию, представитель последней также находится в отпуске, из Пруссии посольство предполагает отправиться в Петербург. По их расчёту, они думают быть в Петербурге не ранее мая месяца, из России они посетят остальные державы, имеющие с ними трактаты»¹.

1 (13) ноября 1871 г. (13 числа 10 месяца 4-го года Мэйдзи) министр иностранных дел России князь Горчаков получил письмо от товарища министра иностранных дел Японии Теросимы Мненори.

В пространном письме сообщалось о составе посольства и об основных задачах, которые ему предстояло выполнить. «С времени вступления Его Величества нашего Императора на престол, — говорилось в письме, — ни одно посольство не было ещё посылаемо к Дворам дружественных держав для изъявления искренних чувств, питаемых к ним Японией, и поэтому Его Величество назначил вице-канцлера Ивакура Томоми

---

¹ АВПРИ. Ф. С.-Петербургский Главный архив. I-6. Оп. 5. 1872 г. Д. 1. Л. 2-3.

чрезвычайным и полномочным послом и главными членами при нём: члена Государственного совета Кидо Такаски, министра финансов Окубо Тосимици, товарища министра публичных работ Ито Хиробуми и помощника министра иностранных дел Ямагуци Хисаиоси, с тем чтобы они, посетив все государства, имеющие трактаты с Японией, изъявили питаемые к ним ею чувства и упрочили существующие дружественные отношения. Пользуясь настоящим случаем, Японское правительство вместе с тем желает изложить русскому правительству свои предложения относительно пересмотра трактата, заключённого между обоими государствами, срок пересмотра которого приближается, и просить высказать своё мнение относительно них. Главная цель, к которой японское правительство стремится, есть желание установить и упрочить дружественные отношения, существующие между Японией и державами, заключившими договоры с нею, и сохранить эти отношения на вечные времена. Но для достижения этой цели необходимо преобразовать наши законы сообразно с теми, которые существуют в цивилизованных нациях, вследствие чего японское правительство намерено искренно объявить всем дружественным правительствам настоящую свою цель и просить их высказать свои мнения касательно её, а также желает изучить и исследовать законы, существующие в цивилизованных государствах, с тем чтобы применимые из них положить в основание наших законов. После возвращения посольства в Японию правительство возьмёт в соображение как замечания, сделанные членами посольства, так и мнения, высказанные державами, и затем приступит к переговорам относительно пересмотра трактатов. Так как посольство потребует значительного времени для выполнения возложенного на него поручения, то японское правительство принуждено просить продления срока пересмотра трактатов. Вышеизложенное составляет главную цель посылаемого посольства, почему считаю нужным предварительно известить об этом вашу светлость»¹.

---

¹ АВПРИ. Ф. С.-Петербургский Главный архив. I-6. Оп. 5. 1872 г. Д. 1. Л. 10–11 об.

11 декабря (29 ноября по старому стилю) 1871 г. японское посольство отправилось в Америку. В связи с отъездом министра иностранных дел г. Ивакура на его место был назначен г. Соесима, бывший посланником для ведения переговоров по Сахалинскому вопросу. «Господин Соесима чрезвычайно умный, начитанный и образованный господин, он вполне понимает выгоды японского правительства от сближения с нами и известен как один из ревностных защитников сближения Японии с Россией, и назначение его министром иностранных дел служит хорошим знаком и подтверждением, некоторым образом, желания правительства Микадо о сближении его с нами»¹ — так характеризовал его в своём донесении генерал-губернатор Хоккайдо. К письму прилагался полный список лиц, состоящих при посольстве:

«чрезвычайный и полномочный посол Ивакура Томоми, государственный вице-канцлер;

полномочные министры: Кидо Кооин, член Государственного совета; Оокубо Рицу, министр финансов; Ито Хакубун, товарищ министра публичных работ; Ямагуци Сёхо, правитель канцелярии министра иностранных дел;

первые секретари: Танабе Таици; Сиота Токусин; Нани Рейси; Фукудзи Генъициро;

вторые секретари: Ватанаби Кооки; Комацу Сайдзи; Хаяси Тоозабуро;

третьи секретари: Кавадзи Квандоо; Ямагуци Иссеки;

помощники секретарей: Икеда Сеймо; Андо Цсюкей;

члены комиссии для ознакомления с европейскими обычаями, науками и законами:

Ямада Кенги, генерал-майор; Саски Косоо, товарищ министра внутренних дел; Хингасикузе Цуки, гофмаршал; Танака Квокен, начальник статистического отделения; Хита Ирёо, директор кораблестроительного департамента; Танака Фудзимаро, правитель канцелярии министра народного просвещения; Такасаки Тоёмаро, член совещательной палаты народных депутатов;

---

¹ Там же. Л. 13 об.

члены свиты посла: Ицуцудзи Анцсю; Номура Сей; Накаяма Синпин, вице губернатор Хёго; Уцуми Цсюсё, вице губернатор Канагавы; куме Дзёси;

в свите Ямада: Харада Ицидо, учитель военного училища;

в свите Сасаки: Окауци Дзюсюн; Накано Кенмей; Хирага Гисики; Нагано Бунпей;

в свите Хингасикузе: Мурата Кейман, Кунай-Дайдзё;

в свите Танака Квокен: Ясуба Хова; Вакаяма Гици; Абе Сен; Окимори Ко; Сугияма Иссей; Томита Мейхо;

в свите Хида: Урю Син;

в свите Танака Фудзиморо: Нагатомо Хейкей; Накасима Эйген; Кондо Сёко; Имамуре Варо; Уцимура Рёодзо;

в свите Такасаки: Ясукава Хансей; Фудзивара Кендацу (отправляется в Англию для ознакомления с ремесленными школами)»¹.

В ОЖИДАНИИ ГОСТЕЙ

За японской миссией внимательно следили русские дипломаты в Америке и Европе. Правда, сообщаемые ими сведения нельзя назвать оперативными. Отношение Азиатского департамента от 22 января (3 февраля) 1872 г. было получено российской миссией в Северо-Американских Соединённых Штатах только 15 (28) марта. На следующий же день был отправлен ответ, в котором сообщалось, что «о некоторых обстоятельствах пребывания здесь японских послов» уже докладывалось в донесении государственному канцлеру. Японские посланники не приступали ни к каким серьёзным переговорам, поскольку Ито Хакубун отправился обратно в Японию для получения полномочий. В это время оставшиеся в Америке послы посещали тюрьмы и фабрики и изучали особенности финансовой системы Соединённых Штатов. Сколько продлится их пребывание в Соединённых Штатах, сами послы не знали.

---

¹ АВПРИ. Ф. С.-Петербургский Главный архив. I-6. Оп. 5. 1872 г. Д. 1. Л. 14–15 об.

О том, как принимали японское посольство во Франции, сообщил в январе 1873 г. из Парижа Г.Н. Окунев. По его сведениям, «французское правительство ограничивается устройством помещения для японского посольства в Париже в меблированном доме, занятом по сие время турецким посольством. Но казна не принимает участия в других расходах по приёму японского посольства, т. е. не оплачивает отопление, освещение, стол, экипажи и разъезды посольства по железным дорогам внутри Франции и в окрестностях Парижа. Вообще никакого особенного внимания правительством не оказано здесь японским послам, исключая приёма их в Кале нарочно отправленным туда генералом с одним офицером и аудиенции у Президента республики».¹

Столь же сдержанно принимали японских посланников в Англии. В Лондоне японское посольство находилось в одной из гостиниц на своём собственном иждивении и все издержки по своему пребыванию оплачивало из собственных средств. В течение времени, проведённого в Лондоне, японцы не пользовались придворными экипажами, более того, «едва ли к тому представлялся случай, так как во всё это время не только королева, но и наследный принц Валлийский находились постоянно вне Лондона»². Официальная аудиенция также состоялась не в столице, а в загородном дворце королевы, Виндзоре. Вообще «в приёме, оказанном японскому посольству, отдельные города, местные учреждения и частные общества приняли, может быть, более значительное и оживлённое участие, чем само правительство»³.

В феврале 1873 г. ещё не было ясности в вопросе о том, сколько продлится европейское турне японского посольства и когда оно прибудет в Россию. Князь Орлов сообщал, что он поставил в известность чрезвычайных японских послов о желательности скорейшего приезда в Россию в связи с отъездом императора за границу. Однако послы, поблагодарив за информацию,

---

¹ Там же. Л. 43–43 об.

² Там же. Л. 51 об..

³ Там же. Л. 53.

не дали никаких определённых данных о времени их приезда в Петербург¹.

11 (23) февраля японское посольство выехало из Гааги в Берлин, где намеревалось пробыть недели две. Из Гааги послы уезжали недовольные, потому что «в Бельгии им были оказаны чрезмерные почести, а здесь на железных дорогах они платили за всё и обращено менее внимания на посольство. Король дал им аудиенцию и на другой же день отправился в загородный замок Лоо. Королева в Стутгарте и не видела их. Послы обедали у принцев Гейнриха и Фридриха и у министра иностранных дел, который в честь их давал тоже большой раут»².

Подробности о пребывании японского посольства в Бельгии сообщал в пространным письме П.Н. Стремоухову из Брюсселя глава российского дипломатического представительства в этой стране Андрей Дмитриевич Блудов. «Помещение было им отведено в лучшей гостинице на счёт бельгийского правительства. Продовольствие не было им дано. Во всех поездках они пользовались особенными вагонами и, в случае нужды, нарочными поездами на железных дорогах. Касательно настоящей цели посольства мне кажется, что данное им поручение исключительно наблюдательное. Я говорю: кажется, потому что, как ваше превосходительство, конечно, давно заметили, вся азиатская дипломатия основана на лжи и на некоторой ловкости в возбуждении недоверия и несогласий между европейскими державами во всех так называемых восточных вопросах. Японцы утверждают, что им поручено лишь наведаться о намерениях Европейских держав при заключении новых торговых трактатов, но что они не уполномочены вступить в переговоры по этому предмету. Разбор и составление трактатов предоставляются представителям держав в Японии»³. В продолжении письма указано, что японское посольство «состоит из личностей даровитых и способных. Они

---

¹ АВПРИ. Ф. С.-Петербургский Главный архив. I-6. Оп. 5. 1872 г. Д. 1. . Л. 61–61 об.

² Там же. Л. 68–68 об.

³ Там же. Л. 96 об.–97.

с большим вниманием вникали во всё; изучали администрацию, промышленные заведения, войско и пути сообщения с усердием и толком и считаются здесь весьма понятливыми»¹.

По наблюдениям Аркадия Петровича Столыпина (автора донесения), «все члены посольства кажутся любознательными. Случалось, что в театре они засыпали иногда; но на фабриках и всюду, куда их возили, рассматривали всё с величайшим вниманием. Хитры тоже весьма. Притворились, что никто из них не понимает по-голландски, а в Роттердаме нечаянно открылось, что один из них говорит превосходно по-голландски»².

Что касается основного поручения, с которым посольство совершало свой вояж, то, как отметил Столыпин, «переговоры желают они вести у себя, а теперь они справляются, как мне кажется, весьма неловко, судя по их конференции в Гааге в министерстве иностранных дел, какого мнения держатся европейские державы насчет возобновления трактатов с Японией»³.

Для сопровождения посольства из Берлина в Гаагу прибыл чиновник гофмаршалмата. На границе в Германии для японского посольства были подготовлены три пассажирских и один багажный вагон. До русской границы их везли безвозмездно и оплачивали все их издержки. Вержболовской таможене было предписано вещи японского посольства пропустить беспошлинно и без малейшего промедления⁴.

К приёму посольства готовились, и проект порядка приёмной аудиенции ожидаемому японскому посольству был представлен обер-церемониймейстером князем П.И. Ливеном 11 (23) марта 1873 г.⁵.

Наконец 18 (30) марта 1873 г. Н.М. Кудрявцев получил из Азиатского департамента следующее письмо: «Милостивый государь Николай Михайлович. По поручению г. Директора

---

¹ Там же. Л. 98 об.

² Там же. Л. 69–69 об.

³ Там же. Л. 69 об.

⁴ Там же. Л. 78.

⁵ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1489. Л. 10.

Азиатского департамента имею честь уведомить Ваше превосходительство, для доведения до сведения Его сиятельства князя П.И. Ливена, что японское посольство прибудет сюда сегодня вечером в 8 часов¹».

20 марта (1 апреля) 1873 г. петербургская ежедневная газета «Голос» опубликовала сообщение о прибытии японского посольства в Петербург: «В воскресенье, 18-го марта, с курьерским поездом Варшавской железной дороги прибыло из Берлина в Петербург японское посольство, посетившее уже, как известно, Лондон и Париж. Лицо, прибывшее в Петербург в том же поезде из Берлина, сообщило нам следующие подробности о наших японских гостях. Посольство весьма многочисленно: кроме четырёх посланников (двух старших и двух младших), оно состоит из нескольких секретарей, чиновников и молодых японцев, почти ещё мальчиков. Между секретарями посольства — два американца, служащие как бы руководителями в сношениях посланников с европейскими дворами. Все члены посольства и их спутники одеты по-европейски. Все они с длинными волосами и, за исключением старшего посла, все носят усы, бакенбарды или французские бородки. Старший посол — лет сорока, с задумчивым и умным лицом; второй посол — совсем ещё юноша с небольшими усиками, бородкой и густыми, роскошными волосами на голове. В движениях, манере носить платья, трости и проч., в приёмах при курении сигар (которых большая часть не выпускают изо рта) члены посольства усвоили себе совершенно европейский характер. Только смугло-жёлтый цвет кожи да несколько плоский профиль выдают происхождение этих посланцев молодого преобразователя Японии.

Из Берлина японское посольство ехало в особом семейном вагоне, в сопровождении двух прусских офицеров (из которых один украшен русским Георгиевским крестом на шее) и гусарского обер-офицера. На всех станциях их встречала громадная толпа народа. В Кёнигсберге, где они обедали в особом зале, вокруг станции собралось чуть не всё народонаселение города. В Вержболове

---

¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1489. Л. 7

пруссские генералы сдали посольство на руки русским офицерам, высланным для встречи; но гусарский обер-офицер сопровождал их до Петербурга. Посольство пересело в Вержболове в два императорских вагона; менее важные чиновники поместились в третьем семейном вагоне. На русских станциях посланники не выходили для завтрака и обеда. Им подавали кушанья в вагон; младшие члены посольства обедали в Луге за отдельным столом. На русских станциях слухи о проезде посольства тоже собирали огромные толпы народа. В Режице поезда, везший посольство, обогнал поезд, на котором отправляется в Петербург из Варшавы гренадерский полк его величества короля прусского. Хор музыки этого полка был выставлен на платформе станции и приветствовал посольство тушем, и во всё время, пока посольский поезд стоял на станции, военная музыка не переставала играть. Члены посольства слушали эту неожиданную серенаду, высунувшись из окон вагона, но не обнаруживая ничем производимого на них впечатления.

В Петербурге, на станции Варшавской железной дороги, посольству была сделана официальная встреча, и оно отправилось в придворных каретах в приготовленные для него помещения.

Сегодня, в два часа утра, посольство каталось в открытых экипажах по Невскому проспекту и по Морской, не обращая на себя ничьего внимания. Проходящие, очевидно, и не подозревали, что эти изящные джентльмены в богатых шубах и парижских шляпах — соотечественники тех японцев, которые в 1861 и 1863 гг. обращали на себя внимание нашей публики странностью своих костюмов, головных уборов и бритых, женоподобных лиц»¹.

Высочайшая аудиенция была назначена на 22 марта (3 апреля) в 1 час пополудни, о чём князя Ливена «для зависящего распоряжения» уведомил министр императорского двора А.В. Адлерберг. 21 марта (2 апреля) А.М. Горчакову представили порядок приёмной аудиенции у государя императора.

---

¹ Голос. 1873. 20 марта (1 апр.). № 79. С. 2.

«В назначенный для аудиенции день церемониймейстер высочайшего двора, в сопровождении церемониймейстерских помощников, отправится к послу и товарищам его для приглашения их в Зимний дворец.

У дома, назначенного для пребывания посольства, будут ожидать придворные кареты с придворными же лакеями в парадной ливрее.

По занятии послом, товарищами его и свитой мест в каретах, поезд отправится к Зимнему дворцу и въезжает во двор одного к посольскому подъезду, в следующем порядке:

В 1-й четырёхместной карете, запряжённой цугом в 4 лошади, поедут два секретаря экспедиции церемониальных дел — граф Кассини и г. Шаблыкин. [И два переводчика Азиатского департамента. — *Зачёркнуто.*]

Во 2-й четырёхместной карете, запряжённой цугом в 4 лошади, поедут г. Аоки, 1-й секретарь японской миссии в Париже и Берлине, г. Самесхима, министр-резидент в Париже и Берлине и г. Танака, комиссар департамента Министерства финансов.

В 3-й карете, запряжённой цугом в 4 лошади, поедут г. Итсикава, состоящий при японском посольстве, г. Андо, 4-й секретарь и г. Сугизура, 3-й секретарь.

В 4-й карете, запряжённой цугом в 4 лошади, поедут г. Куримото, 2-й секретарь посольства, г. Гах и г. Танабе, 1-е секретари; с ними делопроизводитель Азиатского департамента статский советник Велецкий.

В 5-й карете, запряжённой цугом в 4 лошади, поедут: товарищи посла — Юзги-Масука Ямасути, Юзги Хиробуми Ито и Юссами Такаючи Кидо; с ними правитель дел экспедиции церемониальных дел — действительный статский советник Кудрявцов.

В 6-й карете, запряжённой цугом в 6 лошадей, поедет посол Сиони Томоми Ивакура; напротив него церемониймейстер высочайшего двора, действительный статский советник Жеребцов и драгоман, отставной действительный статский советник Гошкевич. У дверцы кареты конюшенный офицер верхом.

За каретой посла четыре конных верхом.

При въезде товарищей и посла во двор Зимнего дворца стоящий на главной гауптвахте караул отдаст им честь.

По выходе их из карет встретят посла и товарищей его на подъезде два скорохода и два гоф-фурьера, и в предшествии их и лиц, сопровождавших посольство, они пойдут по парадной лестнице, где на верхней площадке встретят два камер-фурьера, а в аванзале камер-юнкер высочайшего двора.

В Фельдмаршальской зале шествие остановится, и японский посол и товарищи его встречены будут С.-Петербургским комендантом, который, по приветствовании их, присоединится к шествию. В таком порядке, то есть: два скорохода, два гоф-фурьера, два камер-фурьера, секретари экспедиции церемониальных дел, камер-юнкер, чиновники японского посольства по два в ряд, делопроизводитель Азиатского департамента, товарищи японского посла, правитель дел экспедиции; за ними японский посол, имея по левую сторону церемониймейстера, а по правую коменданта и драгомана, — шествие следует по залам: Фельдмаршальской, Петровской, Гербовой, мимо внутреннего пехотного караула в Александровскую залу, где встретит посла и товарищей его в должности гофмаршала князь Голицын и пригласит их в камеру отдохновения.

Здесь посол и товарищи его со свитой будут угощаемы чаем, кофеем и разными сладостями.

По некотором отдохновении шествие, к которому присоединится в должности гофмаршала князь Голицын, последует по первой запасной половине, в Белую залу на половине их величеств, где поставлен будет почётный караул из дворцовых гренадер. В Белой зале встретят посла и товарищей его обер-церемониймейстер князь Ливен и директор Азиатского департамента тайный советник Стремоухов.

В Золотой гостиной соберутся особы, назначенные его величеством для присутствования при торжественной аудиенции японскому посольству: государственный канцлер, министр императорского двора, дежурная свита и другие особы по назначению.

Когда всё будет готово к аудиенции и по принятии от государя императора повеления, обер-церемониймейстер введёт посла и товарищей его в Золотую гостиную на аудиенцию его величеству.

После аудиенции посла и товарищей его введены будут правителем дел экспедиции церемониальных дел лица свиты японского посольства, которых посол представит его императорскому величеству.

После сего посол и товарищи его со свитой будут проведены обратно в камеру ожидания, где предложится им завтрак.

Затем посол и товарищи его со свитой будут проведены по тем же залам на посольский подъезд, с соблюдением того же этикета, какой был при приёме их, и возвратятся на свою квартиру в тех же придворных каретах, вышесказанным порядком.

Все внутренние караулы во дворце и часовые при дверях будут отдавать послу и товарищам его воинские почести.

В комнатах дворца, где они будут проходить, обе половины дверей будут растворены.

Все лица, участвующие в церемонии, должны быть в парадной форме»¹.

На торжественной аудиенции японский посол выступил с речью, в которой заявил: «Его величество император Японии, желая споспешествовать дружественным отношениям, существующим между двумя империями, назначил нас послами ко двору вашего императорского величества. Для нас составляет особенную честь быть допущенными к аудиенции вашего императорского величества и представить верительные грамоты от нашего государя; мы надеемся, что заключающиеся в них добрые пожелания будут благосклонно приняты вашим императорским величеством. Мы пользуемся этим случаем для выражения наших смиренных желаний, чтобы славное царствование вашего императорского величества благополучно продолжалось и чтобы народы всей России долго наслаждались великими благами отеческого царствования»².

---

¹ АВПРИ. Ф. С.-Петербургский Главный архив. I-6. Оп. 5. 1872 г. Д. 1. Л. 114–116 об.

² Там же. Л. 125–125 об.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВСТРЕЧИ

Для составления распорядка визитов церемониймейстер князь Ливен 25 марта обратился к высочайшим особам с отношением за № 396 с вопросом, в какое время они смогут принять лиц японского посольства.

В ответ князь Ливен получил уведомление, что «Его Императорское Высочество принц Пётр Георгиевич Ольденбургский изволит принять лиц японского посольства 25 марта в 3 часа пополудни»¹. А вот великий князь Константин Николаевич не смог принять посланников ввиду нездоровья². Наследник цесаревич и великая княгиня цесаревна назначили встречу с японским посольством на среду 28 марта (9 апреля) в 12 часов дня³.

28 марта император изволил принимать послов к обеденному столу; 31-го они обедали у государственного канцлера, а 1 апреля присутствовали на параде, где объявили государю императору о своём намерении оставить Петербург на следующий день⁴.

Помимо визитов к высочайшим особам, японское посольство посещало достопримечательности Петербурга, музеи, театры, разные правительственные учреждения, заводы, а том числе и Монетный двор. При посещении Монетного двора послы получили в подарок некоторые медали и коллекцию серебряных монет. Министр финансов приказал пополнить эту коллекцию и золотыми русскими монетами: полуимпериалом и трёхрублёвым русским червонцем⁵.

После отъезда посольства был произведён подсчёт расходов «по содержанию японского посольства с 17 марта по 2 апреля 1873 года.

---

¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1489. Л. 42.

² Там же. Л. 44.

³ Там же. Л. 44.

⁴ АВПРИ. Ф. С.-Петербургский Главный архив. I-6. Оп. 5. 1872 г. Д. 1. Л. 147 об.

⁵ Там же. Л. 140–140 об.

Проезд от Вержболово до С.-Петербурга и обратно — 2119 р. 37 к.

Гостиница — 5126 р. 30 к.

Д. с. с. Гошкевичу — 500 р.

Экипажи — 437 р. 30 к.

Театр — 163 р.

Мелкие издержки — 234 р.

Итого 8580 р. 56 к.

В остатке от ассигнованных по высочайшему повелению десяти тысяч рублей — 1419 р. 44 к.»¹.

Русский император отправил Микадо письмо следующего содержания: «Высокий и добрый друг наш. Прибывший в нашу столицу чрезвычайный посол вашего императорского величества Сиони Томоми Ивакура, равно как и его помощники, были приняты нами в особой аудиенции и передали нам письмо ваше.

Приняв с искренним удовольствием дружественные пожелания вашего величества и с полным сочувствием заявление о предполагаемых вами всесторонних преобразованиях в вашем государстве, мы приказали, чтобы посольству было показано всё достопримечательное в нашей столице, и надеемся, что они вынесут приятное воспоминание из своего здесь пребывания.

В предвидении пересмотра торговых трактатов, мы снабдили своим полномочием пребывающее при дворе вашего величества нашего поверенного в делах, пользующегося нашим доверием и благосклонным расположением вашего величества».²

Об обстоятельствах вручения этого письма японскому императору сообщил из Иокогамы Е.К. Бюцов: «Микадо принял меня 30 июня во дворце Акасака, куда перенесена на время его резиденция после пожара, истребившего дворец в замке. По принятии от меня письма его величество обратился ко мне с следующими, заранее приготовленными словами, которые были прочитаны им. “Я очень рад тому, что его величество государь император

---

¹ АВПРИ. Ф. С.-Петербургский Главный архив. I-6. Оп. 5. 1872 г. Д. 1. Л. 145.

² Там же. Л. 142–142 об.

ваш находится в добром здравье. Чрезвычайный посол Ивакура Томоми донёс мне в подробности о радушном приёме, оказанном ему и прочим членам посольства его величеством во время посещения им вашего государства, за что искренно признателен. С особенным удовольствием принимаю теперь ответное письмо его величества». Затем Микадо приблизился ко мне и сказал: «По прибытии его высочества великого князя Алексея Александровича в Нагасаки я ожидал вторичной встречи с его высочеством в Тоокей, но, к сожалению, моя надежда не осуществилась. Прошу вас при случае выразить его величеству мое искреннее об этом сожаление». По окончании этой аудиенции я представил его величеству нового начальника эскадры нашей в Тихом океане контр-адмирала Брюммера и сопровождавших его офицеров»¹.

Чтение документов, связанных с посещением Петербурга японской дипломатической миссией, может оставить впечатление, что речь шла не столько о решении конкретных вопросов межгосударственных отношений, сколько о попытках наладить дипломатические контакты хотя бы на церемониальном, протокольном уровне. В значительной степени это соответствует действительности.

Японские традиции дипломатического протокола существенно отличались от западных, что затрудняло ведение полноценного диалога. При этом различия были столь значительными, что попытки разработать некие «усреднённые» дипломатические правила были обречены на неудачу. Фактически речь шла о том, что одна из сторон должна была принять протокольные правила другой стороны, и, естественно, подстраиваться под западные нормы пришлось именно японцам.

Независимо от собственного видения ситуации, дипломатам Страны Восходящего Солнца приходилось считаться с тем, что мировая политика определялась «клубом» великих держав, состоящих из держав европейских с одним-единственным исключением в лице Соединённых Штатов, чья культура также базировалась на европейской традиции.

---

¹ Там же. Л. 149–150.

Потенциально ещё одна великая держава, Китай, воспринималась на Западе как «спящий дракон»; хотя и опасный, но вполне вероятно обречённый на истребление.

Япония же была страной-загадкой, но пока ещё не воспринималась ни в качестве опасного соперника, ни в качестве достойной добычи для одной из колониальных империй.

В этих условиях японцам не имело смысла переходить в глухую оборону «изоляционизма», а, напротив, следовало попытаться выстроить дружественно-деловые отношения со всеми великими державами и при возникновении спорных вопросов с одной из них играть на противоречиях между колониальными державами. Подобная тактика должна была затянуть процесс политического и экономического порабощения до того времени, когда Япония станет достаточно сильна, чтобы при необходимости противодействовать ему военными методами. Одновременно требовалось добиться международно-правового признания своих границ, а на следующем этапе — признания права на отстаивание собственных интересов в Тихоокеанском регионе.

Добиться этого можно было только при наращивании дипломатических контактов с западными державами, умении играть на противоречиях между ними и способности озвучивать и аргументировать собственную позицию. Для начала же следовало просто научиться говорить на языке, доступном для западных политиков и дипломатов, и просто познакомиться с ними.

Данная программа-минимум японской миссией 1871–1873 гг. в целом была выполнена, последующие же события только подтвердили, что, приняв западные правила дипломатической игры, Япония научилась играть по ним довольно эффективно.

ГЛАВА 5 РАЗГОВОР НА РАВНЫХ

САХАЛИНСКИЙ ТОРГ

Непосредственно для русско-японских отношений дипломатическая миссия 1873 г. всё же имела вполне конкретное последствие, которое выразилось в том, что уже в следующем году Япония назначила в Санкт-Петербург своего чрезвычайного и полномочного посла. Должность эту занял Эномото Такэаки.

В японских политических кругах он был известен как пропагандист идеи освоения Хоккайдо, что, естественно, определяло и его особый интерес к проблемам пограничного урегулирования. Закрепление за Эномото именно этой сферы подчёркивается и тем фактом, что в японском правительстве он некоторое время занимал пост уполномоченного по освоению новых территорий.

Среди представителей политической элиты Эномото был фигурой довольно заметной, так что назначение его на должность посла фактически означало признание со стороны Токио особого значения отношений с Россией, а также было своего рода сигналом о готовности разрешить наконец территориальный вопрос, наличие которого негативно отражалось на двухсторонних отношениях.

Анализ последующих событий показывает, что в начале 1870-х гг. японское руководство фактически рассматривало Сахалин как «отрезанный ломоть». Со стороны японцев хозяйственная деятельность свелась к сезонному рыболовству у южного побережья

острова, что, конечно же, не могло являться серьёзным аргументом при территориальных претензиях.

На этом фоне более перспективной признавалась необходимость ускоренного освоения Хоккайдо с его обширными и слабо заселёнными территориями, примыкавшими непосредственно к основным островам Японского архипелага.

При этом, в обмен на готовность отказаться от прав на южную часть Сахалина, японская сторона хотела бы получить определённую компенсацию, предпочтительно в виде всех Курильских островов.

Перед отправкой в Россию Эномото получил инструкции соответствующего содержания. В них в качестве основных целей переговоров определялось проведение точной линии государственной границы именно на условиях отказа Японии от южного Сахалина в обмен на юридическое закрепление прав на всю территорию Курильских островов, равную по площади оставленным землям¹.

В полном соответствии с дипломатической практикой, Эномото не спешил озвучивать эти принципы, предпочтя прощупать позицию России, и действовал по принципу «требуй невозможного, чтобы получить по максимуму».

Во время переговоров с директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи Стремоуховым он предъявил претензию не на южную половину, а на весь Сахалин, заявив: «Ваша страна желает владеть всем островом, имея в качестве границы пролив Лаперуза (Соя). Наша страна также желает владеть всем островом, имея в качестве границы Татарский пролив. Поскольку спор не решён, то хотелось бы провести границу справедливо по естественному рельефу Сахалина»².

---

¹ Османов Е.М., Самойлов Н.А. Россия и Япония // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб, 2011. С. 318.

² Цит. по: Черевко К.Е. Экономическое освоение Сахалина: История и современность // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 4. С. 42.

Подобная позиция Эномото вызвала у российской стороны, мягко говоря, удивление, ещё более усугубившееся после того как японский посол стал настаивать на том, чтобы остров Уруп и прилегающие к нему три небольших острова навечно отошли в собственность Японии да ещё вместе с находившимися у их берегов военными кораблями.

Впрочем, явная чрезмерность таких требований, видимо, сделала для российских дипломатов очевидной их подоплёку: стремление японской стороны получить максимальное пространство для ходов, которые можно было трактовать как дружественные уступки и готовность пойти навстречу партнерам.

Во всяком случае, когда тон Эномото внезапно сменился, особого удивления это уже не вызвало.

4 (16) марта 1875 г. он озвучил главное, заявив о готовности Японии отказаться от Сахалина в обмен на все Курильские острова¹. Здесь следует учитывать, что положение России на международной арене в этот период было достаточно прочным. Менее пяти лет назад царское правительство заявило об отказе соблюдать 2-ю статью Парижского мирного договора, запрещавшую России иметь собственный военно-морской флот на Чёрном море.

В условиях франко-германской войны возражать против подобного демарша, в сущности, было некому, поскольку и Франция, и Германия были заинтересованы в сохранении с Россией нормальных отношений, Австро-Венгрия следовала в фарватере Германии, Великобритания же в одиночку (не считая, разумеется, Турции) не могла перейти к решительным действиям.

В результате отказ от 2-й статьи Парижского договора был принят Европой и закреплён Лондонской конвенцией 1871 г. В 1872 г. фактически оформился Тройственный союз России, Германии и Австро-Венгрии, однако как раз в 1875 г. он дал трещину из-за явно выраженного стремления России не допустить нападения Германии на Францию.

---

¹ Там же. С. 45.

Германии пришлось отказаться от слишком амбициозных планов экспансии в Европе, что стало очередным дипломатическим триумфом российского МИД и его главы А.М. Горчакова.

Однако в период, когда велись переговоры с японцами, этот успех ещё не был очевиден, так что российским дипломатам при решении тихоокеанских проблем приходилось вести себя достаточно деликатно.

Здесь, кстати, по-видимому, начала сказываться разница между российским и японским менталитетами. Достаточно разумное предложение о размене прав на Южный Сахалин в обмен на Курилы стало восприниматься как база для торга и взаимных уступок, в то время как изначальное требование Эномото отдать и весь Сахалин, и все Курилы уже даже не считалось серьёзным предметом для обсуждения.

Таким образом, дипломатический торг начался на позициях, которые воспринимались японской стороной как желаемые, но вовсе не максимальные.

Японскому послу сразу же предложили вариант, по которому в обмен на признание Сахалина российским Япония получала бы Курильские острова без трёх северных — Алаида, Шумшу и Парамушира.

В этом случае Россия сохраняла бы возможность свободного прохода своих судов от Владивостока в Тихий океан, что могло иметь весьма серьёзное военно-стратегическое значение. По оценке историка, «это выглядело как разумный компромисс, тем более, если принять во внимание уступку при аналогичных обстоятельствах Японии южнокурильских островов. Однако царское правительство не проявило достаточной настойчивости. Складывается впечатление, что в те годы российский император и его министры стали тяготиться дальневосточными владениями, экономические выгоды от которых были не столь велики. Не осознавали они в должной степени и будущее стратегическое значение Курильских островов»¹.

---

¹ Цит. по: Черевко К.Е. Экономическое освоение Сахалина: История и современность // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 4.С. 52.

Бесспорно, определённую роль здесь сыграла умелая тактика Эномото, который ссылался на то, что не имеет права нарушить инструкции своего правительства и может заключить договор только по принципу Южный Сахалин в обмен на Курилы. Тактика эта оказалась весьма успешной в значительной степени и потому, что российская сторона неожиданно оказалась в состоянии цейтнота, что было связано с развитием франко-германского кризиса и с обострением ситуации на Балканах, вызванным восстанием в Боснии и Герцеговине.

России требовалась свобода рук и возможность задействовать все имеющиеся политические и военные ресурсы, чтобы отстоять и расширить своё влияние в Европе. И тихоокеанские проблемы воспринимались на этом фоне как досадные помехи.

К тому же, с чисто тактической точки зрения, российские дипломаты, если и могли сослаться на необходимость согласовать возможные уступки с монархом, не могли использовать этот аргумент для серьёзного затягивания переговорного процесса.

Санкция же Александра II на предлагаемый Японией размен была получена довольно быстро. 25 апреля (7 мая) 1875 г. в Санкт-Петербурге состоялось подписание документа, который остался в истории под названием «Трактат, заключённый между Россией и Японией 25 апреля 1875 года, с дополнительной статьёю, подписанной в Токио 10 (22) августа 1875 г.».

Та самая дополнительная статья 2-я, в которой, собственно, и содержалась «соль» документа, дословно гласила: «Взамен уступки России прав на остров Сахалин, изъяснённой в статье первой, Его Величество Император Всероссийский, за Себя и Своих Наследников, уступает Его Величеству Императору Японскому группу островов, называемых Курильскими, которыми Он ныне владеет, со всеми верховными правами, истекающими из этого владения, так что отныне сказанная группа Курильских островов будет принадлежать Японской Империи. Эта группа включает в себе нижеозначенные восемнадцать островов, а именно: 1) Шумшу, 2) Алаид, 3) Парамушир, 4) Маканруши, 5) Онекотан, 6) Харимкотан, 7) Экарма, 8) Шиашкотан, 9) Муссир, 10) Райкоке, 11) Матуа, 12) Растуа, 13) островки Среднева и Ушисир,

14) Кетой, 15) Симусир, 16) Бротон, 17) островки Черпой и Брат Черпоев и 18) Уруп, так что пограничная черта между Империями Российской и Японской в этих водах будет проходить через пролив, находящийся между мысом Лопаткою полуострова Камчатки и островом Шумшу. (Подписан в Санкт-Петербурге, ратифицирован императором России 26 апреля 1875 г.; обмен ратификационными грамотами состоялся 10 августа (22 августа) 1875 г. в Токио)».

Помимо желаемого размена, японская сторона смогла получить и ряд экономических преференций. Так, ей выплачивались компенсации за оставленные на южном Сахалине постройки и другое имущество, а за японскими рыбаками закреплялось право вести рыбную ловлю в Охотском море и у берегов Камчатки.

Аналогичных компенсаций за имущество, оставленное на Курилах, а также каких-либо экономических привилегий в этом районе русские не получили.

Неудивительно, что российские историки оценивают Петербургский договор 1875 г. в целом негативно, отмечая, что «Россия была вынуждена пожертвовать своей территорией, которая была официально, в том числе с точки зрения международного права, признана таковой по Трактату 1855 года, а обмененные японские права на Сахалин не имели никакого юридического оформления. Поэтому утверждения о том, что Петербургский договор 1875 года был по-настоящему равноправным договором, справедливы лишь для Японии. Россия же, как и в 1855 году, ради добрососедства с Японией вновь пошла на существенные территориальные уступки»¹.

Действительно, Петербургский договор следует оценить как дипломатический успех Страны Восходящего Солнца, однако в 1875 г. никто в России не оценивал его как неудачу.

Тихоокеанский регион был для российского правительства в значительной степени *terra incognita*, поскольку его стратегическое значение не было вполне ясным, а правомерность обладания Сахалином, который вплоть до середины XIX века

---

¹ Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 182.

считался не островом, а полуостровом, выглядела весьма сомнительной.

Большое значение имела и своего рода «пространственная эйфория», вызванная обширными приобретениями в Средней Азии, по территории многократно превосходившими и Сахалин, и Курилы. Освоение новых присоединённых к России среднеазиатских земель, лежащих намного ближе к метрополии, выглядело задачей более насущной, нежели хлопоты по поводу тихоокеанской границы, терявшейся при взгляде из Петербурга в туманной дымке. Напомним, что в 1867 году Россия добровольно рассталась с владениями в Аляске, освоение и развитие которых с финансовой точки зрения представлялось делом слишком дорогостоящим. Перспектива же укрепить с помощью подобной уступки отношения с Соединёнными Штатами выглядела весьма соблазнительной.

По аналогии, расставание с Сахалином и Курилами, на взгляд царской дипломатии, открывало возможность для расширения политического сотрудничества с Японией, которое в условиях масштабного конфликта с другими великими державами могло иметь и военное значение.

В Петербурге достаточно хорошо помнили и эффективный отпор, данный англо-французской эскадре на Дальнем Востоке в период Крымской войны, и опыт крейсирования эскадр в период кризисов 1860-х гг. Учитывалась и желательность приобретения новых, не слишком амбициозных союзников из числа не великих держав, а держав, если можно так выразиться, второго ряда, готовых до определённой степени следовать в фарватере российской политики.

То, что Япония чувствует себя достаточно сильной для самостоятельных выступлений на международной арене, а локальные уступки в её пользу не могут иметь решающего значения, напротив, осознавалось в Петербурге недостаточно ясно. Хотя, разумеется, раздавались и голоса о том, что политика, ориентированная на механическое максимальное расширение российских владений на Дальнем Востоке, в сущности, более оправдана, нежели хрупкие

и слишком уж долгосрочные расчёты на возможную благодарность потенциальных союзников.

Русскому дипломату Николаю Распопову (служившему некоторое время вице-консулом в Нагасаки) принадлежит заявление о том, что «от обмена Курильских островов на Сахалин Россия не только не получила выгод, но, наоборот, попала впросак, потому что, если Япония устроит сильный порт на каком-нибудь из Курильских островов и тем пресечёт сообщение Охотского моря с Японским, Россия потеряет выход в Тихий океан и очутится как бы в сетях. Напротив, если бы она продолжала владеть Курильскими островами, Тихий океан был бы для неё всегда открыт»¹.

УЧИТЕЛЬ, ВРАГ, СОБРАТ ПО НЕСЧАСТЬЮ?

Между тем свидетельством пробудившихся имперских амбиций Японии стало нападение на Тайвань. Поводом для него стало нападение островитян на потерпевший крушение японский корабль, закончившееся убийством четырёх членов его экипажа. В ответ на протест Министерства иностранных дел Японии китайские дипломаты заявили, что «южные варвары» с Тайваня не признают власти династии Цин, а потому император не может нести ответственности за их действия.

Готовившаяся японцами карательная экспедиция была отменена под давлением Соединённых Штатов и Великобритании, однако 3-тысячный отряд императорской армии под командованием Сайго Цугумити самовольно отправился на Тайвань, причём в конце концов эта акция была одобрена и японским правительством. К началу июня значительная часть острова была оккупирована, в ходе чего японские войска продемонстрировали хороший уровень боевой подготовки.

Дальнейшие переговоры удалось завершить благодаря посредничеству британского посла в Китае Томаса Уэйда на условиях

---

¹ Письмо А.Н. Щеглову от 7 (19) августа 1882 г. // japangid.ru/direktor-aziatskogo-departamenta-chast2.

вывода японского отряда и выплаты компенсации со стороны Китая.

Понятно, что конфликт подобного рода не мог способствовать упрочению дружественных отношений Японии с Соединёнными Штатами и Великобританией.

На этом фоне российско-японские отношения внешне выглядели едва ли не безоблачными. Правда, на уровне ментальном всё было сложнее. Представления о России у японцев, как показывают исследования учёных, группировались вокруг трёх образов: «учителя», «врага» и «собрата по несчастью»¹.

Образ «собрата по несчастью» преобладал среди определённых кругов интеллектуалов и не был чужд низшим слоям общества.

Образ «учителя» имел шансы получить большее распространение в кругах политической элиты. Бесспорно, опыт реформ Петра I производил огромное впечатление на японских сторонников вестернизации. В то же время, очевидно, что практически никто в Стране Восходящего Солнца не задумывался над тем, что Россия, как и Япония в 1860-х гг., также вступила в период модернизации экономической и политической системы, а соответственно, правительства двух стран сталкиваются со сходными задачами и идеологически близки друг другу.

Скорее напротив, о том, на кого японские реформаторы предпочитали ориентироваться в первую очередь, можно судить по проведённой в 1869 г. правительственным журналом «Мэйдзи гэнкан» классификации стран мира, разбитых на пять категорий: «цивилизованные» — Великобритания, Франция, Нидерланды, США, Германия, Швеция; «просвещённые» — Россия, Италия, Испания, Португалия; «полупросвещённые» — Китай, Индия, Турция, Персия; «нецивилизованные» — кочевые народы Центральной Азии и Северной Африки; «варвары» — индейцы, первобытные племена Африки, аборигены Австралии и Океании². Таким образом, в качестве «учителей» японская

---

¹ Вада Х. Представления о России в Японии // Россия и Япония в исследованиях советских и японских учёных. М., 1987. С. 50–61.

² Кожевников В.В. Российско-японские отношения в XVIII–XIX вв. Владивосток, 1997. С. 82.

элита скорее готова была рассматривать англичан, французов, немцев, голландцев, американцев, шведов — то есть страны не только с высоким уровнем развития экономики, но и выбравшие республиканскую или конституционно-монархическую формы правления.

О том, как воспринималась Япония в кругах российских интеллектуалов, можно судить, например, по фрагменту из книги Э.Э. Ухтомского: «В отношении европейски цивилизованных народов к младшему быстро прогрессирующему собрату Дальнего Востока в основе лежит что-то странное: есть доля пренебрежения, где бы нужна была проницательность политико-экономического характера (при насильственном втягивании замкнутых в себе желтолицых островитян в кипучий водоворот мировых событий); в свою очередь, есть и сентиментальность при восхищении всем здешним туземным... Ни один артист на Западе не может сразу несколькими штрихами передать несколькими беглыми штрихами столь реальное и симпатичное изображение растения или животного, или обоих вместе, как это легко даётся любому опытному рисовальщику в “стране восходящего солнца”, — но дар его иссякает на воспроизведении внешних и низших форм природы: одухотворение её и создание человека в органической связи с высшим миром (как мы его понимаем) есть нечто недоступное гению японца, чересчур скованному традиционными условиями сонливой китайщины, игнорирующей идеальное на земле: нет ни симметрии, ни перспективы, ни сочетания света и тени. Всё носит характер чего-то виньеточного, декоративного»¹.

Налицо, как видим, и интерес к экзотической восточной культуре, и некое высокомерное пренебрежение со смесью опаски перед загадочной Страной Восходящего Солнца.

Однако российские политики смотрели на всё прагматичней.

В Петербурге факт сходства стоявших перед Россией и Японией задач и очевидной идеологической близости их правительств, хотя и осознавался, но, по-видимому, никак не учитывался при

---

¹ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества наследника Цесаревича. Т. 3. СПб, 1897. С. 3.

выстраивании дипломатических отношений с Японией. Во всяком случае, и на тактическом, и на стратегическом уровнях главное внимание обращалось на геополитические факторы, а не на идеологическую близость.

Теоретически способствовать сближению между двумя странами могла бы экономика, однако как раз экономическая слабость России, её неспособность своей продукцией составить конкуренцию Великобритании, Соединённым Штатам, Франции и Германии на рынках Китая, Японии и Кореи нивелировали успехи на других направлениях.

Очевидно, что на бытовом межличностном уровне русские моряки, дипломаты, священники умели налаживать диалог и производить лучшее впечатление, нежели их американские и европейские коллеги. Однако, не подкрепляясь серьёзными материальными ресурсами и совместными проектами, эти контакты оказывались в значительной степени невостребованными.

Показательно, что российское правительство не использовало в полной мере даже такое объективное преимущество, как близость российских владений к Японии. Скорее наоборот, в геополитическом аспекте японская элита привыкла видеть в русских соперников в борьбе за преобладание в Китае и Корее. Тот факт, что многие спорные вопросы в этих странах вполне можно было решить за столом переговоров, недооценивался как в Петербурге, так и в Токио, что, по-видимому, объяснялось укоренившимся именно в среде элит взглядом на страну-соседа как на соперника и потенциального конкурента.

С другой стороны, нельзя считать, что в 1870-е гг. была пройдена та точка невозврата, когда японская политическая элита отдала предпочтение сотрудничеству с Соединёнными Штатами и Великобританией в ущерб сотрудничеству с Россией.

Подписание пограничного договора вкупе с инцидентом на Тайване можно рассматривать как свидетельство готовности Японии урегулировать все спорные вопросы на северном направлении и сосредоточиться на экспансии в сторону Китая и Кореи. Проблема заключалась в том, что экспансия России

развивалась в этом же направлении и два потока снова должны были встретиться.

Однако именно в 1870-х гг., и особенно после Петербургского договора, у двух стран существовала реальная возможность выйти на уровень стратегического партнёрства.

В отчёте российского МИД за 1875 г. содержится следующее наблюдение: «Наступивший 1875 год ознаменовался весьма приятным для японского правительства событием: французские и английские войска, оставленные в Иокогаме в 1863 году под предлогом обеспечения безопасности европейского населения в этом городе, наконец отозваны. Пребывание этих войск в Японии было совершенно бесполезно, ибо по своей малочисленности они не были бы в состоянии защищать город в случае беспорядков, а между тем присутствие их было весьма неприятно для японцев, служа как бы живым упрёком в слабости их правительства»¹.

Летом того же 1875 г. из Кобе в Иокогаму прибыл клипер «Всадник», которому предписывалось участвовать в разграничении русско-японской границы. 12 (24) августа командир русского судна вместе с русским поверенным в делах камергером Кириллом Васильевичем Струве и членами комиссии по разграничению Сахалина были представлены императору Японии, а вечером они же были приглашены на ужин во дворец Хамаготен.

15 (27) августа «Всадник» отбыл на Хакоддате, а через несколько недель под консульство был выделен участок земли. В 1876 г. статус Струве был повышен с поверенного в делах до посланника.

Ещё до этого повышения, в феврале 1876 г., ему пришлось собирать информацию, связанную с заключением трактата о дружбе между Японией и Кореей, причём в соответствии с первой статьёй этого документа Корея провозглашалась «равноправным с Японией независимым государством». К. Струве в своём донесении в МИД от 13 (25) марта 1876 г. указал, что цель договора заключалась в том, чтобы «заставить Корейское правительство расторгнуть всякие вассальные связи с Китаем».

---

¹ Цит. по: Кунаков А.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 183.

Соответственно, статья о равноправии двух стран изначально воспринималась русским дипломатами как тактический приём японцев, призванный лишний раз обратить внимание корейского правительства на его чрезмерную зависимость от Китая.

Расхождения по внешнеполитическим вопросам не мешали развитию экономических связей между Россией и Японией. Так, за период с 1878 по 1882 г. объём японского экспорта в Россию в денежном эквиваленте увеличился с 65 тыс. иен до 100 тыс. иен. При этом объём экспорта из России в Японию увеличился с 10 тыс. до 18 тыс. иен. Как видим, Япония в ценовом эквиваленте поставляла в Россию почти в пять раз больше товаров, причём если в относительных цифрах разрыв этот хотя и сокращался, но весьма незначительными темпами.

Причина подобного положения вполне очевидна. Страна Восходящего Солнца интересовала российское правительство прежде всего как источник снабжения Дальнего Востока и в первую очередь товарами широкого потребления, не производившимися в этом отдалённом от промышленного центра России региона.

Стоит отметить, что до 1868 г. Россия, напротив, больше поставляла товаров в Японию, чем приобретала, однако обозначившийся после революции Мэйдзи подъём японской промышленности создал условия для кардинального изменения такой ситуации.

В то же время японское правительство проводило экономическую политику, способствующую укреплению позиций японских промышленных и торговых компаний, поэтому страна стала активно развиваться в области внешней торговли, и если в 1868 г. Япония имела пассивный торговый баланс, то с 1882 г. он стал активным. В 1876 г. во Владивостоке было открыто отделение «Японского Имперского Коммерческого Агентства».

Следует отметить, что объёмы торговли с другими странами в разы превышали объёмы торговли Японии с Россией. И этот дисбаланс российский МИД пытался преодолеть за счёт наращивания дипломатических контактов.

НАГРАДЫ И ЛИЧНЫЕ КОНТАКТЫ

Поводы для дополнительных контактов могли создаваться искусственно.

В октябре 1877 г. из Петербурга по приказу царя были присланы запрошенные императором Муцухито фотографии чертёжей Зимнего дворца, которые предполагалось использовать при проектировании новой резиденции микадо.

В 1879 г. из Петербурга последовал ещё один красивый жест, когда японскому императору Александром II был пожалован высший российский орден Св. апостола Андрея Первозванного. Ещё несколько орденов было пожаловано японским министрам.

Из документов об изготовлении этой награды для японского императора¹ известно, что орден, установленный для христиан, в то время состоял из креста синего цвета на двуглавом увенчанном тремя коронами орле.

Крест представлял собой распятого на кресте св. Андрея Первозванного и по четырём концам имел четыре золотых латинских буквы S A P R (Sanctus Andreas Patronus Russiae), а на оборотной стороне — девиз «за веру и верность».

Цепь состояла из значков трёх видов: 1) императорский орёл с московским гербом на груди, держащий скипетр и державу. Цепь начиналась и оканчивалась этим украшением, повторявшемся 9 раз; 2) круг с белой и красной каймами и лазурного цвета крестом Св. Андрея Первозванного с буквами S A P R на середине. Круг повторялся 7 раз; 3) щит, украшенный императорской короной, на голубом фоне которого был изображён золотой вензель Петра Великого. Позади щита были сгруппированы знамёна зелёного и белого цветов, пушки и другие трофеи. Щит повторялся семь раз. Все эти три украшения соединялись между собой овальными золотыми колечками.

---

¹ Копия с журнала Капитула Орденов 1879 г. // РГИА. Ф. 496. Оп. 2. Д. 1643. Л. 9–12.

Орден и цепь, а также звезда Св. апостола Андрея Первозванного (которая не описана в данных документах) изготавливались по высочайше утверждённым в 1855 и 1856 гг. рисункам. Однако утверждённого образца для орденов Андрея Первозванного, предназначенных для нехристианам, не было, несмотря на то что таковые уже изготавливались для турецкого султана и персидского шаха. Поэтому решено было сделать их со следующими изменениями: вместо распятого апостола Андрея Первозванного поместили в центре синий щит, окружённый золотым лавровым венком, с изображением вензеля российского императора. Притом ордена для персидского шаха и турецкого султана изготовлены были не по утверждённому образцу 1855 г., а по образцу, существовавшему до того времени. Кроме того, отсутствовал девиз «за веру и верность» на обороте, а цепи и вовсе не было. Из документов неясно, к какому событию было приурочено награждение японского императора в 1879 г., там говорится только: «Государь император пожаловал японскому микадо Андреевский орден, для не христиан установленный»¹.

Японским министрам также были вручены два ордена Белого Орла.

Японское правительство, в свою очередь, проводило награждения членов семьи Романовых и российских чиновников. Так, например, орденом Восходящего солнца 1-й степени был пожалован отец известного реформатора П.А. Столыпина Аркадий Дмитриевич². Однако произошло это только в 1896 г., причём не исключено, что в данном случае мы имеем дело едва ли не с первым случаем награждения российского подданного японскими властями.

Пока же на рубеже 1870–1880-х гг. правительство микадо демонстрировало обычную для него сдержанность и явно не стремилось к особому сближению с Петербургом.

---

¹ Там же. Л. 1.

² РГИА. Ф. 1662. Д. 257.

Возможно, определённую роль здесь сыграли и последние изменения баланса сил в Европе. В 1878 г. Россия одержала победу над Турцией и, по условиям Сан-Стефанского договора, значительно упрочила свои позиции на Балканах. Однако другие великие державы настояли на проведении конгресса в Берлине, по итогам которого царскому правительству пришлось отказаться от большей части завоеваний. Несколько неожиданно Петербург едва не оказался в такой же дипломатической изоляции, которая предшествовала событиям Крымской войны, что, конечно же, вызвало в российском МИД состояние, близкое к панике.

Так что награждение орденом как дружественный жест могло быть своего рода попыткой прощупать японское правительство на лояльность по отношению к Петербургу. А поскольку сведений об ответном награждении японскими орденами представителей России пока не выявлено, можно оценить результаты подобного зондажа как неутешительные.

В то же время факт отсутствия обмена орденами можно объяснить и простым незнанием японской стороной европейской дипломатической практики.

Во всяком случае по другим источникам не известно о каких-либо признаках охлаждения русско-японских отношений на рубеже 1870–1880-х гг.

Между тем одна из дат этого хронологического периода — 1 (13) марта 1881 г. — связана с таким трагическим событием, как убийство Александра II. Японский двор в связи с этим погрузился в траур.

В феврале следующего, 1882 г., уровень дипломатических отношений был повышен, поскольку российский посланник Струве переехал из Иокогамы в Токио.

Летом 1884 г. в Петербурге побывала прибывшая из Японии делегация военных в составе военного-министра генерал-лейтенанта Оямы, генерал-лейтенанта Миуры, генерал-майора Нозу, секретаря Кониара и переводчика майора Осака¹.

---

¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 2059. Л. 6–6 об.

Ояма Ивао (1842–1916) станет маршалом и главнокомандующим японской армией во время войны с Россией 1904–1905 гг., Нозу Митицуру (1840–1908) также примет в этой войне активное участие, заслужив звание маршала.

Александрю III члены японской делегации были представлены 20 июля (1 августа) 1884 г. ровно в полдень в Фермерском дворце Петергофа, потом отвезены на Нижнюю дачу, где были представлены императрице Марии Фёдоровне, и затем в Большой Петергофский дворец на завтрак¹.

В качестве уточнения следует отметить, что главной целью поездки японской делегации являлось изучение состояния военного дела на Западе, в том числе и в России. Само по себе это свидетельствует о том интересе, который представители двух стран, в том числе военные, испытывали друг к другу, причём интерес был взаимным.

Интересы двух стран, сталкивающихся с примерно одинаковыми задачами, редко пересекались друг с другом, а если и пересекались, то, как правило, не приводили к жёсткой конфронтации. Политические, деловые и частные контакты носили преимущественно доброжелательный характер, и уж во всяком случае атмосфера двухсторонних отношений носила более доброжелательный характер, чем в случаях, когда Страна Восходящего Солнца контактировала с другими западными державами. Вполне дружественными были и личные отношения между царствующими домами.

Однако материальная база для развития отношений оказалась весьма ограниченной. Ступив на путь реформ, японские политики явно рассматривали Россию как страну хотя и «цивилизованную», но не имеющую собственного успешного опыта политического, социального и экономического строительства. Соответственно, переносить западные модели на свою почву они предпочитали, обращаясь к первоисточнику, и не рассматривали Россию в качестве возможного посредника.

---

¹ Там же. Л. 13–14.

Можно высказать мнение, что японцам следовало бы повнимательнее присмотреться к тому, какие метаморфозы происходили с западными моделями в специфичных условиях российского политического климата. Однако, как показала практика, по части адаптации западных моделей под национальную специфику японские правители действовали даже более успешно, чем их российские коллеги. Во всяком случае процесс вестернизации в Стране Восходящего Солнца, начавшись позже, проходил стремительнее, реформы же оказались более глубокими, чем в России.

Именно способность проводить глубокие преобразования по западному образцу, оберегая при этом всё самое лучшее и полезное из национальной традиции, позволила Японии сохранить свою независимость в тяжёлый период 1860–1870-х гг. Тогда расколота внутренними смутами страна фактически не располагала реальными политическими и экономическими возможностями отстоять свою независимость в случае массивной интервенции со стороны Запада.

Период этот был очень опасным для японской государственности, но к концу 1870-х гг., когда был подавлен последний очаг феодального сепаратизма (мятеж Такамори Сайго) и завершилась структурная перестройка экономики, Япония была уже достаточно сильна, чтобы попытаться вести диалог с великими державами на равных.

Стоит отметить, что из всех держав Тихоокеанского региона отстоять свою независимость, помимо Китая, удалось только Сиаму, как раз в 1870–1880-х гг. наращивавшему дипломатические контакты с великими державами. При этом в дальнейшем только Япония эффективно проводила действительно самостоятельную политическую линию. Китай стал ареной внутренних междоусобиц и жертвой постепенной экспансии европейцев. Сиам ограничился менее глубокими реформами, а его внешнеполитический курс был более изоляционистским и оказался эффективным только потому, что эта страна нужна была Англии и Франции в качестве буфера между их колониальными владениями.

Возможно, и в 1880-х гг. многие европейские политики склонны были рассматривать Японию как пешку в больших играх. В России от подобного взгляда на Страну Восходящего Солнца отказались раньше, чем где-либо. Однако драматизм ситуации заключался в том, что, будучи обречены на соседство, две великие и, в сущности, родственные по духу державы поневоле начали скатываться к конфронтации, имевшей для них обеих самые печальные последствия.

ГЛАВА 6 ВЗМАХ КАТАНЫ

КОРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Первой конфликтной зоной, в которой в начале 1880-х гг. пересеклись российские и японские интересы, стала Корея, известная также под поэтическим названием Страны Утренней Свежести.

Правда, поначалу японцам пришлось здесь бороться с Китаем, традиционно пытавшимся подчинить Корею своему влиянию. Корейское правительство, в свою очередь, было заинтересовано в отстаивании независимости страны, избрав для достижения этой цели политику балансирования между соседними, более сильными державами. В реальности Сеулу приходилось выбирать между Петербургом, Пекином и Токио, однако формально выбор был более широким, поскольку в начале 1880-х гг. Корея заключила трактаты с несколькими европейскими странами, аккредитовав представителей этих государств при королевском дворе, а также направив своих представителей в столицы ведущих держав мира.

Пекин отнёсся к этому с болезненной ревностью, пуская в ход такой аргумент, как угроза оккупации Кореи, а также пытаясь провоцировать столкновения между корейским и китайским населением.

Россия до поры до времени демонстрировала разумную сдержанность, что значительно повысило её авторитет, позволив

выступать в качестве посредника. Сходным было и поведение Японии.

Однако и в Петербурге, и в Токио постепенно выкристаллизовывалась идея установления протектората над Кореей. При этом Япония на протяжении нескольких столетий не выступала в роли протектора, Россия же, напротив, даже в последние годы неоднократно обращалась к подобной форме межгосударственных отношений, а в 1870-х гг. установила своё покровительство над двумя среднеазиатскими ханствами — Бухарским и Хивинским.

Среди тех, кто выступил с подобной идеей по отношению к Корее, был и вице-адмирал И.Ф. Лихачёв. Он сыграл роль «стрелочника» во время инцидента из-за Цусимы, но после возвращения в Россию продолжил службу в должности командира эскадры броненосных судов Балтийского флота.

Можно предположить, что цусимский инцидент всё же сыграл свою негативную роль в его карьере, поскольку любые организационные, технические и политические инициативы Лихачёва, как правило, игнорировались, а сам он, в 35 лет став самым молодым контр-адмиралом российского флота, только через 13 лет получил следующее звание вице-адмирала.

Болезненно воспринимая отнюдь не очевидную опалу, Лихачёв в 1882 г. отказался от предложения занять должность председателя Морского технического комитета и вышел в отставку, но периодически продолжал бомбардировать начальство своими инициативами.

В составленной в 1884 г. «Записке...», которая была адресована великому князю Алексею Александровичу (уже получившему к тому времени фактически без каких-либо заслуг и усилий высшее на флоте звание генерал-адмирала), он указывал на важное стратегическое значение Кореи. Лихачёв утверждал, что «для России не может быть безразлично, кто утвердится на Корейском полуострове, занимающем центральное положение между нами, Китаем и Японией».

Вывод, который из этого следовал, звучал однозначно: «Следует заменить нашим протекторатом протекторат Китая

или Японии, сделать Корею солидарной с нашими интересами... вот к чему должна стремиться наша политика на Крайнем Востоке»¹.

Достаточно чётко понимая общую ситуацию, корейское правительство продолжало политику балансирования, направив в 1886 г. своего официального представителя в Японию. В следующем, 1887 г., было решено направить официального представителя и в Европу, причём местом пребывания ему назначалась столица Российской империи. Ещё один корейский представитель отправился в Соединённые Штаты Америки. Любопытно, что китайцы отправили эскадру, пытаясь воспрепятствовать отбытию корейского представителя в США, но тот сумел выбраться из Чемульпо на американском торговом судне.

Прекрасно понимая, что экономическое проникновение должно предшествовать политической экспансии, японское правительство целенаправленно поддерживало деятельность своих коммерсантов и торговцев.

В рапорте командира русского клипера «Джигит», направленном в октябре 1890 г. великому князю Алексею Александровичу, сообщается о двух японских поселениях, созданных недалеко от корейского города Гензан.

В первом из этих поселений имелись японская таможня, пакгауз, склад угля и проживало около 800 японцев, подчинявшихся специально назначенному консулу.

Второе поселение под названием Сорио с населением около 3 тысяч человек также управлялось консулом и имело развитую портовую инфраструктуру².

Однако беспокойство по поводу проникновения японцев в Корею если и присутствовало в российском МИД, то, видимо,

---

¹ *Соболев В.С.* Документы РГА ВМФ по истории противостояния имперских интересов России и Японии в Корее (конец XIX века) // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2009. С. 22.

² Там же. С. 24.

не было особенно сильным. При этом продолжались попытки наладить контакты с японской стороной, в том числе и напрямую между правящими домами. Наиболее известная из них связана с визитом в Японию великого князя Александра Михайловича — племянника Александра II и двоюродного брата Александра III.

ВОСТОЧНЫЙ ВОЯЖ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА

Если великий князь Алексей Александрович не оставил никаких свидетельств о своём пребывании в Японии, то мемуары Александра Михайловича, напротив, дают весьма интересную картину того, до какой степени русские военные моряки к середине 1880-х гг. обжились в Стране Восходящего Солнца.

Обстоятельства появления великого князя в Японии были достаточно традиционными. Окончив Морское училище и поступив на службу на флот, он отправился в плавание на крейсере «Рында», причём, помимо приобретения необходимых морскому офицеру практических навыков, вояж носил ещё и характер образовательного путешествия.

Однако программа этого путешествия была составлена не совсем обычно, с очевидным уклоном на знакомство именно с Дальним Востоком. Более того, Александру Михайловичу почти на два года предстояло обосноваться в Японии, совершая оттуда путешествия по другим странам Тихоокеанского региона.

Примерно через каждые три месяца «Рында» отбывала из Нагасаки, посетив Филиппинские острова, Индию, Австралию, Цейлон, Фиджи и другие острова Тихого и Индийского океанов.

Из Петербурга крейсер «Рында» отплыл в самом конце 1886 г., а вскоре после прибытия в Бразилию Александру Михайловичу исполнился 21 год, что означало достижение совершеннолетия.

Повествуя о начале путешествия, великий князь рассказывает о «потере невинности» в Гонконге и соответствующим образом продолжает тему, переходя к Японии.

Дальний Восток давно и прочно ассоциировался у европейцев с экзотическими чувственными наслаждениями, а слово «гейша» было едва ли не самым популярным на Западе японским термином.

В соответствующем стиле начал своё знакомство с Японией и Александр Михайлович: «Как только мы бросили якорь в порту Нагасаки, офицеры русского клипера “Вестник” сделали нам визит. Они восторженно рассказывали о двух годах, проведённых в Японии. Почти все они были “женаты” на японках. Браки эти не сопровождались официальными церемониями, но это не мешало им жить вместе с их туземными женами в миниатюрных домиках, похожих на изящные игрушки с крошечными садами, карликовыми деревьями, маленькими ручейками, воздушными мостиками и микроскопическими цветами.

Они утверждали, что морской министр неофициально разрешил им эти браки, так как понимал трудное положение моряков, которые на два года были разлучены со своим домом...»¹. Великий князь язвительно отзывается о содержании написанной позже оперы Дж. Пуччини «Мадам Баттерфляй» и переходит к изложению обстоятельств своей собственной походной женитьбы. «В то время одна вдова, японка по имени Омати, — она содержала очень хороший ресторан в деревне Инасса вблизи Нагасаки. На неё русские моряки смотрели как на приёмную мать русского военного флота. Она держала русских поваров, свободно говорила по-русски, играла на пианино и на гитаре русские песни, угощала нас крутыми яйцами с зелёным луком и свежей икрой, и вообще ей удалось создать в её заведении атмосферу типичного русского ресторана, который с успехом мог бы занять место где-нибудь на окраинах Москвы.

Но кроме кулинарии и развлечений, она знакомила русских офицеров с их будущими японскими “жёнами”. За эту услугу она не требовала никакого вознаграждения, делая это по доброте сердца. Она полагала, что должна сделать всё, от нее зависящее, чтобы мы привезли в Россию добрые воспоминания о японском гостеприимстве. Офицеры “Вестника” дали в её ресторане обед

---

¹ <http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/07.html>.

в нашу честь в присутствии своих “жён”, а те, в свою очередь, привели с собою приятельниц, ещё свободных от брачных уз»¹.

Описывая пиршество, великий князь переходит к размышлениям о загадочной японской женской душе, которые, несмотря на экзотический антураж, напоминают аналогичные размышления русских путешественников по поводу жриц любви самых разных стран и народов.

«Мы с любопытством наблюдали за тем, как держали себя игрушечные японочки. Они... представляли собою странную смесь нежности с невероятной рассудочностью. Их сородичи не только не подвергали их остракизму за их связи с иностранцами, но считали их образ жизни одною из форм общественной деятельности, открытою для их пола.

Впоследствии они намеревались выйти замуж за японцев, иметь детей и вести самый буржуазный образ жизни. Пока же они были готовы разделить общество весёлых иностранных офицеров, конечно, только при условии, чтобы с ними хорошо и с должным уважением обходились.

Всякая попытка завести флирт с “женой” какого-нибудь офицера была бы признана нарушением существующих обычаев. Их определённое мирозерцание не носило никаких следов западноевропейского мышления; как все обитатели Востока, они проповедовали моральную непорочность и духовную верность, которая в их глазах ценилась гораздо выше физической невинности. Почти никто из европейских или же американских писателей не сумел истолковать эту черту японского рационализма»². Весьма интересно описание «смотрины», когда основной акцент делается на похожести японок, отсутствии у них каких-то индивидуальных черт. «Все они оказались одинаковыми. Все они были улыбающиеся, обмахивающиеся веерами куклы, которые с непередаваемой грацией держали чашечки с чаем...» В результате выбор невесты носит в значительной степени случайный характер, что сразу придаёт этому «браку» несерьёзный, почти юмористический

---

¹ Там же.

² Там же.

характер. И даже очевидные вроде бы достоинства невесты (такие, как благодарность, послушность, покладистость) рисуются сатирическими штрихами. «В конце концов, моё предпочтение к синему цвету разрешило мои сомнения; я остановил свой выбор на девушке, одетой в кимоно сапфирового цвета, вышитое белыми цветами.

Весёлость характера этой японочки была поразительна. Она никогда не хмурилась, не сердилась и всем была довольна. Мне нравилось, когда она была одета в кимоно различных цветов, и я постоянно приносил ей новые куски шёлка. При виде каждого нового подарка японочка выскакивала как сумасшедшая на улицу и созывала наших соседей, чтобы показать им обновку. Уговорить её делать меньше шума — было бы напрасным трудом; она очень гордилась великодушием своего «самурая»¹.

Интересно, что в мемуарах Александр Михайлович не особенно углубляется в иные, не имеющие отношения к женщинам аспекты своего путешествия, что вызывает ощущение некоторой недоговорённости. «Так как мне предстояло остаться в Нагасаки около двух лет, я решил изучить японский язык. Блестящее будущее Японии не вызывало во мне никаких сомнений, а потому я считал весьма полезным, чтобы хоть один из членов Императорской Фамилии говорил бы на языке Страны Восходящего Солнца. Моя «жена» предложила мне быть моей преподавательницей, и через некоторое время, несмотря на трудности японской грамматики, я научился стольким фразам, что мог поддерживать разговор на простые темы». Здесь абсолютно не затрагивается вопрос о том, почему именно в Японии великий князь должен был оставаться более двух лет, никак не объясняется, почему убеждённости в великом будущем этой страны не вызывала у Александра Михайловича никаких сомнений. И далее без всякого перехода сообщается о присланной русским императором телеграмме, в которой он предписывал своему двоюродному брату нанести визит императору Японии.

---

¹ <http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/07.html>.

Великий князь вскользь бросает замечание: «Наш посланник был очень озабочен, так как я должен был явиться первым представителем европейских государств, которого когда-либо принимал японский император»¹. Между тем сам этот факт достоин более пространный комментарий.

Бесспорно, фигура микадо была окружена в Японии сакральным ореолом, и даже в эпоху реформ сама идея о том, что микадо может отправиться с официальным визитом за границу, представлялась едва ли не кощунственной.

Однако выглядит странным, что представители царствующих домов Европы также не включали Дальний Восток в маршруты своих путешествий и, во всяком случае, воздерживались от посещения Страны Восходящего Солнца.

На фоне других венценосных особ представители дома Романовых выступали в качестве первопроходцев. Здесь можно напомнить о посещении Японии великим князем Алексеем Александровичем и одновременно сопоставить его с замечанием Александра Михайловича о том, что он стал «первым представителем европейских государств, которого когда-либо принимал японский император». Сказано вполне конкретно, причём человеком, бывшим в курсе внутренней жизни семьи Романовых. Учитывая, что никаких воспоминаний великого князя Алексея Александровича о его визите к микадо не сохранилось, резонно предположить, что визит попросту не состоялся. Однако предавать гласности тот факт, что микадо счёл ниже своего достоинства принять племянника российского императора, Санкт-Петербургу явно не хотелось, а потому в официальных сообщениях обстоятельства визита Алексея Александровича излагались предельно обтекаемо.

О визите к микадо Александра Михайловича, напротив, известно, на первый взгляд, вполне достаточно. Предоставим ему слово: «В то время пост заведующего церемониальной частью при японском дворе занимал бывший камергер Германского Императора, а потому приём мой в Токио и Июкогаме был обставлен

---

¹ Там же.

с большой торжественностью. С того момента, как в Иокогамском порту прогремел императорский салют в 101 выстрел, в течение девяти последующих дней я перестал быть скромным мичманом с крейсера “Рында” и со мною обращались точно так же, как принимали в чопорном Потсдаме высочайших особ. Собственный поезд микадо ожидал меня в Иокогаме, и все члены правительства, во главе с графом Ито, тогдашним премьер-министром, встречали меня в Токио на вокзале. Я проследовал в императорский дворец в пышном экипаже, которому предшествовал эскадрон гвардии микадо в парадной форме.

Первая аудиенция у Императора длилась всего несколько минут. Император и Императрица приняли меня в тронной зале, окружённые блестящей свитой принцев и принцесс. Я произнёс короткую речь и предал приветствие от Царя. Император выразил свою радость по поводу моего пребывания в Токио и веру в русско-японскую дружбу. Обе речи были переведены переводчиком посольства. Я испытывал некоторое смущение в обществе этих людей, одетых в полную парадную форму и едва достигавших мне до плеча, и старался казаться как можно ниже ростом.

Целая неделя была посвящена осмотру достопримечательностей столицы и военным парадам; наконец приблизился вечер торжественного банкета в императорском дворце. Я сидел по правую руку от Императрицы. Выждав немного, набрался храбрости, улыбнулся очень любезно и заговорил с ней по-японски. Сперва она выглядела чрезвычайно удивлённой. Я повторил мою фразу. Она вдруг рассмеялась.

Тогда я счёл наиболее уместным выразить ей по-японски моё восхищение по поводу достигнутых Японией успехов. Это представляло большие трудности, так как я должен был вспомнить многие выражения, употребляемые в подобных случаях моими друзьями в Ионасса.

Императрица издала странный, горловой звук. Она перестала есть и закусила нижнюю губу. Её плечи затряслись, и она начала истерически смяться. Японский принц, сидевший слева от неё и слышавший наш разговор, опустил в смущении голову. Крупные слёзы катились по его щекам. В следующий момент весь

стол кричал и смеялся. Я очень удивился этой весёлости, так как в том, что я сказал, не было и тени юмористики. Когда смех немного улёгся, императрица подала знак принцу, и он обратился ко мне по-английски:

— Позвольте узнать, где Ваше Императорское Высочество изволили научиться японскому языку? — вежливо спросил он с глазами, полными слёз.

— А что? Разве я говорю плохо?

— Совсем нет! Вы замечательно говорите, но, видите ли, вы употребляете особый местный диалект, который... Как бы вам это объяснить?.. Можно узнать, как долго вы уже находитесь в Нагасаки и не проживали ли вы в округе Ионассы?

Немецкий камергер был явно скандализован, так как это был, по всей вероятности, самый весёлый придворный банкет в истории Империи Восходящего Солнца»¹.

Рассказ, безусловно, остроумный, но при этом Александр Михайлович совершенно не говорит о том, обсуждались ли с микадо какие-либо внешнеполитические вопросы. Возможно, и не обсуждались, и всё же представляется несколько странным, что Александр III не воспользовался шансом установить прямые контакты со своим японским коллегой.

Бесспорно, по причине молодого возраста Александру Михайловичу вряд ли доверили бы проведение политического серьёзного зондажа, однако многие вопросы, связанные с Кореей, Китаем, торговыми и экономическими льготами, он мог и, наверное, всё-таки обозначил, пусть даже используя для этого специфический диалект Ионассы.

Так или иначе, но относительно того, решал ли Александр Михайлович во время своего путешествия какие-либо вопросы политико-дипломатического характера, мы можем лишь строить предположения. Сам же великий князь, описав приём у микадо, быстро свёртывает повествование о Японии и вкратце сообщает, что весной 1889 г. «Рында» «возвратилась в Европу через Суэцкий канал и Египет».

---

¹ <http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/07.html>

Забегая вперёд, отметим, что неумелое руководство флотом со стороны генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, по мнению некоторых, станет одной из причин многих неудач России на море в 1904–1905 гг. Александр Михайлович, напротив, многое сделает для развития военного и гражданского флота, хотя в российскую историю войдёт главным образом как основатель ещё одного флота — воздушного.

И для того и для другого юношеские поездки в Японию станут важными вехами в их биографиях. В то же время, в обоих случаях речь, бесспорно, шла о попытках установления своего рода семейной дипломатии в отношениях между русским и японским императорскими домами.

И этот дружественный жест не остался без ответа.

ВИЗИТ ПРИНЦА АРИСУГАВЫ

Контакт на семейном уровне был установлен, и в ближайшее время следовало ожидать ответного визита в Россию представителя японской императорской фамилии.

Этим представителем стал принц Арисугава Тарухито (1835–1895) — один из ведущих военных и политических деятелей эпохи Мэйдзи, начинавший как противник вестернизации, затем активный участник борьбы против сёгуната, руководитель операций против Сайго Такамоори (1877 г.), главнокомандующий японской армией и победоносный полководец во время войны с Китаем (1894–1895 гг.).

Его визит в Россию пришёлся на время, когда Япония готовилась к принятию Конституции, что выглядело диссонансом по сравнению с Россией, где самодержавная система, казалось, застыла в своей незыблемости.

В плане идеологической трансформации Страны Восходящего Солнца к конституционной монархии создавала хорошую идеологическую основу для тактического сближения с таким постоянным геополитическим противником России, как Великобритания, и позиционирования Японии как прогрессивной державы.

Однако в 1889 г. подобные перспективы терялись в туманной дымке.

Помимо наведения политических контактов, поездка принца Арисугавы по странам Европы имела вполне прикладной смысл — изучение состояния военного дела на Западе. Однако такой осведомлённый наблюдатель, как Николай Японский, сделал 31 января (12 февраля) 1889 г. в своём дневнике в связи с этим событием следующую запись: «Никакой Сиракава, князь, однако, не отправляется в Японию, а едет Арисугава с женой; имеет он, между прочим, назначение лично вручить орден нашей Государыне от здешней. Хочет быть и в Москве. Не ему ли секретно назначено присмотреться к верам? А открыто он имеет назначение изучать военное искусство»¹.

Конечно, здесь проглядывает определённая пристрастность христианского миссионера, рассматривающего любые события внутрияпонской жизни именно в контексте своей главной задачи — обращения населения Страны Восходящего Солнца в православие. Однако не исключено, что стремление «присмотреться» к христианской вере с целью её последующего распространения могли приписывать Арисугаве и в Петербурге. Во всяком случае, многие западные наблюдатели склонны были считать христианизацию Японии одним из необходимых элементов её модернизации.

Хранящиеся в РГИА документы, посвящённые визиту принца не отражают политическую подоплёку его миссии, но по косвенным свидетельствам позволяют реконструировать некоторые нюансы взаимоотношений между двумя державами.

О скором прибытии принца Министерству императорского двора стало известно в начале апреля 1889 г.

Министр иностранных дел Николай Карлович Гирс (1820–1895) 7 (19) апреля 1889 г. пишет министру императорского двора графу Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову (1837–1916):

«Милостивый Государь, граф Илларион Иванович,

В дополнение к письму моему от 23 минувшего марта, за номером 1097, считаю долгом уведомить Ваше Сиятельство, что,

---

¹ Дневники Николая Японского. Т. 2. СПб, 2004. С. 314.

согласно только что полученному мною от пребывающего здесь Японского Посланника извещению, Японский Принц Арисугава выедет из Парижа в С. Петербург в конце апреля по новому стилю, и, по всей вероятности, прибудет сюда ранее 25 апреля старого стила. Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моём почтении и совершенной преданности»¹.

Из пометок на документе следует, что 10 (22) апреля это сообщение было передано в Главное дворцовое управление, Конюшенную часть, Экспедицию Церемониальных дел — то есть в те структурные подразделения Министерства императорского двора, которые должны были отвечать за встречу принца, его размещение, организацию культурной и деловой программы².

Однако принц преподнёс сюрприз, неожиданно перенеся визит на более ранние сроки. О предполагаемых причинах этого говорится в следующем письме, направленном Гирсом 19 апреля (1 мая) 1889 г. управляющему Кабинетом Его Императорского Величества Николаю Степановичу Петрову. Из этого послания следует, что принц Арисугава выехал из Парижа уже 18 (30) апреля и следует «безостановочно в С.- Петербург. Супруга из-за болезни вынуждена остаться в Париже». Завершалось письмо просьбой «сделать соответствующие распоряжения»³, из чего со всей очевидностью следует — опытный царедворец Гирс прекрасно понимал, никто в Дворцовом ведомстве к приезду принца ещё не готовился.

Ещё одно сообщение о приезде японского принца Гирс в тот же день отправил церемониймейстеру императорского двора князю Александру Сергеевичу Долгорукову (1841–1912), который должен был отвечать за организацию самой церемонии встречи. Тот, ещё не зная о получении аналогичного известия Петровым, поспешил уведомить управляющего Кабинетом Его Императорского Величества о знатном госте, с просьбой сообщить о нём

---

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 904. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

царю во время утреннего доклада, испросив у монарха «особое распоряжение по сему предмету»¹.

Любопытно, что в дальнейшем фамилия Долгорукова встречается в документах только один раз, да и то мимоходом, что, в общем, подтверждает его репутацию обычного безынициативного чиновника, опасавшегося взять на себя ответственность за любое конкретное дело, даже если это конкретное дело не связано с особыми сложностями. Между тем Министерство императорского двора уже по роду своих обязанностей имело огромный опыт приёма иностранных делегаций, в том числе и из Японии.

Последней такой делегацией была уже упоминавшаяся миссия Оямы, и при организации визита принца Арисугава требовалось только внести определённые поправки в программу пятилетней давности с учётом более высокого статуса гостя.

Возможно, именно эта задача и пугала Долгорукова, поскольку речь всё-таки шла не просто о высокопоставленном генерале, но о принце императорской крови, визит которого рассматривался именно как проявление «семейной дипломатии».

Хотя визит носил неофициальный характер, влияние, которым пользовался Арисугава, давало возможность при общении с ним затронуть целый ряд спорных вопросов двухсторонних отношений и попытаться решить их путём прямых контактов между двумя монархами.

Однако при подобном подходе внешняя церемониальная сторона дела приобретала особое значение. И это беспокоило не одного Долгорукова.

Уже на следующий день свою озабоченность высказал ещё один видный сановник, особо приближённый к Александру III, заведующий Его Императорского Величества Аничковым дворцом Василий Васильевич Зиновьев (1814–1891). В посланной им Петрову записке говорится следующее: «Глубоко уважаемый Николай Степанович, мы все не ожидали видеть здесь так скоро Японского Принца, который должен был приехать в Петербург не

---

¹ Там же. Л. 4.

ранее последних чисел апреля или первых мая, и потому никаких распоряжений до сих пор сделано не было.

Если что узнаю завтра, то поспешу сообщить Вам, а пока пользуюсь случаем, чтобы изъяснить Вам своё глубокое уважение»¹.

Впрочем, в отличие от Долгорукова, опытный и авторитетный Зиновьев не ограничился выражением озабоченности. В тот же день в ещё одной адресованной Петрову записке он сообщил, что предписал «состоять» при Арисугаве, знающему английский язык, флигель-адъютанту полковнику Рейтерну². Показательно, что, с учётом служебной иерархии, Зиновьев не мог что-либо предписывать Рейтерну, из чего можно сделать вывод, что вопрос был решён непосредственно с санкции императора.

Видимо, тогда же, по согласованию с Александром III, был решён и вопрос о том, какие именно помещения будут отведены принцу в Зимнем дворце. Об этом косвенно свидетельствует записка заведующего Экспедицией церемониальных дел, камергера Бориса Владимировича Штюрмера (1848–1917) (в будущем — предпоследнего премьер-министра Российской империи) от 19 апреля (1 мая) 1889 г., из которой следует, что Арисугаве и его свите отвели комнаты в Комендантском коридоре³.

На следующий день Петров доложил о выделении помещений и назначении Рейтерна своему непосредственному начальнику — министру императорского двора Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову⁴, после чего громоздкий маховик бюрократической машины завертелся.

Тем не менее Министерство иностранных дел явно беспокоилось относительно того, удастся ли подготовить встречу принца Арисугавы к установленному сроку. Для успокоения главы внешнеполитического ведомства 21 апреля (3 мая) 1889 г. Петров уведомил Гирса, что высокому гостю отведены помещения в Зимнем дворце, выделен сопровождающий (Рейтерн), а также

---

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 904. . Л. 6.

² Там же. Л. 7.

³ РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 102. Л. 13.

⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 904. Л. 8.

отданы соответствующие распоряжения церемониймейстеру (Долгорукову)¹.

Однако действовали дворцовые чиновники в состоянии явного цейтнота. Утром 21 апреля (3 мая) в Министерство императорского двора была прислана записка от посла Японии в России Нисси о том, что принц прибудет в Зимний дворец в этот же день, сразу с заграничного поезда, в 6 часов пополудни².

Удивительно, но ответственного за встречу Арисугавы в Зимнем дворце определили в последнюю минуту — им оказался буквально первый подвернувшийся под руку и подходящий по служебному статусу сотрудник Министерства императорского двора — камергер Александр Петрович Щербатов (1834 — не ранее 1904). Известный историк, он в этот период находился в некоем подобии опалы, редко бывал при дворе, зато увлечённо трудился над фундаментальной биографией фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Можно предположить, что под руку Петрову он подвернулся случайно, а свалившееся на него поручение прибыть к 6 часам пополудни «в малом мундире с тростью» в Зимний дворец для встречи принца стало для него полной неожиданностью³.

К счастью, встреча принца в главной царской резиденции прошла без накладок, тем более что речь шла только о том, чтобы разместить принца в заранее подготовленных помещениях.

И тогда же, 21 апреля (3 мая) 1889 г., была достигнута определённость относительно даты, когда японская делегация должна была предстать перед Александром III. Об этом свидетельствует черновая записка Б. В. Штюмера неустановленному лицу. В ней говорится, что «Их Величества будут принимать японского принца в 12 часов 23 апреля в Гатчинском дворце».

Чтобы прибыть к назначенному сроку, Арисугаве и сопровождавшим его лицам следовало выехать с Варшавского вокзала в Гатчину утренним 10-часовым поездом. На станции прибытия их должны были ожидать присланные Дворцовым ведомством

---

¹ Там же. Л. 9.

² Ф. 473. Оп. 2. Д. 102. Л. 14.

³ Там же. Л. 8.

экипажи — запряжённая четвёркой лошадей цугом карета «Морни» для принца и обычные экипажи для членов его свиты и флигель-адъютанта Рейтерна¹.

В датированной 22 апреля (4 мая) 1889 г. записке от Экспедиции церемониальных дел в Главное дворцовое правление в числе сопровождающих принца представителей России, помимо Рейтерна, поминается и капитан 1-го ранга Елчанинов.

Его назначение, видимо, объяснялось соображениями именно церемониального характера: из последующего газетного сообщения известно, что Арисугава собирался представляться Александру III в форме японского военно-морского флота, и было логично, чтобы среди участников церемонии находился и представитель флота российского. В этой же записке уточнялось и время отъезда принца и его свиты с Варшавского вокзала — 10 часов 30 минут утра².

Организовать отъезд должен был Рейтерн, о чём ему и сообщалось 22 апреля (4 мая) в служебной записке камергера Штюрмера. Указывалось, что принца будут сопровождать его гофмейстер Саито, лейтенант Иосии и японский посланник Нисси. Также в записке сообщалось: «Для Принца и назначенных состоять при Нём Особ изготовлен ИМПЕРАТОРСКИЙ вагон. Свита Принца, а равно и Японский Посланник поедут в другом вагоне вместе с Управляющим Церемониальной Экспедицией»³.

Организовать встречу принца в Гатчине должен был гофмейстер императорского двора Владимир Сергеевич Оболенский, в связи с чем Экспедиция церемониальных дел Министерства императорского двора просила его распорядиться о выделении двух скороходов, двух гоф-фурьеров и одного камер-фурьера⁴.

К соответствующему письму прилагался печатный список (в двух экземплярах), сопровождающих принца лиц всего из двух фамилий — гофмейстер Саито и лейтенант Иосия, однако

---

¹ Ф. 473. Оп. 2. Д. 102. Л. 9 об.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 5.

на одном из экземпляров карандашом была вписана фамилия японского посланника Нисси¹.

В день, когда шли все эти согласования, Арисугава и его спутники в сопровождении Рейтерна осматривали достопримечательности Санкт-Петербурга, побывав в Исаакиевском и Петропавловском соборах — на двух наиболее знаковых в контексте имперской идеологии столичных объектах.

Следующий запланированный для визита день — 23 апреля (5 мая) 1889 г. — приходился на воскресенье, что само по себе свидетельствует о полуофициальном, почти интимном характере будущей встречи. Двумя неделями раньше православные христиане отпраздновали главный церковный праздник — Пасху. К тому же каждое воскресенье верующие должны были посещать церковную службу, по возможности совершать Таинство причастия. Приём дальневосточного гостя в такой день свидетельствовал, что император Александр III выделяет его из числа обычных деловых визитеров.

Такой жест выглядел как своего рода приглашение к дружбе двумя императорскими домами. Для Арисугавы как человека, воспитанного в атмосфере бережного отношения к национальным традициям, подобный контекст не должен был представлять тайны, особенно с учётом того, что относительно подобных нюансов его должны были просветить опытные экскурсоводы — Рейтерн или, вполне вероятно, Щербатов, который при всей своей временной оторванности от двора пользовался доверием Александра III.

О том, как именно проходил визит, сообщалось на первой полосе вышедшего 25 апреля (7 мая) 1889 г. номера официального «Правительственного вестника»².

Принц Арисугава выехал в Гатчину по Варшавской железной дороге специальным поездом в 10 часов утра в сопровождении посла Японии в России Нисси, гофмейстера Саито и личного адъютанта лейтенанта Иосии, а также флигель-адъютанта Рейтерна и капитана 1-го ранга Елчанинова. На Варшавском вокзале

---

¹ Там же. Л. 9–10.

² РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 904. Л. 18.

их провожал правитель дел Экспедиции церемониальных дел камергер Б.В. Штюрмер.

В Гатчине гостей встретил исправляющий должность коменданта дворца флигель-адъютант Лукошков.

По прибытии на станцию «Гатчина» принцу была подана карета, запряжённая цугом четвёркой лошадей, с лакеями и кучером в парадных ливреях. Арисугава был в морской форме с лентой японского императорского ордена. Экипажи сопровождали два скорохода, два гоф-фурьера и камер-фурьер.

По прибытии в Гатчинский дворец японская делегация проследовала в Арсенальное каре, в отведённые для неё помещения, где её встретили командующий главной императорской квартирой генерал-адъютант О.Б. Рихтер, обер-церемониймейстер князь А.С. Долгорукий и гофмаршал князь В.С. Оболенский.

К этому времени закончилась воскресная служба в дворцовой церкви, и в полдень состоялся запланированный приём, на котором, помимо императора Александра III, присутствовали его супруга и наследник престола цесаревич Николай Александрович.

В соответствии с информацией Николая Японского, принц поднёс Марии Фёдоровне женский орден Японской Императорской Короны, учреждённый японской императрицей и в определённой степени являющийся аналогом российского ордена Св. Екатерины. Как пояснялось в «Правительственном вестнике», японский орден состоит из двух звёзд, «одна носится на груди, другая на надетой через плечо жёлто-золотистой ленте с красными каймами. Звезда украшена жемчугом, и в середине её изображение японской императорской короны, окружённой цветами вишни и бамбука»¹.

Стоит напомнить, что орден Св. Екатерины был учреждён супругой Петра Великого и будущей императрицей Екатериной I и, в сущности, представлял собой статусную награду, вручающуюся высокопоставленным особам женского пола. Трудно сказать, в какой степени при учреждении ордена Японской Императорской Короны использовался в качестве образца орден Св. Екатерины, но для читательской аудитории «Правительственного вестника»

---

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 904. Л. 18.

аналогия между этими двумя наградами должна была выглядеть очевидной, тем более что императора Муцухито ещё при жизни часто сравнивали с Петром Великим.

Тот факт, что официальным поводом для визита принца Арисугавы к Александру III стало вручение ордена супруге русского самодержца, косвенно свидетельствует о том, что правительство микадо также было заинтересовано в развитии «семейной дипломатии». Во всяком случае, очевидно, что по ходу этого визита обе стороны придавали особое значение жестам символического, ритуального характера, что вполне традиционно для стран восточной культуры, к каковым могут быть отнесены и Россия, и Япония.

Трудно предположить, в какой степени знаковые для двух стран вопросы были если не обсуждены, то обозначены во время последовавшего за церемонией награждения императорского завтрака. За столом принц сидел по правую руку от Марии Фёдоровны, что делало неизбежным её участие в разговоре Арисугавы с императором. Поднимать серьёзные темы в такой обстановке было неудобно, особенно с учётом наличия большого числа свидетелей.

Помимо нескольких высокопоставленных российских сановников, за столом находились спутники принца. Завтрак сопровождался выступлением придворного хора.

В 13 часов 35 минут на экстренном поезде Варшавской железной дороги принц выехал из Гатчины в Санкт-Петербург. Таким образом, личная беседа Арисугавы с императором если и состоялась, то могла быть крайне непродолжительной, заняв не более получаса.

Вечером того же дня принц побывал в Мариинском театре, на следующий день — в Петербургском университете. Газета «Правительственный вестник» указывала, что отъезд принца запланирован на пятницу, т. е. 28 апреля (10 мая). Арисугава должен был отправиться в Москву, а оттуда вернуться в Париж, к своей супруге принцессе Иосука. «Принц путешествует в строгом инкогнито, — интриговала читателей газета, — которое он оставил лишь на время своей официальной миссии»¹.

---

¹ Там же.

На самом деле первоначально отъезд принца планировался на 27 апреля (9 мая), о чём свидетельствует датированное именно этим днём письмо Зиновьева Петрову с просьбой оповестить об этом московского генерал-губернатора¹. Однако ещё 24-го в программе произошли изменения, о которых Зиновьева почему-то не оповестили. «Исправляющий должность Управляющего Главным Дворцовым Управлением свидетельствует совершенное почтение Его Превосходительству Николаю Степановичу и считает долгом уведомить: флигель-адъютант полковник Рейтерн заявил, что хотя отъезд японского принца Такехито Арисугава со свитой в Москву назначен в четверг курьерским поездом, но ввиду предположенной поездки принца в Кронштадт может быть отложен до пятницы. Кроме того, так как официальная миссия принца оканчивается в С.-Петербурге, то и Флигель-Адъютант Рейтерн будет считать оконченным возложенное на него поручение с момента отбытия Принца из С.-Петербурга в Москву. Посему распоряжения о приготовления помещения в Москве для принца (7 комнат), свиты и прислуги, по наряду 3 экипажей и по встрече в Москве надлежало бы возложить на лицо, уполномоченное от Московского Дворцового Управления, которому могло бы быть поручено и производство расходов по довольствию в Москве. При этом полковник Геренет полагает, что помещение могло бы быть нанято на пятницу и субботу»².

В плане изучения состояния военного дела на Западе Кронштадт должен был стать узловым пунктом российской части вояжа принца Арисугавы. По всей видимости, он был первым японцем, посетившим главную базу Балтийского флота, причём японцем высокопоставленным и достаточно хорошо подготовленным в профессиональном плане для того, чтобы оценить мощь одной из ведущих морских держав. Державы, которая в ближайшем будущем станет противником Японии.

---

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 904. Л. 11.

² Там же. Л. 12.

Визит в Кронштадт состоялся, относительно же впечатлений, которые принц оттуда вынес, вероятно, следует обратиться к военно-морским архивам Японии.

28 апреля (10 мая) 1889 г. Арисугава и его спутники выехали в Москву. Тремя днями ранее Петров сообщил генерал-губернатору «первопрестольной» Владимиру Андреевичу Долгорукову: «Поездка будет совершена инкогнито: Ппринц остановится в гостинице, и никакой встречи его не предназначено. Но желательно, чтобы при принце на время пребывания его в Москве находилось лицо, владеющее английским языком, чтобы объяснять принцу обозрение достопримечательностей первопрестольной столицы.

Считаю долгом довести об этом до сведения Вашего Сиятельства, имею честь присовокупить, что о найме помещений мною сообщено Московскому Дворцовому Управлению»¹.

Телеграммой от 26 апреля (8 мая) 1889 г. Петрова уведомили, что помещения для принца (7 комнат) приготовлены в Славянском базаре². В качестве экскурсовода по московским достопримечательностям к японцам был приставлен чиновник по особым поручениям коллежский асессор князь Шахаев³.

Дальнейшее путешествие принца продолжалось в режиме инкогнито и не нашло отражения в архивах Дворцового ведомства.

Всего через два года именно Арисугава будет встречать цесаревича Николая Александровича во время его путешествия по Востоку.

ВОСТОЧНЫЙ ВОЯЖ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

Вообще-то ознакомительные поездки наследников русского престола всегда ограничивались пределами России и Европы.

При этом предполагалось, что цесаревич едет не просто мир посмотреть и себя показать, но и для того, чтобы познакомиться

---

¹ Там же. Л. 13.

² Там же.

³ Там же. Л. 15.

с иностранными монархами и политиками, а также определить свои будущие стратегические приоритеты.

Круиз, в который в 1890 г. отправился сын Александра III, Николай Александрович, был не совсем обычным, так как его путь пролегал вдали от привычных европейских маршрутов — через Египет, Индию, Вьетнам, Китай, Японию.

Впрочем, начальный (сухопутный) этап путешествия предполагал проезд через южную Европу, завершаясь в самом крупном порту Австро-Венгрии — Триесте. Именно отсюда вышла русская эскадра, состоявшая из трёх крейсеров 1-го ранга — «Память Азова», «Владимир Мономах» и «Адмирал Корнилов».

Сам Николай Александрович находился на «Памяти Азова», причём компанию цесаревичу составляли ещё два «носителя царственной крови» — его родной брат, великий князь Георгий Александрович и Георгий, наследный принц Греческий. В состав свиты входили адмирал В.Г. Басаргин, князь В.А. Барятинский, В.С. Кочубей и Н.Д. Оболенский, художник Н.Н. Гриценко, доктор В.К. фон Рамбах. Известный литератор и любитель Востока князь Эспер Эсперович Ухтомский одновременно играл роль гида и летописца¹. Именно ему принадлежала мысль о том, что «мы — русские, будучи по престижу первыми в Азии, добровольно пока уступаем кому придётся свою историческую роль и завещанную предками миссию главарей Востока». Отправившись в путешествие, Эспер Эсперович собирался не просто увлечь наследника азиатскими делами, но и всерьёз скорректировать вектор российской внешней политики...

Восток начался для цесаревича с египетских древностей. Ознакомившись с Александрией, Каиром и пирамидами, Николай и его спутники морским путём проследовали до Индии. Высадившись в Бомбее, великий князь пересёк страну с запада на восток, посетив по дороге Дели, знаменитый среди буддистов город Бенарес и Амритсар с главной святыней сикхов — Золотым храмом. Полюбовавшись на воды Ганга, цесаревич отправился

---

¹ Митюрин Д.В. Сын Великого Белого царя. Путешествие Николая Александровича по Востоку // Antiq. Info. 2005. № 26. С. 25–34.

в Калькутту, после чего повернул на юг и, достигнув южной оконечности Индостана, высадился на Цейлоне (Шри-Ланка).

Через Сингапур и Яву великий князь проследовал в Бангкок, где встретился с правителем единственного сохранившего независимость государства Индокитая — сиамским королем Чулалонгкорном. После прибытия в Сайгон Николай Александрович оказался на территории нашего тогдашнего союзника — Франции. Однако восторженная встреча ожидала цесаревича не только со стороны местной администрации, но и со стороны вьетнамцев, которые словно предчувствовали, что лет через пятьдесят русские будут помогать их потомкам бороться против французских и американских колонизаторов.

С почётом встречали цесаревича и в Китае, а вот самый неприятный сюрприз ожидал великого князя в Японии.

О том, с какими чувствами цесаревич и его свита плыли в Страну Восходящего Солнца, можно судить по отзыву Э.Э. Ухтомского: «Только что вернувшиеся оттуда моряки были очарованы ею, тамошним весенним воздухом и блеском, её рвением идти по стезе западного прогресса, японской учтивостью и предупредительностью по отношению к иностранцам. Отдельные скептические голоса более опытных офицеров против увлечения “новыми” порядками среди “нового” для Европы доисторически сформированного народа в дружном хоре безусловно симпатичных отзывов о нём. Тем любопытнее будет проверить на деле в течение четырёх-пятинедельного пребывания в царстве микадо взаимоисключающего мнения об его подданных и о проникающем их истинном настроении. В этом государстве всё представляет собой в данную минуту неожиданный контраст, внутреннее противоречие, сеть загадочных хитросплетений политического характера с целью защиты от иностранного вторжения в туземный жизненный строй. Японцы, внезапно вошедшие в круг цивилизованных наций, беспристрастному взору являются чем-то совершенно непонятным по своему коренному стремлению превозносить в затаённых помыслах и чувствах родную, варварскую, на чужой взгляд, старину и вместе с тем цепляться за всякие заморские новшества, доводить подражание

современному порядку вещей в Европе и Америке до крайней степени, презирать иноземца в глубине души и всё-таки покорно идти к нему в науку. Понятно, что народ с таким болезненно развитым национальным самомнением, но параллельно также с такой удивительной выдержкой в вопросах такта по отношению к более сильным соперникам на мировой арене, рано или поздно должен будет высказаться с полной определённой и снять перед ними маску напускной вежливости... Параллельно с неестественной стремительностью совершенствоваться, так сказать, наполовину и перерастать самих себя, островитяне одушевляются всё более и более рискованными националистическими тенденциями к расширению своего господства в пределах Тихого океана»¹.

Николаю Александровичу предстояло посетить страну, ещё недавно фактически пережившую целую череду мелких гражданских войн между реформаторами и консерваторами. Последняя из них получила название Юго-Западной войны и завершилась в 1877 г., когда в битве при Сирояме была разгромлена мятежная самурайская армия Такамори Сайго. Сам предводитель совершил самоубийство, сделав себе традиционную сеппуку (вспарывание живота, более известное под названием харакири). Однако в Японии ещё очень долго ходили слухи, что Сайго жив и готовится вернуться на родину.

По странному стечению обстоятельств, задолго до прибытия Николая Александровича в Стране Восходящего Солнца начали гулять слухи о том, что Сайго Такамори инкогнито находится в его свите. Источник появления таких слухов определить трудно, хотя Ухтомский, задавая вопрос: «Кому это выгодно?», однозначно указывал на британцев.

Когда о подобных слухах доложили императору Муцухито, он пошутил: «Если выяснится, что Сайго жив, я отберу те ордена и медали, которые мои военные получили за Юго-Западную войну». К сожалению, не все правильно поняли эту шутку...

---

¹ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества наследника Цесаревича. Т. 3. СПб, 1897. С. 2, 4.

Впрочем, несмотря на все слухи, начало визита Николая Александровича протекало как нельзя лучше. Приёмы, приветственные адреса, подарки, парады следовали чередой, и, чтобы отдохнуть от этого официоза, цесаревич на некоторое время отложил посещение Токио и занялся изучением местной экзотики.

С 15 (27) до 23 апреля (5 мая) он гостил в Нагасаки, где встретил Пасху. 20 апреля (2 мая) после причастия на праздничный обед к Николаю Александровичу были приглашены все офицеры с «Памяти Азова», «Мономаха», «Нахимова», «Корейца», «Манджура», «Бобра» и «Джигита». Затем несколько самодеятельных актёров из моряков представили пьесу, название которой, к сожалению, не сохранилось. Э.Э. Ухтомский отмечал, что в Инасу по-прежнему сохранялась память о пребывании моряков с «Аскольда». «Жители селения сдружились с русскими, усвоили русскую речь, приноровились к русским обычаям. В двух местных гостиницах умеют готовить наши национальные кушанья, держат водку вдовы Поповой, выписывают наши южнобережные вина и т. д. Для матросов есть даже японский ресторан под вывеской “кабак Кронштадт”. Приветливыми улыбками, радостными взглядами встречают русского посетителя жители Инасы»¹.

Во время стоянки в Инасе цесаревич и его свита, как правило, ночевали на кораблях, но при этом периодически предпринимали туристические экскурсии, в том числе на заботливо обихаживаемое местными жителями русское кладбище, где были похоронено несколько десятков моряков с «Аскольда». Снова процитируем Э.Э. Ухтомского: «Надгробные плиты у нижних чинов по внешнему виду мало чем отличаются от офицерских. Памятников почти нет. Только над одним из погребенных положен изящно задуманный сломанный якорь»².

15 (27 апреля) на «Памяти Азова» с неофициальным визитом побывал принц Арисугава. Естественно, и до и после этого события японская полиция внимательно, но неназойливо отслеживала все передвижения цесаревича и сопровождавших его

---

¹ Там же. С. 9.

² Там же.

лиц. Из донесений агентов известно, как именно проводили свой досуг высокие гости.

Так, однажды на «Память Азова» были приглашены японские мастера татуировок. Самый опытный из них нанёс на плечо цесаревича изображение дракона, получив за работу целых 25 иен (в пять раз больше обычной таксы). Также татуировки сделали себе двое офицеров с «Памяти Азова» (заплатившие 8 иен каждый) и принц Георг (выкroивший из своего «скудного» бюджета всего только 1 иену).

Вечером 20 апреля (2 мая) русские веселились с гейшами в ресторане «Волга». Под конец гулянки Николай Александрович уединился с компаньонкой хозяйки — некоей О-Эй, а принц Георг — с гейшей по имени Кику.

22 апреля (4 мая) на «Памяти Азова» инкогнито прибыл в гости принц Такехито Арисугава. Через час после его отъезда с ответным визитом в Нагасаки отправились Николай Александрович и принц Георг Греческий. При въезде в город их приветствовали сам принц Арисугава, генерал-лейтенант Каваками, известный прогрессист контр-адмирал Ито, секретарь императора Санномия, церемониймейстеры барон Мадеконози (православный, крестник баронессы Гейден) и Яmano-учи, а также губернатор города Накано.

На следующий день, 23 апреля (5 мая), «Память Азова» вместе со всей эскадрой отправилась в Кагосиму. Перед отплытием цесаревич позавтракал в доме русского консула Г.А. де Волана, а также осмотрел русский военно-морской госпиталь и часовню, в постройке которых принимал деятельное участие его двоюродный дядя, великий князь Александр Михайлович (стоит отметить, что несколько необычным образом родственные узы, связывающие этих двух представителей дома Романовых, станут ещё крепче, после того как Александр Михайлович женится на сестре будущего императора Ксении).

Следующий пункт путешествия — Кагосиму — Ухтомский назвал «старым гнездом упорного шинтоизма и традиций феодалного характера, — откуда наичаще звучал и звучит разумно-патриотический протест против чрезмерно скороспелых

реформ и начинаний ультрапрогрессивного характера»¹. Читая столь категоричный отзыв, невольно задаёшься вопросом: не познакомились ли с трудом Ухтомского авторы голливудского блокбастера «Последний самурай»?

В Кагосиме путешественники гостили у сохранявшего формальную автономию князя Сатсумо. Затем через Симоносекский пролив они прибыли в порт Кобе, а оттуда отправились в древнюю столицу Японии Киото.

Показательно, что в дневниках, легших в основу книги Ухтомского, именно события этих дней освещаются несколько поверхностно, будучи подменены различными историософскими рассуждениями.

Вот образец одного из них: «В Азии для нас, в сущности, нет и не может быть границ, кроме необузданного, как и дух Русского народа, свободно плещущего у его берегов необъятного синего моря. Когда высказываешь столь очевидную истину, то обыкновенно слышишь возражения: “к чему это? у нас и так земли много? мы и теперь уже расплозились и разрослись до чудовищных размеров в ущерб делу управления государством и прямо во вред нашему коренному населению”. Но для всероссийской державы нет другого исхода: или стать тем, чем она вовеки призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения, потому что Европа сама по себе нас в конце подавит своим внешним превосходством, а не нами пробуждённые азиатские народы для русских со временем будут ещё опаснее, чем западные иноплеменники»².

Понятно, что подобные рассуждения вряд ли могли вызвать одобрение как у японского, так и у западного читателя, поскольку в них фактически предпринимается попытка оправдать российскую экспансию на восток. Здесь Ухтомский противоречит более ранним своим же рассуждениям, в которых заявлял, что «мнимо молодая» Япония не может быть опасна России. Досадно и то,

---

¹ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества наследника Цесаревича. Т. 3. СПб, 1897. С. 16.

² Там же. С. 32.

что в качестве обоснования права России на расширение границ до берегов «необъятного синего моря» он не уточняет, о каком море идет речь, а в качестве единственного обоснования такого права ссылается только на уготованную России свыше роль посредника между Западом и Востоком. Для мира конкретной, практической политики подобные рассуждения выглядели слишком абстрактно, так что у читателя неизбежно должны были возникнуть подозрения: а не являются ли подобные рассуждения прикрытием обычного шовинизма.

Однако перейдём от умозрительных рассуждений к вещам более земным, а именно к тому, чем занимались августейшие путешественники.

Известно, что вечером 28 апреля (9 мая) в Киото цесаревич и принц Георг снова общались с местными дамами, хотя, если верить полицейским донесениям, гейши лишь пели и плясали перед цесаревичем, а также восхищались вытатуированным на его плече драконом.

Также существует предание, что в окрестностях Киото Николай Александрович посетил отшельника Теракуто. Мудрый старец предрёк цесаревичу мученический венец и вечное спасение. Говоря о более близком будущем, Теракуто сообщил ему: «Опасность витает над твоей головой, но смерть отступит, и трость будет сильнее меча, и трость засияет блеском». Предсказание исполнилось 30 апреля (11 мая) 1891 г.

«...НО СМЕРТЬ ОТСТУПИТ...»

Во время посещения небольшого городка Оцу стоявший в оцеплении полицейский Цуда Сандзо внезапно подскочил к ехавшему на рикше цесаревичу и дважды ударил его по голове саблей. Оба удара оказались скользкими. Выскочив из коляски с противоположной от нападавшего стороны Николай Александрович обратился в бегство. В этот момент на Цуду бросились ехавший следом принц Георг, а также двое рикш — Ититаро Китагаити и Дзисабура Сакихата.

Подскочив сзади, греческий принц треснул покушавшегося тростью по затылку. Сакихата схватил преступника за ноги и повалил его на землю. Наконец, Китагаити поднял выпавшую из рук Цуды саблю, после чего стукнул его плашмя по спине, «приведя его в безчувственное состояние» ...

Забегая вперёд, скажем, что все участники задержания были буквально осыпаны наградами. По возвращении в Россию император Александр III приказал украсить трость принца Георга бриллиантами, так что, как и обещал Теракуто, она действительно «оказалась сильнее меча» и «засияла блеском». Не обделили и рикш, каждый из которых, кроме «премиальных», получил по две медали и две пожизненные пенсии — от японского и русского правительств ...

Однако вернемся в Оцу и понаблюдаем за событиями, происшедшими непосредственно после покушения. Согласно донесению князя Барятинского, «Николай Александрович стоял посреди улицы, без шляпы, держась правой рукой за голову, из которой сильно лилась кровь; на правой стороне, довольно высоко над ухом, была, как всем показалась, глубокая рана; лицо, шея и руки были выпачканы кровью; платье тоже». Тем не менее, если верить этому рапорту, первым делом великий князь обратился не к доктору, а к сопровождавшему его представителю «принимающей стороны» принцу Арисугаве: «Прошу вас, ни минуты не думайте, что это происшествие может испортить хорошее впечатление, произведённое на меня радушным приёмом, встреченным мною всюду в Японии»¹. Произнеся эти слова, цесаревич присел возле одной из лавок, после чего доктор Рамбах перевязал ему голову. Далее раненого на рикше доставили в дом губернатора, причём сопровождавшие Николая русский посол в Японии Д.Е. Шевич и В.А. Барятинский целых полчаса бежали рысцой рядом с экипажем в полной готовности защитить великого князя от повторного покушения.

---

¹ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества наследника Цесаревича. Т. 3. СПб, 1897. С. 42.

Вся программа визита была свёрнута, и уже вечером цесаревич вновь оказался на борту «Памяти Азова». В последующие три дня, пока крейсер стоял на рейде Нагасаки, на корабль прибывали подарки и различные послания с выражениями соболезнования.

Справедливости ради следует признать, что дело здесь заключалось не столько в симпатии к цесаревичу, сколько в боязни войны с Россией, при которой, по мнению подавляющего большинства японцев, их родина была обречена на поражение.

Паника была столь сильна, что на состоявшемся сразу же после покушения совещании у Муцухито многие сановники находились в состоянии, близком к истерике. Сразу же по его окончании «Сын Неба» (тэнно) покинул свою резиденцию и впервые в истории побывал на борту иностранного военного судна, где лично рассыпался в извинениях перед цесаревичем.

6 (18) мая 1891 г. в Осаке без особых торжеств прошло празднование 23-летия цесаревича.

Тем не менее Николай Александрович решил свернуть программу визита и отказаться от посещения Токио. 7 (19) мая «Память Азова» вышла из Кобе и покинула Японию. В этот же день на площади перед русским посольством покончила с собой 26-летняя швея Юко Хакатэяме. Таким необычным образом девушка попыталась принести нечто вроде искупительной жертвы за вину своего соотечественника. Другая патриотка — некая Сада Нагата — в своём письме к губернатору Киото предлагала предотвратить войну с Россией следующим способом: «выбрать самых красивых японских женщин, нарядить их как куколок и отправить в дар русским генералам... А я готова отправиться вместе с ними в Россию служанкою. Я жизни не пожалею ради того, чтобы доказать свою преданность государю. Прошу Вас снизить к моей просьбе»¹.

Бесспорно, как мужчины и джентльмены русские генералы приняли бы подобную жертву, но как люди военные они были вынуждены проигнорировать предложение госпожи Нагато.

---

¹ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества наследника Цесаревича. Т. 3. СПб, 1897. С. 44.

Имеет смысл процитировать и одно из нескольких тысяч писем, которые в эти дни были присланы находившемуся в тюрьме Цуда Сандзо: «Ты поднял руку на русского цесаревича, высокого гостя нашей страны. Ты причинил страдания нашему высокочтимому государю и поверг в ужас более тридцати миллионов своих соотечественников. После того, что ты совершил, у тебя нет никакого права считать себя японцем. Тем не менее, подлый и низкий человек, ты не отказываешься от лечения и всё ещё цепляешься за свою низкую жизнь. Удивляюсь, почему до сих пор никто не разможил тебе голову»¹.

И наконец, апофеоз японских сожалений — уход в отставку кабинет министров страны во главе с Ямагата.

Ну а что же сам Цуда Сандзо? В представленной полицейским начальством аттестации о нём сообщалось следующее: родился в 1854 г., с 17-летнего возраста служил в армии, во время Юго-Западной войны был награждён, а после её окончания демобилизовался по ранению в чине старшего унтер-офицера. Затем он поступил в полицию, откуда был уволен в 1885 г. за то, что подговаривал сослуживцев избить своего непосредственного начальника. Благодаря ходатайству одного из однополчан Цуду вернули в полицию, но перевели в другой округ. Никаких иных серьёзных взысканий у него не было. Перед командировкой в Оцу вел себя как обычно.

Своё нападение на цесаревича Цуда поначалу объяснял тем, что на него «нашло затмение». Версия о психической неуравновешенности подтверждалась и показаниями его супруги, заявившей, что после перевода на новое место службы он буквально целый месяц «не переносил присутствия посторонних».

Тем не менее версия о психически неуравновешенном преступнике имела один серьёзный изъян, поскольку неизбежно вызывала вопрос: каким образом такой человек мог целых 13 лет служить в полиции?

Между тем родственник преступника, некий Есидзуми, показал, что незадолго до командировки он беседовал с Цуда и тот,

---

¹ Там же. С. 45.

ссылаясь на шуточные слова императора, сказал: «Скоро к нам прибывает русский цесаревич. Говорят, вместе с ним в Японию возвращается Сайго. Если это действительно так, нас лишат полученных наград. Вот ведь незадача!».

Есидзуми ответил, что, по его мнению, слухи о Сайго — полная ерунда. Однако Цуда не согласился: «А я думаю, что всё это правда, и вот почему. По прибытию в Японию цесаревичу полагалось бы первым делом направиться в Токио, а он вместо этого поплыл в Кагосиму. Не иначе как тут все дело в том, что вместе с ним был Сайго»¹.

Здесь следует пояснить, что именно в Кагосиме разыгрались заключительные события Юго-Западной войны и там же находился памятник погибшим солдатам и офицерам правительственной армии. Именно возле этого памятника преступник, по его словам, впервые увидел цесаревича. Сам Цуда стоял в карауле, а Николай Александрович якобы прибыл сюда в сопровождении некоего пожилого господина, который весьма бесцеремонно уселся на ограду. Затем «русские» начали в бинокли осматривать окрестности и время от времени обращались за пояснениями к своим рикшам. Те были очень словоохотливы и вели себя, «как собаки, ожидающие подачку». Наблюдавший за всем этим Цудо вспомнил слухи о том, что русские приехали сюда шпионить, вспомнил о своих павших товарищах и о том, что цесаревич, наверное, тайно привёз в Японию предателя Сайго...

В общем, именно тогда в уме простого полицейского возникла идея покушения, которую он и претворил в жизнь спустя двое суток. Здесь, правда, остался невыясненным один нюанс, который наверняка был известен следователям. Цесаревич не посещал памятник героям Юго-Западной войны, и Цуда Сандзо наверняка перепутал его с каким-то другим иностранным туристом. Но почему же тогда, стоя в оцеплении в Оцу и уже наверняка видя свою ошибку, он всё-таки занёс руку для рокового удара?..

---

¹ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества наследника Цесаревича. Т. 3. СПб, 1897. С. 48.

Российская дипломатия настаивала на применении к Цуда Сандзо статьи 116-й уголовного кодекса, согласно которой даже несостоявшееся покушение на лиц императорской крови карается смертной казнью. Однако, вопреки мнению собственного правительства, японские юристы судили его по 113-й статье, как за обычное покушение на убийство с максимальным наказанием — пожизненным заключением. Мотивировалось это тем, что в статье 116-й говорилось не об императорах вообще, а именно о «тэнно» — т. е. о носителе титула, который употреблялся исключительно по отношению к повелителю Страны Восходящего Солнца.

В результате Сандзо Цудо был приговорён именно к пожизненному заключению, которое ему довелось отбывать в тюрьме Куширо на острове Хоккайдо. Впрочем, находился он там недолго и уже 29 сентября 1891 г. умер от пневмонии¹.

Для объяснения подлинных мотивов преступления российские исследователи предлагали две версии. Первая — романтическая, муссировалась в бульварной печати, и, конечно же, в ней не обходилось без гейши. Любопытно, что в Кунсткамере среди экспонатов, привезённых Николаем Александровичем с Востока, якобы находится и кукла некоей роковой красавицы, приревновав которую Цуда Сандзо решил расправиться с цесаревичем. Вот только имя этой самой роковой красавицы оказывается не такой уж тайной — О-Эй. Но самое главное, что у нас нет никаких оснований предполагать, будто Цуда знал о её существовании (не говоря о том, чтобы устраивать убийство из ревности).

Вторую версию можно считать политической.

Рассуждая о мотивах, двигавших преступником, Ухтомский указывал, что никаких «осязательных и непосредственно побудительных причин злодеяния, кроме его общего психического состояния, не имеется». Однако затем тот же Ухтомский признавал, что «странный случай в Оцу имел некоторую связь с охватившим Японию трепетом при реализации слухов о строительстве Сибирской железной дороги»².

---

¹ Там же. С. 53.

² Там же. С. 58.

Завершение Транссиба позволяло России резко расширить своё экономическое и военное присутствие на Дальнем Востоке, что, конечно же, не могло понравиться ни Соединённым Штатам, ни Англии, ни Японии. Соответственно, в прессе этих трёх стран всё чаще стали появляться статьи о «русской угрозе» и даже о «тирании Романовых», которой якобы должны противостоять нации, избравшие демократический путь развития.

Но, с другой стороны, нельзя было исключать и ещё один возможный вариант развития событий — Россия и Япония объединяются против Соединённых Штатов и Англии. И визит Николая Александровича мог, да и должен был, стать первым значительным шагом в этом направлении.

Однако встреча цесаревича с «тэнно» произошла уже после покушения в Оцу, в обстановке, не слишком подходящей для заключения каких-либо альянсов. Вместо разговоров о политике императору Муцухито пришлось извиняться за скверное поведение своего подданного, а цесаревичу заверять — мол, ничего страшного.

Но кто же мог направлять руку Цуда Сандзо? «Доброжелателей» было сколько угодно — английские, американские или немецкие дипломаты. Наконец, это могли быть и высокопоставленные японские сановники, имеющие свой собственный взгляд на то, что именно хорошо и плохо для Страны Восходящего Солнца. Им даже не требовалось лично общаться с будущим преступником. Достаточно было использовать его «втёмную»: то есть при помощи разговоров и соответствующим образом подобранной литературы вызвать у Цуда Сандзо ненависть к русским, которые якобы угрожают его любимой родине. А потом постараться, чтобы патриотично настроенный полицейский оказался в оцеплении на одной из улочек в Оцу — в нужное время и в нужном месте.

Возможно, расчёт делался на то, что наследник российского престола погибнет от руки фанатика, и тогда отношения между двумя странами будут испорчены на многие годы. До гибели цесаревича, правда, дело не дошло, однако возможное русско-японское сближение оказалось сорванным.

Очевидно, что инцидент в Оцу произвёл на цесаревича скверное впечатление. Собственно, на этом закончилось его путешествие не только по Японии, но и вообще по загранице.

Покидая Страну Восходящего Солнца, Ухтомский следующим образом обобщил свои впечатления: «Издали нам представляется этот уголок света чем-то игрушечным и забавным. Если, однако, принять в расчёт пульс жизни, бьющий в недрах тамошнего энергичного населения, картина резко меняется. Оттуда — с родины мастерски нарисованных фазанов и нескораемых лакированных блюдецек — на беспечный Запад беззвучно надвигается стихийная опасность, в свойства коей и взглядеться нельзя: точь-в-точь подкрадывающийся к судам туман формозского пролива!»¹.

11 (23) мая 1891 г. «Память Азова» прибыла во Владивосток, где через семь дней в Куперовской пади Николай Александрович присутствовал на торжестве, связанном с торжественной закладкой Транссибирской магистрали; он же возглавил и Комитет по строительству этой железной дороги.

Визит в Японию наследника российского престола, в сущности, стал последним эпизодом, свидетельствующим о попытках двух стран нащупать почву для политического сближения на основе личных контактов между членами императорских домов.

Бесспорно, если говорить о сфере геополитики, то экономика в ней всегда превалировала над личными отношениями, связывающими конкретных представителей политической элиты. А поскольку экономическая составляющая в русско-японских отношениях всегда оставляла желать лучшего, вполне закономерно, что, определяясь с внешними приоритетами и ведя поиск союзников, Токио в конце концов предпочёл альянс с Лондоном сближению с Петербургом.

В значительной степени на этот выбор повлияло и постепенное изменение государственного устройства Японии по образцу британской модели, т. е. от самодержавной в сторону конституционной монархии. Данная трансформация, кстати, не сразу

---

¹ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества наследника Цесаревича. Т. 3. СПб, 1897. С. 4.

была осознана в Петербурге и даже не столько из-за нехватки информации, сколько из-за устоявшихся стереотипов: российским политикам трудно было поверить, что азиатская монархия может последовательней и быстрее двигаться по пути расширения демократических свобод, чем монархия европейская — т. е. Россия.

В целом следует признать, что сближение Японии с Англией в ущерб России оказалось явлением закономерным и личные контакты никак не могли изменить общее направление процесса.

Инцидент же в Оцу, даже если допустить наличие неких манипулировавших Цуда Сандзо антироссийски настроенных интриганов, не может расцениваться в качестве случайности, изменившей ход истории, хотя само это событие придавало обстоятельствам визита цесаревича весьма драматический характер.

Тем не менее в отношениях России и Японии личностный фактор всё же имел огромное значение если не в политической и экономической, то в культурной и духовной сферах, а также на бытовом уровне. Э.Э. Ухтомский высказывал мнение, что «при глубоком, почти коренном различии национального психо-физического облика японец и простого звания русский всё как-то братски ближе друг к другу, чем к европейцам. Житель “страны восходящего солнца” инстинктивно чувствует в нас часть того громадного духовного мира, который мистики наравне с педантичными учёными именуют туманным словом “Восток”, т. е. лоно зиждительного покоя, откуда на историческую арену искони выходят, светят и озаряют нашу юдоль великие миротворцы и монахи-подвижники»¹.

Мнение не бесспорное, но вполне распространённое, причём не только среди японцев и русских «простого звания», но и в кругах интеллектуалов. Об определённой близости японского и русского менталитета свидетельствуют и результаты деятельности известного миссионера Николая Японского, достойные отдельного рассказа.

---

¹ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества наследника Цесаревича. Т. 3. СПб, 1897. С. 10.

ГЛАВА 7

НИКОЛАЙ ЯПОНСКИЙ

В ЧУЖОМ И ЗАГАДОЧНОМ КРАЮ

В 1860 г. при русском консульстве в Хакодате был освящён первый в Японии православный храм, настоятелем которого стал протоиерей Василий Махов.

В следующем году он покинул Японию, в связи с чем консул Гошкевич обратился в Святейший синод с просьбой прислать преемника. В своём письме он просил, чтобы новый священник был «не иначе, как из кончивших курс духовной академии, который мог бы быть полезным не только своей духовной деятельностью, но и учёными трудами, и даже своею частной жизнью в состоянии был бы дать хорошее понятие о нашем духовенстве не только японцам, но и живущим здесь иностранцам»¹.

Как отмечает Кэнноскэ Накамура, «именно Гошкевич, оценив высокий уровень интеллектуальных и духовных запросов японского народа, выбрал наставника, способного взять на себя дело проповеди среди этого народа»².

В 1861 г. в Хакодате прибыл 25-летний иеромонах о. Николай (в миру Иван Дмитриевич Касаткин).

---

¹ Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / сост. К. Накамура. Т. 1. СПб, 2004. С. 13.

² Там же. С. 14.

Родился он 1 (13) августа 1836 г. в Смоленской губернии, где его отец служил диаконом в церкви села Берёза. Иван Касаткин учился в начальной приходской школе, затем поступил в семинарию в Смоленске и, окончив её с отличием, получил право продолжить обучение в Петербургской духовной академии за государственный счёт. Ещё в семинарии Иван мечтал о миссионерстве, собираясь отправиться в Китай, о котором рассказывал профессор И.Ф. Соловьёв. Позже, в академии, он прочёл «Записки капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах», что вновь пробудило его желание ехать проповедовать язычникам, но уже не в Китай, а в Японию.

В 1860 г., на последнем курсе учёбы в академии, Касаткин увидел объявление о приглашении священника для российского консульства в Хакодате на острове Эдзо (Хоккайдо) в Японии¹. На этот призыв откликнулся не только Иван Дмитриевич, но и ещё несколько человек. «Студентов-охотников (т. е. посвятить себя миссионерству) записалось тогда человек 10–12, — приписал на письме о. Николай его друг, протоиерей Н.В. Благоразумов, — и все при условии женитьбы, а Касаткин — один монахом и перебил всех»². Касаткин получил должность настоятеля консульской церкви, принял монашеский постриг с именем Николай и был рукоположен в сан иеромонаха. 1 (13) августа 1860 г. он отправился в Японию. Священнослужитель Японской Православной Церкви протоиерей Симеон Мии писал: «В то время не было, как сейчас, сибирской железной дороги, поэтому ехать приходилось на телегах, часто не останавливаясь и ночью. Продолжая путь таким образом, в конце августа он наконец добрался до Иркутска, столицы Сибири, переправился через Байкал, прибыл в Читу, оттуда доехал до станции Сретенск и водным путём по Амуру к концу сентября

---

¹ Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / сост. К. Накамура. Т. 1. СПб, 2004. С. 18.

² Кедров Н. Архиепископ о. Николай Японский в переписке с протоиереем Н.В. Благоразумовым // Русский архив. 1912. № 3. С. 380.

с большим трудом добрался до Николаевска. Однако уже наступили сильные холода, к тому же водный путь покрылся льдом, морское сообщение с Японией оказалось перекрытым, поэтому пришлось остаться на зиму здесь»¹. В Николаевске о. Николай встретился с епископом Иннокентием (И.Е. Поповым-Вениаминовым). Епископ посоветовал молодому миссионеру «перевести Священное Писание и молитвослов на язык новообращаемых туземцев с тем, чтобы православие укоренилось в их культуре»². Это стало для о. Николая программой действий, и он принялся за изучение японского языка, а также истории и культуры Японии. Епископ Иннокентий, имевший богатый опыт миссионерства на Аляске, в течение зимы многому научил своего молодого коллегу. Он обратил внимание о. Николая на то, что на азиатов-язычников миссионер должен произвести впечатление в первую очередь своим представительным видом. Старая академическая ряса будущего проповедника не могла внушить должного уважения, поэтому святитель Иннокентий, купив подходящий для случая отрез бархата, сам сшил для него рясу.

2 (14) июля 1861 г. о. Николай прибыл в Хакодате на русском военном корабле «Америка». Свои первые впечатления он описывал следующим образом: «Когда я ехал туда, я много мечтал о своей Японии. Она рисовалась в моем воображении как невеста, поджидавшая моего прихода с букетом в руках. Вот пронесётся в её тьме весть о Христе, и всё обновится. Приехал, — смотрю, моя невеста спит самым прозаическим образом и даже не думает обо мне. Какое было моё разочарование, когда я встретил совершенно противоположное тому, о чём мечтал! Тогдашние японцы смотрели на иностранцев как на зверей, а на христианство как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только преступники. Мало того, правительство Японии издало такой указ, что если “даже Сам

---

¹ Цит. по: Дневники святого Николая Японского. Т. 1. С. 18.

² Там же. С. 21.

христианский Бог явится в Японию, то и Ему голову долой»¹. В Японии продолжал сохранять силу закон 1614 г., по которому исповедание христианства в стране было запрещено, а все книги и изображения христианского содержания подлежали безоговорочному уничтожению.

В качестве священника консульской церкви о. Николай совершал службы для консула, его семьи и подчинённых, а также для команд приходящих в порт русских судов. Собор, построенный на консульские средства, был освящён во имя Воскресения Господня, но среди местного населения был известен как «Гангандэра» («Храм бом-бом») из-за непривычного колокольного звона.

Отношение японцев к иностранцам было весьма недоброжелательным.

Памятуя завет епископа Иннокентия, о. Николай усердно изучал японский язык, историю и обычаи страны, стремился завязать знакомства с японцами. Одним из учителей о. Николай был Кэнсай Кимура. Его сын Тайдзи Кимура вспоминал: «О. Николай, 25–26 лет молодой человек высокого роста с голубыми глазами, практически каждый день приходил в школу к отцу и усердно занимался. [...] Как рассказывала мать, о. Николай очень любил дискуссии и часто спорил с отцом, вообще был очень ревностным учеником, что очень сильно отличало его от японских студентов. [...] Когда о. Николай приходил к нам домой, он обязательно заходил на кухню и, поймав мать, начинал спрашивать её: “Как называется этот суп? А как будет по-японски вот эта желтая редька? — имея в виду суп из соевых бобов “мисо-сиру” и маринованную редьку “такуан”».² Позднее о. Николай писал: «Приехав в Японию, я, насколько хватало сил, стал изучать здешний язык. Много потрачено времени и труда, пока я успел присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете, так как он состоит из двух:

---

¹ Архиепископ Николай о себе // Русский архив. 1912. № 3. С. 402.

² Цит. по: Дневники святого Николая Японского. Т. 1. С. 23.

природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не слившихся в один.

Недаром когда-то католические миссионеры писали, что японский язык изобретён самим дьяволом с целью оградить Японию от христианских миссионеров. Сколько родов разговорного языка, начиная почти от чисто китайского диалекта до вульгарной речи, в которой, однако, неминуемо вплетаются китайские односложные слова! Сколько разных способов письма, начиная тоже от чисто китайской книги до книг, писанных фонетическими знаками, между которыми опять-таки неизбежно путаются китайские иероглифы! От взаимной встречи и переплетения этих двух языков, принадлежащих к двум различным семействам, с грамматическими конструкциями, совершенно не похожими одна на другую, какое огромное количество выродилось самых невероятных грамматических сочетаний, форм, частичек, хвостиков, часто, по-видимому, ничего не значащих, но требующих, однако, большой деликатности в обращении с собою!»¹.

В результате упорной работы, постоянного чтения японской литературы и постоянного общения с японцами отец Николай «достиг удивительного знания японского разговорного и книжного языка. У него был сильный иностранный акцент, однако это не мешало ему быть понимаемым всеми японцами от мала до велика, богатство словаря и лёгкость построения фраз давали его речи силу, приводившую в восторг всех японцев... Фразы были краткие, обороты самые неожиданные, но чрезвычайно яркие и сильные»². Знание языка позволило святителю Николаю активно заняться изучением истории и культуры страны. Также он приступил к выполнению завета епископа Иннокентия — переводу Священного Писания на японский язык. Научившись говорить и освоив простой

---

¹ Письма русского из Хакодате // Христианское чтение. 1869. Ч. 1. С. 241.

² Позднеев Дм. Архиепископ Николай Японский (воспоминания и характеристика). СПб, 1912.

способ письма, который употреблялся для оригинальных и переводных учёных сочинений, о. Николай начал работу над переводом. Переводил Новый Завет священник не с русского, а с китайского. Об этой кропотливой работе о. Николай писал: «Приступил к переводу Нового Завета на японский, — переводу не с русского: отыскивать китайские знаки для каждого русского слова — труд далеко ещё не под силу мне, да и бесполезный, — а с китайского; дело, по-видимому, лёгкое: японец, хорошо понимающий китайскую книгу, переводит Евангелие на японский, причём почти каждое слово выражено китайским знаком, но около него поставлено японское чтение, и затем все грамматические формы выражены также японскими фонетическими знаками; моё дело было — с другим учёным японцем проверять и поправлять перевод. Работа шла очень быстро, пока я, постепенно знакомясь с китайским текстом, не дошёл до окончательного разочарования в авторитетности его самого. Я выписал из Китая другой перевод Нов. Завета. Оказывается, что один буквален до шероховатости языка и часто до непонятности, другой изукрашен — очень часто до совершенной перефразировки и до пропуска или вставки многих слов. Это заставило меня тщательно следить за текстом по русскому и славянскому переводам. Изредка встречающиеся несогласия между тем и другим (всегда, сколько я заметил, не в пользу первого) побудили меня заглядывать ещё в Вульгату и в английский текст, наконец, я достал и греческий Нов. Завет. Просматривая каждый стих во всех этих чтениях, а в трудных местах прочитывая и толкование Златоуста, я наконец дошёл до такой медленности в переводе, что в 5 часов, которые посвящались в сутки на эту работу, переводил не более 15 стихов»¹. Осознавая всю важность и необходимость перевода священных книг на японский язык для проповедования идей православия, о. Николай вместе с тем понимал, что сил одного человека для этого недостаточно. «Один перевод Нового Завета, — писал

---

¹ Письма русского из Хакодате // Христианское чтение. 1869. Ч. 1. С. 243.

он, — если делать его отчётливо (а можно ли делать иначе?), займет ещё по крайней мере два года исключительного труда. Затем необходим перевод и Вет. Завета; кроме того, если иметь хоть самую малую христианскую церковь, решительно необходимо совершать службу на японском языке; а прочие книги, как Свящ. История, Церковная История, Литургика, Богословие? Всё это тоже предметы насущной потребности»¹.

«ТРУД НЕ ПРОПАДЁТ ДАРОМ»

Загадочная Страна Восходящего Солнца долгое время являлась для русских terra incognita. Недостаток знаний о Японии приводил к тому, что представление русского человека о японцах сводилось к образу «какой-то фигуры в халате, с косичкой на маковке, смешно приседающей и хихикающей»². Поэтому святитель считал необходимым «изучить не костюм и внешние приёмы японца, а его дух в историческом развитии, словом — изучить его литературу»³. В письме к святителю Иннокентию о. Николай писал: «Много лет меня также манила на своё поле наука; японская история и вся японская литература — совершенно непочатые сокровища, — стоит лишь черпать целыми пригоршнями, всё будет ново, интересно в Европе, и труд не пропадёт даром»⁴.

Как отмечает профессор К. Накамура, о. Николай был чуть ли не «единственным христианским миссионером, обладающим в эпоху Мэйдзи таким глубоким пониманием Японии»⁵.

---

¹ Там же. С. 248.

² *Николай (Касаткин)*. Сёгуны и микадо. Исторический очерк по японским источникам // Русский вестник. 1869. № 11. С. 207.

³ Там же.

⁴ *Иванова Г.Д.* Жизнь и деятельность святителя Николая Японского // Православие на Дальнем Востоке. Памяти святителя Николая, апостола Японии (1836–1912). Вып. 2. СПб, 1996. С. 13.

⁵ Дневники святого Николая Японского. Т. 1. С. 38.

О. Николай стремился как можно больше узнать о жизни в Японии, познакомиться с обычаями её народа, чтобы лучше подготовиться к выполнению своей миссии — проповеди православия. «Я старался сначала со всей тщательностью изучить японскую историю, религию и дух японского народа, чтобы узнать, в какой мере осуществимы там надежды на просвещение страны евангельской проповедью, и чем больше я знакомился со страной, тем более убеждался, что очень близко время, когда слово Евангелия громко раздастся там и быстро пронесётся из конца в конец империи». Изучая духовную жизнь японцев, о. Николай пришёл к выводу о том, что «японский народ в религиозном отношении можно разделить на четыре класса: верующих в бесчисленное множество будд и бодисатв и молящихся им, без всякого разумного отчёта, кроме единственного натолкованного бонзами побуждения — по смерти избежать ада, — это старухи и старики из простонародья; очень слабо верующих, но не считающих себя обязанными молиться, — это вся, далёкая от смерти, молодёжь из простонародья; презирующих буддизм, но стоящих горюю за Синту, хотя и не верующих, — это всё горячие патриоты из образованного класса; наконец, презирующих и буддизм и Синту и не верующих ни во что, кроме Конфуциева безличного неба, или самоизобретённого жизненного духа и т. п., это образованный класс вообще»¹.

Очень внимательно наблюдал святитель за методами работы миссионеров других христианских конфессий, проникнувших в Японию раньше русского православия. «Приехав в Хакодате, они прежде всего старались наружно познакомить с собою город и сами познакомиться с ним: почти во всякое время дня их можно было встретить чуть не разом во всех пунктах города, идущими всегда вдвоём, мягкою, вкрадчивою походкой, в чёрных рясах с капюшонами, с важностью на лице, со взором, готовым каждое мгновение устремиться в небо; иногда они

---

¹ Письма русского из Хакодате // Христианское чтение. 1869. Ч. 1. С. 252.

вооружались миниатюрными молитвенниками и читали их во время прогулки по городу, к немалому удивлению японцев. При прогулках они не упускали случая заговаривать с японцами и приглашать их к себе, обещаясь показать “очень почтенного бога”. Таким образом, в несколько недель после их прибытия уже все в Хакодатэ, от мала до велика, знали, что это именно французские бонзы, приехавшие учить народ своей вере, и многие охотно вызывались слушать их. Так много значит одно имя миссионера! Познакомив с собою город наружно, они не замедлили идти далее: во время прогулок стали заходить в японские дома; многим, конечно, не нравится такая навязчивость; мне случалось слышать изумление и даже ропот на эту бесцеремонность; но расчёт верен: если из пяти домов, в которые они зайдут, в одном их примут и ответят визитом на их любезное приглашение, то и это добыча огромная: в год с сотней домов можно свести знакомство.

Мало-помалу они нашли агентов для зазывания к себе людей слушать о вере. Как этим агентам, так и всем желающим, они раздают для чтения христианские книжки на китайском языке, легко понимаемом образованными японцами, и между прочим Евангелие. Только к Евангелию они прибавляют, отдельно и крупнейшими буквами напечатанный, известный текст, служащий краеугольным камнем папства, — где Иисус Христос говорит ап. Петру о создании церкви на камне его веры. Скромность шрифта и издания самого Евангелия бледнеют пред листом этого евангелия евангелий. Видно, по этой мерке нужно судить о важности догмата о главенстве папы сравнительно с прочими догматами, почерпаемыми из Евангелия! Ко всем этим действиям иезуиты, по своему обычаю, не могли не присоединить кое-каких прикрас, вытекающих из правила: “цель оправдывает средства”. Немедленно по приезде в Хакодатэ они пустили молву, что, по постройке церкви, будут говорить проповеди японцам и “при этом угощать всех хлебом и чаем”, а “тем, которые примут их веру, будет отпускаться по 200 рёо (больше 350 руб.)”. Первое, пожалуй, нетрудно делать при деньгах, хотя неблагоприятно; а второго невозможно

исполнить даже при богатствах иезуитов; но цель достигается: молва разносится по городу, возбуждая у многих порицание и негодование; а ещё у больших желание слушать проповеди и принять веру.

О нашей православной вере они стараются распускать между японцами ту клевету, общую всему западу, что у нас император глава церкви: успехов между японцами, впрочем, у них ещё нет. Японцы, заходя к ним, остаются недовольны тем, что они обращаются с ними, иные выражаются, как с детьми, другие — как буддийские бонзы со своими прихожанами: подводят постепенно ко всем религиозным картинам, без числа навешанным в разных углах комнат, и заставляют кланяться, приговаривая лишь, что “это очень почтенное лицо”; или объясняют веру, показывая альбом с библейскими картинами и делая пояснения, мало понятные японцам»¹.

Не имея возможности открыто проповедовать Слово Божие, отец Николай тем не менее «старался делать, что возможно, и для непосредственной миссионерской цели. На первый раз, конечно, нужно было искать людей, которые, приняв христианство, способны были бы, в свою очередь, сами служить к распространению его. Хакодатэ, к несчастью, слишком дурное место для этого: это небольшой город в северной части Японии, получивший значение лишь со времени открытия его для иностранцев, с тех пор мало-помалу расширяющийся, но в составе своём решительно не имеющий требуемых элементов; нет здесь ни учёных, которые массами праздношатаются в Едо или в других значительных местах, ни образованных бонз, ни вообще людей не занятых.

Уж четыре года спустя, по прибытии моём сюда, Бог послал мне одного человека... Познакомившись с Верою, он почувствовал отвращение к своему служению, бросил его и решился посвятить свои силы на служение Богу истинному»². Этим человеком был синтоистский жрец из Хакодатэ Такума

---

¹ Там же. С. 254.

² Там же. С. 255–257.

Савабэ. Он входил в тайное общество, состоявшее из военных, поставивших своей целью изгнать всех иностранцев из Японии. Савабэ был превосходным фехтовальщиком и в качестве учителя фехтования приходил к сыну русского консула И.А. Гошкевича. В консульстве он каждый день встречался с о. Николаем. Наконец он подошёл к нему. «Пришедши, он грубо начал: “Вы, варвары, приезжаете высматривать нашу страну; особенно такие, как ты, вредны; твоя вера злая”. — “А вы знаете мою веру, что так отзываетесь о ней?” — спросил я. “Ясно не знаю”. — “А не зная вещи, поносить её — разумно ли?” Это несколько остановило его, но он с прежнею грубостью произнес: “Так что же за вера твоя? Говори”. — “Изволь слушать”, — ответил я.

И стал говорить о Боге едином, о Боге Творце вселенной, Боге Искупителе. По мере того, как я говорил, лицо моего слушателя прояснялось, и он, не переставая внимательно слушать, одною рукою достал из-за пояса тушницу, другою — из рукава бумагу, и стал записывать мою речь. Через час или полтора он был совсем не тот человек, который пришёл. “Это совсем не то, что я думал”, — сказал он, когда я окончил говорить. “Поговорите ещё”, — попросил он уже ласково. “Приходите”, — пригласил я. И он стал приходить каждый день; а через неделю был уже в душе христианином. [...] Христос невидимо Своею благодатию коснулся сердца Своего врага, сердца чистого, только пребывавшего во мраке, блеснул на него лучом Своего света — и врага не стало; он обратился не только в верного последователя, но и в горячего проповедника Христа»¹. «Спустя год он нашёл себе товарища, а ещё в продолжение года они нашли себе третьего собрата. Из этих людей и подобных им я льстился когда-то образовать настоящих миссионеров: увы, надежды мои давно разлетелись в прах! Они, правда, умны, образованны в японском смысле, высоконравственны, искренно верующие

---

¹ *Сергий*, архим. На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). Сергиев Посад, 1897. С. 96–97.

и готовые жертвовать собою для успехов принятой ими веры»¹. Общение с японцами убедило отца Николая в том, что «на миссионеров из японцев надеяться нечего; когда появится на японском языке полная богословская литература, тогда, с нею за плечами, японец может идти на проповедь: но до этого ещё далеко. Теперь же японцы могут быть полезны только как катехизаторы, под непосредственным руководством действительного миссионера. Составлена была инструкция, с точным распределением занятий катехизаторов; часть времени определена была на дальнейшее изучение ими самими веры, из чтения книг и из личных бесед со мною, другая часть — на распространение веры между народом. Мало-помалу нашлось до 20 человек, мужчин и женщин, готовых слушать христианское учение. Катехизаторы делали у себя собрания для них или ходили на дом»².

МИССИОНЕРЫ И ОБРАЩЁННЫЕ

По мнению святого Николая, будущее Православия на японской земле всецело зависит от тех людей, которые будут его представлять. В этой связи особые надежды он возлагал на самих японцев, принявших Евангелие: «Приступая к делу миссии, в числе туземцев прежде всего должно искать таких людей, которые способны были бы, приняв христианскую веру, сами в свою очередь послужить для распространения её. На них, как скоро они найдены, миссионер по преимуществу не должен щадить ни своего времени и труда, ни своих материальных средств, какими может располагать, — это его будущие помощники в деле проповеди, катехизаторы. В первое время, пока христианскому проповеднику не дозволено ещё открыто являться пред народом с проповедью, на этих-то катехизаторах по преимуществу основывается надежда на возможное

---

¹ Письма русского из Хакодате.

² Там же.

расширение пределов проповеди: достаточно наученный вере и, для большей свободы в употреблении времени и сил своих на дело служения вере, обеспеченный дневным пропитанием катехизатор под руководством миссионера может делать у себя веропроповеднические собрания для своих знакомых, входить в другие дома с проповедью и даже, по мере возможности, отправляться для проповеди в другие города и селения» (Инструкции. § 12).

Русская консульская церковь в Хакодате находилась в ведении епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, начальника эскадры Тихого океана и Российского императорского консульства. Даже жалованье консульский священник получал от двух ведомств: первые три года — от Морского министерства, затем от Азиатского департамента МИД — 2000 рублей серебром в год. А если эту сумму разделить на 12 месяцев, то выходило по 160 рублей с копейками. Материальное положение было такое, что иеромонах Николай считал каждый грош. Одни только свечи, которые привозили из Николаевска-на-Амуре, стоили 100 рублей. Их хватало на два-три месяца. Николай обращался к консулу Гошкевичу за помощью, благо у консула имелись деньги на «экстраординарные расходы». И хотя он всегда помогал Николаю, настоятель церкви тяготился таким положением. В 1869 г. епископ Иннокентий посоветовал отцу Николаю ехать в Санкт-Петербург и добиваться открытия миссии. Это могло бы дать ему экономическую и административную независимость.

19 декабря 1869 г. из Ведомства православного вероисповедания (хозяйственное управление при Святейшем синоде, отделение II, стол 2) министру финансов было отправлено письмо за № 15236: «Настоятель церкви нашей при Консульстве в Хакодате, в Японии, иеромонах Николай, в представленной ко мне записке, объясняя о необходимости основания в Японии русской духовной миссии, указывает на благоприятные условия для распространения в этой стране христианства.

По свидетельству о. Николая, изучившего в течение 8-летнего пребывания своего в Японии историю её, религию и дух японского

народа, японцы отличаются самой живой любознательностью и в последнее время обнаруживают сильное стремление к усвоению европейской культуры...»

О. Николай отправился в Россию лично ходатайствовать перед Святейшим синодом об открытии миссии. По проекту о. Николая, необходимо было открыть 4 миссионерских стана: в г. Нагасаки, на о. Хонсю в г. Иокогама (еще лучше — в бывшей сёгунской столице г. Эдо) и г. Хого, для северных районов страны — в г. Хакодате, где уже имелась церковь при русском консульстве, для чего требовалось дополнительно три священнослужителя из числа выпускников духовных семинарий или академий и один причётник. Для финансового обеспечения миссии святитель Николай считал достаточным 10 тыс. руб. единовременного и 6 тыс. руб. ежегодного содержания, которые были бы употреблены на строительство домов для миссионеров и выплату им жалованья.

В июне 1870 г. в государственное казначейство поступило распоряжение министра «открыть, на счёт действительных остатков от заключённых смет, в росписи непоказанных, к § 6 ст. 4 действующей сметы вед. Св. синода сверхсметный дополнительный кредит в 8 т. руб. в распоряжение Хозяйственного Управления при Св. Синоде на первоначальное устройство и содержание духовной миссии в Японии»¹. На содержание миссии предназначалось 3 тыс. рублей и 5 тыс. выделялось на постройку домов. Настоятель православной церкви при Русском Консульстве в Хакодате проинформировал, что «содержание японской миссии удобнее присылать крупной серебряной монетой на имя российского консула в Японии»². Начальнику С.-Петербургского монетного двора было предписано передать в главное казначейство требуемую сумму крупной серебряной монетой³.

---

¹ Письма русского из Хакодате. Л. 10–10 об.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Л. 13.

Определением Святейшего синода от 2 сентября 1870 г. отец Николай как начальник миссии был возведён в сан архимандрита, и ему была присвоена степень настоятеля второго-классного монастыря. В связи с предложением обер-прокурора Святейшего синода графа Д.А. Толстого членам миссии были предписаны крайняя осмотрительность, осторожность и сдержанность при обращении в Православие местного населения, так как соответствующего законодательства о свободе вероисповедания в тот период в Японии, в отличие от Китая, принято ещё не было. «До настоящего времени японское правительство ещё не признало возможным, подобно китайцам, допустить свободное и открытое проповедование христианства, со включением этого позволения в международные трактаты. Мы видим, правда, что во всех открытых портах Японии уже давно успели поселиться миссионеры разных иноверческих исповеданий, но эти лица, не имея никакого официального характера, действуют, так сказать, на собственный страх и даже очень редко пользуются поддержкою или покровительством со стороны иностранных дипломатических представителей, за исключением разве только римско-католических миссионеров. Наша духовная миссия находится в совершенно ином положении: учреждённая правительством, она будет состоять под покровительством русского представительства в Японии. Поэтому она должна соблюдать крайнюю осторожность в своих действиях до тех пор, пока положение христиан-туземцев в Японии не разъяснится окончательно»¹.

Для успешной и полноценной деятельности миссии святителем Николаем были отобраны три человека: выпускник Казанской духовной академии, вдовый священник Григорий Воронцов и студенты Киевской духовной академии — старшего курса иеромонах Анатолий (Тихай) и младшего курса Павел Забелин. Выбор не во всём оказался удачным. «О, как больно, как горько иной раз на душе за любезное Православие! Я ездил в Россию звать людей на пир жизни и труда, на самое прямое

---

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 151. № 1422а. Л. 100–100 об.

дело служения Православию. Был во всех четырёх Академиях, звал — цвет молодёжи русской по интеллектуальному развитию и, казалось бы, по благочестию и желанию посвятить свои силы на дело Веры, в которой она с младенчества воспитана. И что же? Из всех один, только один отозвался на зов — такой, каких желалось бы иметь: воспитанник киевской академии П. Забелин; да и тот дал не совсем твёрдое и решительное слово, и тот, быть может, изменит. Все прочие, все положительно — или не хотели и слышать, или вопрошали о выгодах, о привилегиях службы»¹. Осенью 1870 г., обременённый многочисленной христианской литературой, закупленной на деньги добровольных жертвователей, церковной утварью, литографическим станком, подаренным Азиатским департаментом Министерства иностранных дел для печатания необходимой светской, учебной и духовной литературы, и многим другим, святитель Николай отбыл из Санкт-Петербурга вместе с о. Григорием Воронцовым. Путешествие с о. Григорием тяжело далось архимандриту: «Боже, что за крест ты послал мне! И за этим-то я ездил в Россию? Истратил два года лучшей жизни? Все четыре Академии дали пока вот только это сокровище, с которым я теперь мучусь и от разговора с которым, я думал, сегодняшний вечер у меня голова поседеет. Едет православным миссионером, а оспаривает постановления Православной Церкви, непогрешимость Вселенских Соборов... Десять лет в Японии я мечтал о сотруднике-единомышленнике: то были лучшие мои мечты, сладкие отдыхи от тяжких трудов. И вот он — этот вожаемый сотрудник едет со мною. Но Боже! Что это за бедный душою человек, и как горько мне с ним!»².

Оставленная без пастырского присмотра православная община благодаря стараниям японцев-катехизаторов, и в первую очередь Павла Савабэ, за два года не распалась, но даже приумножилась.

---

¹ Дневники святого Николая Японского. Т. 1. С. 73–74.

² Там же. С. 74–76.

Приехавший в июле 1872 г. с инспекционной целью в г. Хакодате преосвященный Вениамин, епископ Камчатский, Курильский и Алеутский, отмечал высокий уровень организации и состояния миссионерского дела среди японцев. В день Успения Божией Матери в хакодатской консульской церкви им было совершено первое на японской земле торжественное архиерейское богослужение. В рапорте в Святейший синод он подробно описал это событие. «Православная Церковь в г. Хакодате по внутренней красоте своей после Благовещенского кафедрального собора есть лучшая во всей Камчатской епархии. Она деревянная на каменном фундаменте; построена в русско-византийском стиле на самом высоком месте в городе, так что как бы господствует над всем городом, придавая и ему самому издали вид православного русского города. Внутри церковь отделана с изяществом, достойным храма Божия; карнизы и купол украшены золотыми багетами, иконостас позолоченный, с иконами академической живописи, ризница весьма приличная, чистота в храме постоянная, потому что японцы не иначе вступают в храм, как оставивши обувь за дверями. И таким благоустройством Хакодатская церковь обязана главным образом попечению архимандрита Николая, который не только собирал на неё пожертвования и наблюдал за всеми работами, но и сам личным трудом участвовал в работах. Богослужение по воскресным и праздничным дням совершается постоянно, а в Великий пост сверх того совершалось для говеющих на пятой и Страстной седмице. За отсутствием из Японии псаломщика обязанности его по усердию исполнял сам Хакодатский консул Оларовский... Богослужение вообще совершается на церковнославянском языке, только “Господи помилуй”, “Святыи Боже”, Апостол и Евангелие, “Верую” и “Отче наш” читается и поётся по-славянски и по-японски... Кроме японцев-христиан и язычников, Хакодатскую православную церковь посещают для молитвы и христиане англиканского исповедания, англичане и американцы. В Хакодате есть ещё Церковь Римско-католическая в доме французской церковной миссии; но англичане

и американцы предпочитают ей церковь православную... В миссионерской литографии напечатано пока только три книжки на японском языке: 1) Главные молитвы (двумя изданиями); 2) Православное исповедание веры святителя Дмитрия Ростовского и 3) Катехизис для оглашенных. Готовы к печати переведённые архимандритом Николаем: Краткая Священная история, Евангелие от Матфея и Чин оглашения язычников, желающих принять православную веру».¹

К счастью для о. Николая, в Хакодате прибыл выпускник Киевской духовной академии иеромонах Анатолий (Тихай), ставший на долгие годы его верным помощником и соратником. Благодаря его переложениям на ноты переводов святителя Николая, уже к концу 1873 г. всенощную можно было полностью служить по-японски. При содействии о. Анатолия в начале 1874 г. из России в Японию был вызван его родной брат, семинарист и учитель пения Яков Тихай, для постановки церковного пения. Архимандрит Николай смог оставить хакодатскую церковь на о. Анатолия и 4 февраля 1872 г. переехать в Токио.

ДОРОГА К ХРАМУ

Запрет на Православие ещё не был отменён, тем не менее русские представители в Японии констатировали, что «образ действий здешнего правительства в отношении к японцам, принявшим христианскую веру или обучающимся у иностранных миссионеров, значительно изменился к лучшему... Поворотом в настроении правительства в этом отношении можно считать время, последовавшее за арестом двух японцев-христиан, находившихся в услужении у настоятеля консульской церкви в г. Хакодате. (Подробнее см. документы опубликованные в Приложении.) По поводу этого дела правительство предписало губернским властям не подвергать аресту людей, принявших

---

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 151. № 1422а. Л. 228–229, 229 об.

христианство, без особого разрешения центрального управления. Ещё большее значение имело распоряжение, на основании которого выставленные в городах и сёлах доски с начертанным на них древним законом, воспрещающим исповедование христианской веры, приказали не заменять новыми, когда они приходят в ветхость, что, в сущности, сводилось к дозволению уничтожать эти доски во всякое время. Таким образом, правительство, не решаясь ещё открыто высказать, что оно отказывается от нерасположения своего к христианской вере, по крайней мере готовится народ взирать на неё менее предубеждённым образом и прокладывает путь к ещё более либеральным мерам. Это благоприятное для христианства настроение обнаруживалось в разрешении печатно рассуждать о христианстве, что до сих пор было запрещено под страхом строжайших наказаний»¹.

С 1873 г. стала возможной открытая проповедь Православия. В Токио о. Николай, на холме Суругадай, приобретённом российским правительством в бессрочную аренду, задумал строительство большого каменного здания для церкви и школы. В 1875 г. рядом было построено здание для катехизаторского училища и семинарии. Учебная программа была рассчитана на 7 лет и включала в себя изучение Священного Писания, богословских предметов, истории (русской и японской), китайских классиков.

Быстрый рост числа православных японцев привёл к нехватке духовенства, которое могло бы руководить церковной жизнью. Первым православным священником из японцев стал Павел Савабэ, рукоположенный в 1875 г. Ещё пятеро проповедников были рукоположены в 1878 г.; к этому году было уже 27 катехизаторов и 50 катехизаторских помощников. В 1883 г. японских священников было 11, а в 1890-м — 18.

В далёкой России пристально следили за деятельностью миссии, придавая ей большое политико-дипломатическое значение. В августе 1875 г. было опубликовано «Воззвание о повсемест-

---

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 43. П отд. 3 ст. Л. 2–2 об.

ном в России сборе пожертвований на нужды православной духовной миссии в Японии», которым все заинтересованные и имущие граждане призывались оказать посильную помощь в деле проповеди Православия через сеть местных комитетов православного миссионерского общества и в специальных представительствах миссии в Москве и Санкт-Петербурге. Отклик на это воззвание был повсеместным. Большую помощь миссии оказали Его Императорское Высочество великий князь Алексей Александрович, вице-адмирал К.Н. Посыет (протестант по вероисповеданию), диакон Успенской на Остоженке церкви в Москве Г.Г. Сретенский, временный поверенный в делах и генеральный консул России в Японии Е.К. Бюцов и многие другие.

В 1879–1880 гг. архимандрит Николай вновь посетил Россию, хлопоча о денежной помощи миссии и собирая пожертвования на строительство собора. Каждый день пребывания о. Николая на родине был наполнен визитами и встречами, рассказами о Японии и о деятельности православной миссии, интерес к которой и среди священства и в высшем обществе был очень велик. Но, как отмечал святитель, «об Японской миссии нигде и никто ничего не знает, и нужно всем подробно рассказывать»¹. Перспективы финансирования миссии определились не сразу. Директор хозяйственного управления Св. синода А.Г. Ильинский откровенно рассказал архимандриту Николаю, что «из Св. синода последнее отдали на миссию; дальнейшее зависит от Госуд. Казначейства. Смирнов и Ильинской пожелали иметь к приезду обер-прокурора краткую записку — с цифрами — что и на что»². Протоиерей при Малой церкви Зимнего дворца И.В. Рождественский также сообщил, что денег ни в Синоде, ни в государственном казначействе нет, более того, запрещено даже просить из казначейства на что-то новое, но посоветовал обратиться за помощью в лавры и монастыри.

---

¹ Дневники святого Николая Японского. Т. 1. С. 83.

² Там же. С. 87.

Следуя совету А.Г. Ильинского, о. Николай составил схему «для представления или показывания кому следует». Для духовной миссии в Японии необходимы:

епископ;

7 миссионеров;

3 певчих и вместе учителей пения в Семинарии и катехизаторское училище и помощников преподавателя в Семинарии; иконописец и вместе учитель иконописи и храмовый архитектор;

2 диакониссы.

Имеются налицо:

4 миссионера, с содержанием их;

1 певчий и регент миссийского хора, без содержания;

1 диаконисса, без содержания.

Нужны вновь рубли серебряной монетой:

епископ с содержанием каждому [так!] — 3695;

3 миссионера, с содержанием каждому 2000 руб., всем 6000;

Содержание нынешнему регенту хора — 1500;

2 певчих с содержанием каждому 1200 руб., обоим — 2400;

содержание для нынешней диакониссы 1200, и другая диаконисса, с тем же содержанием, обеим — 2400;

иконописец, с содержанием — 2500.

Итого — 18 495.

На нужды миссии и церкви, как изъяснено в рапорте Св. Синоду — 46 000.

Всего — 64 496 [sic].

Эту сумму предполагается добыть из следующих источников:

От Рижского викариатства — 3695;

Обещано:

От Св. Синода, из капитульных — 3000;

От миссионерского общества — 23 800;

Из государственного казначейства — 26 000;

От Александро-Невской лавры — 2000;

От Троице-Сергиевой лавры — 2000;

От Юрьевского монастыря — 2000;

От Киево-Печерской лавры — 2000.

Всего — 64 495.

Примеч. Больше сей суммы Миссия никогда не попросит никакой помощи ни от какого учреждения. Нужду в построении миссийского храма и женского училища рассчитывается удовлетворить добровольными пожертвованиями»¹.

Представив эту схему митрополиту, о. Николай получил следующий ответ: «Что схема! Вы думаете, не хотят делать: не не хотят, а нет средств: в Синоде — нет, в Государственном казначействе не дадут»². На просьбу о. Николая выделить от лавры 2000 руб. ежегодно, митрополит ответил, что выделит эту сумму не от лавры, а от митрополичьей кафедры. Похожая ситуация сложилась в Москве, где святитель Николай встретился с митрополитом Макарием и получил 2000 руб. от кафедры. Такую же сумму выделил митрополит Киевский. Хождения с просьбами по частным домам и церквям, несмотря на встречаемый отклик, не приносили о. Николаю удовлетворения. «Ужель это дело — собирать тряпье по церквам? И как же надоели мне все эти разъезды всегда почти впустую. Собирать пожертвования — мука. И дают как же плохо. Каждый день в разгоне, и почти каждый день — нуль!»³. Вопрос о государственном финансировании продвигался неспешно. 19 ноября 1879 г. А.Г. Ильинский обнадёжил святителя, показав бумагу к обер-прокурору от министра финансов — «весьма определённую, что даются 26 тыс. метал. рублями вдобавок к 3695 рублям»⁴. Дальнейшее рассмотрение вопроса передавалось в Государственный совет.

Помимо сбора средств, о. Николай был озабочен ещё одним делом — выбором архитектора для строительства храма в Токио. Он обратился к ректору Академии художеств по

---

¹ Дневники святого Николая Японского. Т. 1. С. 91–92.

² Там же. С. 93.

³ Там же. С. 143.

⁴ Там же. С. 107.

части живописи и скульптуры Ф.И. Иордану и ректору по части архитектуры А. И. Резанову и несколько раз посещал художественные и архитектурные мастерские. Планы собора предложили А.И. Поликарпов, П.И. Реутов, позже сын ректора Д.А. Резанов, но по тем или иным причинам все проекты были отвергнуты. Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор порекомендовал довольно известного в то время архитектора Михаила Арефьевича Щурупова. «Он предложил ещё план храма круглого, как самый лучший в видах обеспечения против землетрясений»¹. После нескольких визитов к зодчему, во время которых Щурупов представлял различные варианты плана, на совместной встрече с митрополитом 16 января 1880 г. был принят окончательный эскиз трёхпрестольного храма с хорами на 1500 человек. За план с деталями Щурупов запросил 750 руб., однако затем снизил цену до 650 руб., вероятно, опасаясь, что митрополит лишит его в дальнейшем возможности рисовать планы для духовенства. 22 января 1880 г. контракт с архитектором на рисунки всех деталей и иконостасов был подписан.

Постройка кафедрального собора Воскресения Христова в Токио началась в 1884 г. Непосредственно постройкой храма руководил английский зодчий Джошуа Кондер. На выбранном для строительства холме Суругадай не хватало места для постройки такого величественного храма. Пришлось делать громадные насыпи и, ввиду частых землетрясений, особенно тщательно закладывать фундамент. Впоследствии это обошлось удорожанием всех работ на громадную сумму более 50 тыс. рублей. С юго-восточной и северной сторон были возведены каменные стены длиной более 400 футов, высотой от 4,5 до 26 футов. В письме К.П. Победоносцеву от 17 февраля 1885 г. о. Николай писал о необходимости расширить миссийский холм и не пощадить расходов на фундамент, прилагая отчёт о том, во сколько обошлось расширение места и укрепление его каменной стеной. «Но ведь на месте бывшего обрыва и

---

¹ Там же. С. 109.

притом в стране землетрясений строится собор! Каких масс камня всяких сортов, кирпича, песку, извести, вулканического пепла вместо портландского цемента и сколько человеческого труда потребовалось, чтобы наполнить эти вырытые пропасти. Теперь место совсем готово для постройки: каменный собор будет стоять почти как на скале».¹ Большое значение для отца Николая имела противосейсмическая стойкость здания. Это было учтено и при проектировании Щуруповым, и при строительстве. Автору проекта Щурупову регулярно присылались отчёты и фотографии всех этапов возведения храма. К концу 1886 г. стены были доведены до сводов и почти закончена колокольня, рабочие чертежи которой были получены весной из Петербурга. В 1887 г. устанавливали купол, детали которого были заказаны в Лондоне. Вся верхняя часть храма представляла из себя сборную конструкцию и была сделана так же тщательно, как и фундамент. Своды дополнительно стягивались стальными полосами, а купол намертво прикручивался болтами к мощным верхним балкам. Особо закрепляли камни выступающих карнизов; все стропила, лаги, балки были соединены мощными болтами в единый каркас. Был сделан и громоотвод, опущенный в цементный колодец под храмом. В 1890 г. в соборе установили иконостас, изготовленный в Петербурге по проекту и шаблонам Щурупова. По его же рисункам была изготовлена и церковная утварь. Основными жертвователями её были камергер Ю.С. Нечаев-Мальцев и московское купечество. Роскошные высеребрённые паникадила и семисвечники, лампы и другие предметы утвари изготавливались в мастерской братьев Синюхиных. Иконы для иконостаса писали известный столичный живописец В.М. Пешехонов и японская художница, крещёная в 1879 г. Ямасита Рин. Три года, 1880–1883-й, она провела в Петербурге, обучаясь в Новодевичьем монастыре иконописи. Строительство собора обошлось в значительно большую сумму, чем первоначально собранная в России, затраты превысили 200 тысяч руб. Уже

---

¹ РГИА. Ф. 799. Оп. 4. Д. 947. Л. 76 об.–77.

в октябре 1885 г. средства были истощены, и владыка просил Синод о помощи. Несколько раз работы останавливались, так как оплачивать их было нечем. И всё же возведение храма завершалось, а с завершением строительства прекратились толки и слухи, будоражившие японских обывателей, предполагавших в непонятном сооружении, возвышавшемся над городом, русскую крепость. Собор, крестообразный в плане, как и хотел отец Николай, был построен по типу корабля, т. е. с последовательным присоединением объёмов собственно храма, трапезной и колокольни. Главный и единственный купол был покрыт красной листовой медью, восемь его граней, кружок под маленькой луковичной главкой с крестом и обводы восьми окон вызолочены. Собор не был расписан внутри, и главным украшением его интерьера служил трёхъярусный иконостас, а в алтарной части — престолы и жертвенники из белого мрамора.

День освящения собора стал поистине праздником в истории Японской Православной Церкви. Узнав о торжествах, митрополит Исидор записал в дневнике: «Великое и многотрудное дело с помощью Божиею кончено!»¹ Главный престол, Воскресения Христова, был освящён 24 февраля 1891 г. Во время церемонии, несмотря на то что внутрь пускали только по билетам, собор вместил в себя в два раза большее число верующих, чем то, на которое был рассчитан. Толпы горожан собрались внизу, слушая хор певчих. Российский посланник Д.Е. Шевич сообщал в рапорте о торжественном освящении собора, об огромном стечении христиан, о примерном порядке вокруг, несмотря на необычные для Токио трезвон восьми колоколов и зрелище крестного хода². 28 февраля и 2 марта освятили соответственно правый придел — во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы и левый — во имя апостолов Петра и Павла, что было символично: праздник Введения во храм — это праздник учащихся, а Петр и Павел — первосвятители, провозвестники христианства.

---

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 454. Л. 767.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 61. Д. 150. Л. 3.

Освещение Воскресенского собора (называемого японцами Николай-до) состоялось менее чем за два месяца до визита Николая Александровича и стало знаковым событием в истории русской православной миссии в Японии. За 20 лет своей деятельности Николай Японский завоевал в Стране Восходящего Солнца такое уважение и моральный авторитет, которого хватило для того, чтобы оградить православную общину от преследований даже в период Русско-японской войны и сопутствовавшего ей подъёма шовинистических настроений. Бесспорно, как и положено миссионеру, Николай Японский мечтал о том, чтобы большинство жителей Страны Восходящего Солнца приняли Православие, рассчитывая при этом и на содействие японского правительства, которое, по его мнению, должно было бы способствовать распространению христианства, хотя бы в целях более плотного сближения с европейской цивилизацией. Показательна, например, запись, сделанная им в дневнике в связи с поездкой в Европу принца Арисагавы в 1889 г.: «... имеет он, между прочим, назначение лично вручить орден нашей Государыне от здешней. Хочет быть и в Москве. Не ему ли секретно назначено присмотреться к верам? А открыто он имеет назначение изучать военное искусство»¹.

В реальности японское правительство хотя всерьёз и не препятствовало, но и не предпринимало никаких шагов в поддержку христианства, считая приверженность населения традиционным вероучениям одним из способов сохранения национальной самобытности, способной консолидировать нацию в кризисных ситуациях.

Тем не менее, несмотря на все бури и потрясения XX века, православная община Японии оставалась той живой нитью, которая продолжала связывать два народа нитью взаимного интереса и уважения. Полностью уничтожить и разрубить её было невозможно ни самурайской катаной, ни русской саблей.

---

¹ Запись от 31 января (12 февраля) 1889 г. // Дневники Николая Японского. Т. 2. СПб, 2004. С. 314.

ГЛАВА 8 ЗА ГОРИЗОНТОМ — ВОЙНА

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

В 1889 г. произошло важнейшее событие в истории Японии — принятие конституции, означавшее превращение страны в парламентскую монархию.

Столь значительная реформа существенно повысила самооценку нации и в определённой степени способствовала подъёму ксенофобских настроений, направленных против неравноправных торговых договоров (трактатов) со странами Запада. Знаток Дальнего Востока В. Червяков писал: «В японском обществе в течение последних лет шло глухое брожение против чрезмерного увлечения всем иностранным, против слепого поклонения западным идеалам и обычаям и презрения ко всему своему; это движение приняло широкие размеры и стало сказываться резким отчуждением и холодностью высших, образованных классов Японии по отношению к иностранцам вообще. Теперь, при мысли, что вся страна безданно-беспошлинно, так сказать, будет открыта этим иностранцам, японским обществом овладела вдруг паника. Местная пресса, являющаяся верным показателем господствующего в тамошней интеллигенции настроения, на все лады звонила о том, что Япония будет теперь наводнена иностранной эмиграцией, её национальные обычаи погибнут, её естественные богатства, торговля и промышленность — всё попадёт в руки

иностранных капиталистов, самая почва её путем аренды или покупки перейдет в руки тех же самых иноземных богачей; народ японский обратится фактически в их рабов, и независимая Япония не будет существовать больше. Чтобы не дать возможности осуществиться всем этим ужасам, в местной печати стала проводиться та идея, что переговоры о пересмотре трактатов не могут считаться действительными...

Несмотря, однако, на всё более и более возраставшее общественное возбуждение, японское правительство продолжало энергично вести с иностранными державами переговоры о пересмотре трактатов. Негодование обрушилось тогда на графа Окума, министра иностранных дел, главного сторонника пересмотра трактатов в духе, благоприятном для европейцев; его громко стали называть изменником национальному делу. Нашелся один фанатик, который 25 октября 1889 г. бросил в графа Окума динамическую бомбу, раздробившую министру бедро. Считая свою жертву мёртвой, убийца тут же зарезался. Граф Окума отделался потерей одной ноги, но его дело на этот раз было проиграно; японское правительство, ввиду крайне опасного характера, какой начала принимать агитация против широкого открытия Японии иностранцам, прекратило переговоры о пересмотре трактатов, и даже те трактаты, которые были уже заключены с Америкой, Германией и Россией, остались нератифицированными»¹.

Применительно к России речь идёт о новом торговом договоре между двумя странами, подписанном в Токио 17 (29) июля 1889 г. Россия по его условиям отказывалась от консульской юрисдикции в обмен на согласие японской стороны издать новые кодексы гражданского права, предусматривающие допуск иностранных судей для разбора дел, а также такой меры, как отмена ввозной пошлины на сушёную рыбу. Для Японии он был достаточно выгоден, но также оказался отложен, что лишний раз подтверждает иррациональность любой ксенофобии.

---

¹ Червяков В. Из новейшей истории Японии // Вестник Европы. 1894. № 12. С. 521–522.

Напомним, что в 1891 г. началось строительство Транссиба, однако, забегаая вперед, стоит отметить, что регулярное сообщение между столицей империи Санкт-Петербургом и тихоокеанскими портами России Владивостоком и Порт-Артуром было установлено только в июле 1903 г., менее чем за полгода до начала войны с Японией. Впрочем, и тогда проект ещё не был окончательно закончен, поскольку через Байкал поезда приходилось переправлять на специальном пароме. И лишь в конце сентября 1904 г., уже после битв при Шахэ и Ляояне, в эксплуатацию запустили Кругобайский участок, после чего Петербург и Владивосток оказались связаны непрерывной рельсовой магистралью.

В 1891 г. мало кто мог высказать полную уверенность в успешном завершении Транссиба. И совершенно очевидно, что в Японии подобный проект действительно должен был вызвать самую глубокую озабоченность. Наличие железной дороги позволяло в несколько раз ускорить темпы освоения Сибири и Дальнего Востока, поскольку подобная магистраль должна была стать своего рода становым хребтом, вокруг которого формировалась бы экономическая инфраструктура края. Соответственно, должно было увеличиться и российское военное присутствие в Тихоокеанском регионе. Открыв боевые действия в начале 1904 г., японские стратеги успели поймать последний момент, когда масштабы этой военной мощи не увеличились настолько, чтобы сама возможность победы в подобной борьбе не стала совершенной фантастикой. Тем не менее именно благодаря Транссибирской магистрали Россия к середине 1905 г. смогла сосредоточить на Дальнем Востоке почти миллионную сухопутную группировку, фактор наличия которой позволил С.Ю. Витте уверенней держаться на переговорах в Портсмуте.

В 1891 г. никто, разумеется, не мог знать будущего, хотя реальные события 1904 г. людьми посвящёнными действительно рассматривались в качестве одного из возможных сценариев. Япония совершенствовала свою военную машину и приглядывалась

к соседним территориям, Россия начинала строить Транссиб и тоже приглядывалась...

Для всех было очевидно, что Россия, в целом превосходя Японию по своей военной мощи, в среднесрочной перспективе мало что могла противопоставить этому юному конкуренту именно в Тихоокеанском регионе.

С другой стороны, людских ресурсов Японии было недостаточно для того, чтобы сделать ставку на мирную миграционную экспансию. Так, согласно данным описи 1897 г. во всём Приморском крае проживало 42 823 китайца, 26 100 корейцев и лишь 2 291 японец¹. Во Владивостоке японцы были объединены в «Ассоциацию земляков», фактически служившую прикрытием для осуществления разведывательной деятельности.

Возможности мирной российской миграционной экспансии, особенно до завершения Транссиба, были ограничены ещё в большей степени, чем возможности японцев.

Удивительно, но в конце XIX века русские коммерсанты в Японии отсутствовали. Во всяком случае, как писал русский посланник в 1890 г.: «На всю Японию, по свидетельству вице-консула в Иокогаме, единственными представителями русского купечества являются два еврея — братья Гинсбурги», один из которых занимался торговлей артистическими вещами, а другой — снабжением экипажей морских судов².

Потенциально перспективным для предпринимателей направлением была организация снабжения Дальнего Востока закупленными в Японии продуктами, а возможно, и топливом (имеется в виду каменный уголь с острова Эзо). Однако, когда Министерство финансов попыталось в 1886 г. проработать данный вопрос применительно к военным подразделениям и объектам, Морское ведомство настояло на сохранении традиционного пути снабжения (из Чёрного моря через Индийский и Тихий океаны),

---

¹ Савельев И.Р., Пестушко Ю.С. Опасное восстановление отношений: Россия и Япония в Первой мировой войне, 1914–1916. 2001.

² Цит. по: Хисамутдинов А.А. Русская Япония. М., 2010. С. 118.

указав, что «лучше переплатить в цене в своём же государстве, чем покупать муку в Японии»¹.

Наиболее же очевидное решение связывалось с развитием рыбного промысла, что объяснялось наличием богатых рыбой районов вокруг побережья Сахалина. Но даже и здесь русские рыбаки не смогли составить достойную конкуренцию японцам, которым в 1885 г. местные власти разрешили свободно заниматься рыбной ловлей в водах острова при условии уплаты совершенно мизерной пошлины по 5 копеек золотом с пуда выловленной рыбы². В результате к 1894 г. русские добывали рыбы в 12 раз меньше, чем японцы.

В 1880-е гг. русские предприниматели попытались наладить экспорт в Японию керосина, что было связано с бурным развитием нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности на базе бакинских нефтепромыслов.

Здесь даже удалось добиться определённых успехов, однако лидирующие позиции на японском рынке остались за американцами, завозившими в Страну Восходящего Солнца примерно в 3-4 раза больше керосина, чем русские.

В определённой степени это объяснялось энергичной и не всегда чисто плотной маркетинговой стратегией американских бизнесменов, распространявших через платную информацию в японской прессе сведения о низком качестве русского керосина (хотя он сгорал медленнее американского и давал более сильный свет)³. Поставки в Японию сахара оказались нерентабельными из-за наличия соперников в лице китайцев, англичан и филиппинцев, несших гораздо меньшие транспортные расходы. Промышленная же продукция российских дальневосточных

---

¹ Гулишамбаров С.И. Международный товарный обмен и участие в нём России в царствование Александра III. СПб, 1911. С. 49.

² Штейнгауз А.И. Русско-японские торгово-экономические отношения (1875–1894) // Россия и страны Азиатско-Тихоокеанского региона в XIX — начале XX в. Иркутск, 1988. С. 43.

³ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 534. Л. 11.

промышленных предприятий оказывалась и вовсе неконкурентоспособной по причине высокой себестоимости.

Конечно, те же транспортные расходы должны были снизиться после завершения строительства Транссиба, на что и указывалось в записке на имя императора от министра финансов С.Ю. Витте от 18 (30) ноября 1892 г. В ней говорилось о том, что подобная магистраль переориентирует российские экспортные потоки от Суэцкого канала и будет способствовать их переброске на китайский рынок. Железная дорога «обеспечит русскому военному флоту всё необходимое и даст ему твёрдую точку опоры в наших восточных портах. Посему с открытием дороги флот этот может быть значительно усилен и в случае политических осложнений как в Европе, так и на азиатском Востоке получит в высокой степени важное значение, господствуя над всем международным коммерческим движением в тихоокеанских водах»¹.

Хотя в записке основной акцент делался именно на Китае, бесспорно, здесь имелась в виду и Япония, правительство которой и само было заинтересовано в диверсификации экспортных поставок с целью избавления от чрезмерной экспортной зависимости по отношению к Великобритании другим западным странам.

Таким образом, именно в экономической сфере возникли определённые предпосылки для сближения между Россией и Японией, что как раз и обозначилось в торговом договоре 1889 г. Правда, вступил в силу он только в 1895 г., после истечения срока ранее заключённых Японией неравноправных договоров с другими державами. При этом российско-японский договор 1889 г. подвергался нескольким незначительным изменениям и стал именоваться «Трактатом о торговле и мореплавании между Россией и Японией».

Трактат был подписан 27 мая (8 июня) 1895 г. и предварялся декларацией, ссылающейся на трактат 1875 г. При этом статья 18-я определяла, что «Настоящим договором со дня

---

¹ Цит. по: Кунаков С.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 189.

вступления его в обязательную силу заменяются: трактат, заключённый в 21 день 12 луны 1 года Ансея, соответствующий 26 января 1855 г.; трактат о торговле и дружбе, заключённый в 11 день 7 луны 5 года Ансея, соответствующий 7 августа 1858 г.; конвенция, заключённая в 28 день 11 луны 3 года Кейо, соответствующий 11 декабря 1867 г., и все дополнительные соглашения и конвенции, заключенные или существующие между высокими договаривающимися сторонами; и с того же дня прекращается обязательная сила означенных трактатов, соглашений и конвенций, вследствие чего юрисдикция, до тех пор отправляемая русскими судами в Японии, и все особые привилегии, изъятия и льготы, коими русские подданные до тех пор пользовались, как входящими в состав этой юрисдикции или к ней принадлежащими, прекращаются и отменяются окончательно и без особого извещения, все же права этой юрисдикции с того же времени будут присвоены японским судебным властям и ими применяемы»¹.

ПОЛЕМИКА ОПТИМИСТА И СКЕПТИКА (МАКСИМОВ ПРОТИВ УХТОМСКОГО)

В своём несколько видоизменённом виде Трактат о торговле появился в иной даже по сравнению с началом 1890-х гг. обстановке, характеризующейся серьёзным усилением позиции Японии на международной арене. 17 апреля (н. ст.) 1895 г. в Симоносеки был подписан мирный договор, завершивший японо-китайскую войну.

Начало этой войны, в свою очередь, совпало с кончиной императора Александра III и восшествием на престол Николая Александровича, который, как считалось, после инцидента в Оцу был настроен на конфронтацию с Японией. В реальности японофобия нового царя не носила явно выраженного

---

¹ Цит. по: Кюннер Н.В. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования Романовых. Владивосток, 1914. С. 53.

характера, наметившееся же сближение с Китаем диктовалось чисто прагматическими соображениями и объяснялось целым рядом факторов.

С учётом задач освоения Дальнего Востока и как рынок сбыта Китай представлял для российского правительства и российских предпринимателей больший интерес, чем Япония. К тому же в качестве военно-политического партнёра ослабленная неудачной войной Поднебесная империя больше подходила на роль введомого, чем усилившаяся после этой же войны Япония. Бесспорно, выбор Петербурга в пользу альянса с Пекином должен был рассердить Токио, однако при заключении российско-японского альянса царской дипломатии пришлось бы в гораздо большей степени учитывать мнение союзника, чем в случае с Китаем. Да и сама возможность российско-японского союза уже выглядела малореальной, поскольку по соображениям экономического и идеологического характера (существование в обеих странах конституционной монархии) правительство микадо в большей степени готово было сотрудничать с Лондоном, чем с Петербургом.

Таким образом, новому российскому императору Николаю II при определении дальнейшей политики России на Дальнем Востоке приходилось выбирать между Японией и Китаем. И очевидно, что даже без инцидента в Оцу всё говорило за то, чтобы он отдал предпочтение Китаю.

Нельзя сказать, чтобы российское общество единодушно одобрило этот выбор. Так, уже упоминавшийся публицист и военный моряк А.Я. Максимов высказывал убеждённость, что сам ход исторического процесса должен привести японских политиков к пророссийской ориентации. «Пока же нам остаётся ждать этого знаменательного момента и стараться войти в наиболее тесные, дружественные отношения с Японией, подыскать почву соглашения с этой “Великобританией” крайнего Востока и в союзе с ней стать во всеоружии на защиту общих интересов, попираемых Англией и Китаем. Союз с Японией не только желателен, но и положительно необходим, раз мы хотим утвердиться на берегах Великого океана и принудить Англию

и Китай относиться к нам с должным уважением и добросовестностью. За тесный союз с Россией стоит само японское правительство, почти вся печать и здравомыслящее японское общество. Почву политических соглашений России и Японии легко найти, устранив единственное возможное яблоко раздора — Корею. Прежде чем выяснить эту почву соглашений, считаем необходимым сделать краткий обзор сношений России с Японией, чтобы вполне охарактеризовать политический такт обоих государств и выяснить существовавшие и существующие симпатии японской народности к русской, несмотря на все промахи и ошибки представителей нашего государства. Надо помнить, что эти многолетние симпатии послужат наиболее верным залогом тесного союза и благоприятного для нас разрешения всех политических недоразумений с Японией, ещё возможных вследствие настойчивых подпольных интриг Англии, проникнутой жаждой противодействовать нашим политическим успехам на всех пунктах земного шара...»¹

В этих пассажах верно указана только болевая точка, относительно которой России требовалось определиться с любым из своих потенциальных дальневосточных союзников, — Корея.

Но даже оппонент Максимова Ухтомский, фактически больше склонявшийся именно к альянсу с Китаем, считал, что Корея с большей вероятностью войдёт в сферу влияния России именно при условии сотрудничества между Петербургом и Пекином. Япония, по его мнению, не имела в этой стране достаточного влияния по причинам исторического характера, и даже «несмотря на расцвет “страны восходящего солнца” в последние годы, ей всё-таки не удаётся приобрести там, в Корее, экономически преобладающего влияния и значения»². В качестве доказательства

---

¹ Максимов А.Я. Наши задачи на Тихом океане // www.milresource.ru/Maximov.html.

² Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества наследника Цесаревича. Т. 3. СПб, 1897. С. 21.

он указывал, что через порт Чемульпо в Корею ежегодно ввозится товаров на 8–9 млн рублей, причём более 60 % их стоимости приходится на Великобританию, далее следуют Китай, Германия, Соединённые Штаты, Франция, Голландия, Австро-Венгрия, и, наконец, замыкающая список Россия с товарами общей стоимостью в 15–16 тысяч рублей.

Естественно, при столь скромных показателях Россия также вряд ли могла бы претендовать на «преобладающее экономическое влияние» в Стране Утренней Свежести, но ликвидировать этот дисбаланс, видимо, предполагалось мерами военно-политического характера.

Тем не менее, настаивая на выгодах военно-политического характера именно с Японией, а не Китаем, А.Я. Максимов прибегал к аргументам не самого прагматичного характера: «Не лишнее знать, что японцы чрезвычайно ценят искреннюю, бескорыстную дружбу и всегда готовы отнестись к дружелюбной нации с редкой, вполне рыцарской предупредительностью, что чрезвычайно важно помнить при разрешении спорных вопросов. Они с презрением относятся к интригам и подпольной политике, вроде английской, и умеют хорошо отличать искренний образ действий от лицемерия и подтасовки.

С японцами вообще легко войти в откровенные соглашения, распределив политические сферы. Стоит только оказать Японии энергичное содействие к расширению её островных владений к югу, а также помочь ей разрешить некоторые животрепещущие вопросы её внешней политики, не идущие вразрез с нашими государственными интересами, и мы уверены, что она даже откажется от Кореи и согласится признать ее лежащей в сфере не своего “политического” влияния, а России.

Некоторые авторитеты пугают Россию быстрым прогрессивным ростом могущественной японской монархии. Напрасно! Рост этот опасен для наших врагов, но не для нас. Мы должны искренно радоваться и сочувствовать этому росту, потому что Япония быстро освобождается от тлетворного влияния наших европейских врагов, сбрасывает с себя их тяжёлое, позорное ярмо,

постепенно делается самостоятельной и становится вне каких-либо исключительных давлений, всегда чрезвычайно вредных для нас. Мы уверены, что только при непосредственном содействии Японии Россия может разом выдвинуть свои грозные аванпосты к импульсу всемирной торговли — Китайскому морю и почти на самый рубеж английских колоний — этих неотразимых ахиллесовых пят могущественной Великобритании, всегда стоящей во враждебном нам лагере.

Япония же до последнего времени осталась верной своей прямой, миролюбивой относительно России политике, осталась верной, несмотря даже на то, что наши недалёковидные политические деятели крайнего Востока не раз вызывали её не столкновение. Чем отплатила, например, нам Япония за целый ряд насилий отдельных личностей, действовавших как бы по инициативе русского правительства? Искренним желанием устранить всякий повод к столкновениям и выдающимся дружелюбием. Не Япония ли дала гостеприимный приют сотням наших моряков, имевшим несчастье потерпеть крушение у японских берегов; не она ли много раз спасала от голода наши заброшенные, забытые военные посты на острове Сахалине; не она ли постоянно выражала желание войти с Россией, преимущественно перед другими державами, в дружественные и торговые сношения?

Япония оказывала нам своё редкое расположение даже в такое тяжёлое время, когда по всей Империи шло энергичное преследование всех европейцев. В то время, когда туземные христиане-католики и протестанты гибли тысячами под ударами японских фанатиков, православные японцы оставались неприкосновенными, если не считать заключения в тюрьму, по ошибке, нескольких православных катехизаторов, которые были выпущены на свободу тотчас же, как только вмешалась в дело наша дипломатия.

Сообразив всё прошлое, спрашиваем: может ли Россия делать выбор между Японией и Китаем? Ни в каком случае! Все наши симпатии должны сосредоточиться исключительно на

могущественной островной монархии, которой предстоит играть в недалёком будущем в Великом океане выдающуюся политическую роль. Эти симпатии должны быть неизменными. Япония сумеет оценить нашу искренность и в том порука — рыцарский, честный характер японской нации»¹.

С учётом последующих событий рассуждения Максимова поражают своим безудержным идеализмом и оптимизмом. Тем интереснее сопоставить их с позицией скептика Ухтомского, предугадывавшего те неприятности, которые Япония причинит России на Дальнем Востоке, и верно предсказывавшего, к чему на следующем этапе приведёт рост японских имперских амбиций. При этом в своих рассуждениях он отталкивался от собственного понимания менталитета обитателей Страны Восходящего Солнца: «Если вслушаться в отрывочные отзывы наблюдательных лиц, представляющих здесь собою импонирующий японцам Запад, — последние только формально и материально накладывают на себя иго непонятной им по существу иноземной цивилизации. Каждый хотя бы и очень образованный островитянин питает к ней глубочайшее презрение... Подобная двойная игра, конечно, дорого обойдётся когда-нибудь и самим надевшим маску, и доверчиво введённым ими в заблуждение. Наихудшими последствиями это грозит Англии, отождествляющей отчасти свои коммерческие и кондотьерские интересы с интересами подданных микадо»².

Прогноз этот, в общем-то, оправдался в 1941 г., однако, формулируя его, Ухтомский не столько пронизал мыслью будущее, сколько озвучивал собственное желание мыслителя-патриота, рассчитывавшего, что «коварный Альбион» рано или поздно будет наказан за зло, причинённое его интригами России на Дальнем Востоке.

Ограниченность же его как политолога видна в следующих рассуждениях, где патриотизм начинает отдавать шовинизмом: «Россия, отмыкающая себе новые безбрежные пути в Тихий

---

¹ Максимов А.Я. Наши задачи на Тихом океане.

² Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток... С. 17.

океан, чересчур сильна и окрылена незыблемой верой в будущее, чтобы ей поперёк дороги могло стать симпатичное нам, русским, мнимо молодое царство, в основах скованное элементами дряхлой почти доисторической культуры»¹.

Сходные по тональности рассуждения можно найти и у многих японских авторов, рассуждающих о цивилизаторской миссии Страны Восходящего Солнца и её призвании, заключающемся в том, чтобы сплотить азиатские народы для противодействия «белой расе».

Что ж, к сожалению, шовинизм, замешанный на идеях превосходства той или иной страны, народа или расы не является эксклюзивным изобретением русских, японцев, англичан, немцев или американцев. И именно он является движущей силой любой внешней экспансии, когда забота о достижении «естественных границ» перерастает в стремление к построению всемирной империи.

---

¹ Там же.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Исторические судьбы России и Японии сложились таким образом, что две эти страны, вполне обоснованно претендовавшие на статус великих держав, так и не смогли достигнуть консенсуса в вопросах о разграничении сфер влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Возможно, одна из причин заключалась в том, что политические элиты обеих стран ставили во главу угла идею внешней экспансии, при которой другим государствам региона отводилась роль безмолвных статистов. Подобный подход, как правило, прикрывался рассуждениями о цивилизаторской культуртрегерской миссии Святой Руси и Страны Восходящего Солнца.

Разница заключалась лишь в том, что политика Японии, несмотря на её активный наступательный характер, в сущности, не выходила за региональные рамки. Политика же России, в полном соответствии с символикой двуглавого имперского герба, традиционно носила двухвекторный характер, направленный как в сторону Запада, так и Востока. При этом западный вектор, как правило, оказывался превалирующим, сначала открыв дорогу к вестернизации России, а затем заведя страну в тупики Восточной и Первой мировой войн. Слишком очевидное стремление царского правительства обеспечить стране доминирующее положение тревожило другие европейские державы, старавшиеся перенаправить внешнеполитическую активность России в сторону Дальнего Востока.

В определённой степени эта цель оказалась достигнута во второй половине XIX столетия. Однако мир к тому времени уже стал другим, что и продемонстрировал пример Японии — первой азиатской державы, сумевшей разбить европейскую монополию на имперское строительство.

Правда, отнюдь не Страна Восходящего Солнца стала первым серьёзным конкурентом России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Роль эта выпала Великобритании, чья морская мощь являлась главным гарантом её величия. Любопытно, что ещё в начале XVIII столетия английский писатель Даниэль Дефо в своем полузабытом романе «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» рекомендовал Петру I обратить свою энергию на покорение Китая, вместо того чтобы нарушать европейское равновесие. Однако спустя полтора столетия подобный призыв выглядел уже неактуальным. Более того, помимо Британии и России, в борьбу за гегемонию в регионе включились Соединённые Штаты, Германия, Франция. Появление в этой команде Японии стало неожиданностью, но неожиданностью для многих приятной, поскольку, отстояв с помощью умелой дипломатии своё право на независимость, новый конкурент потенциально мог стать полезным партнёром.

Вторая половина XIX века именно в Азиатско-Тихоокеанском регионе ознаменовалась сложными дипломатическими играми, по ходу которых «старые» великие державы пытались заручиться поддержкой молодого «коллеги», что открывало перед Токио широчайшее пространство для манёвров. И японская дипломатия этим умело воспользовалась. Сделанный им выбор оказался не в пользу России, что объяснялось тремя основными причинами.

Во-первых, Россия, территориально располагавшаяся к Японии ближе других великих держав, оказывалась наиболее реальным соперником в борьбе за гегемонию в регионе, а наличие многочисленных пограничных проблем автоматически создавало у обеих сторон конфронтационный настрой, способный спровоцировать (и спровоцировавший) серьёзное военное столкновение.

Во-вторых, по причинам инфраструктурного характера Россия не представляла для Японии серьёзного интереса в качестве экономического партнёра.

И в-третьих, империя Романовых с её архаичным для второй половины XIX — начала XX века политическим и социальным устройством не могла являться для Страны Восходящего Солнца эталоном модернизации и вестернизации, что, даже с поправкой на хорошие межличностные отношения, не позволяло создать подходящую базу для идеологического сближения.

Играло свою роль и обоюдное наличие у политиков Петербурга и Токио имперских амбиций, однако этот фактор был характерен для отношений между всеми великими державами.

Поражение в Русской-японской войне умерило активность России на Дальнем Востоке, вынудив её дипломатию снова переориентировать свою активность в сторону Европы. Это обстоятельство создало хорошие предпосылки для нового сближения двух стран, отчётливо обозначившегося в период 1907–1917 гг.

Однако произошедшие в России потрясения и возрождение империи в новой коммунистической оболочке вывело конфронтацию на иной уровень. Правда, в период между двумя мировыми войнами роль главных геополитических противников Японии перешла к Соединённым Штатам и Великобритании, однако по разным причинам Москва по-прежнему не рассматривалось Токио в качестве потенциального стратегического союзника.

К сожалению, такой стратегический альянс не стал реальностью и в настоящее время. В чём же заключаются уроки, которые можно извлечь из изучения представленных в данной работе событий?

Очевидно, что, помимо примеров реализации безмерных имперских амбиций, всегда заканчивающихся крахом и катастрофой, эти события дают нам образцы принципиально иных подходов к межгосударственным отношениям.

Примером такого подхода как раз и могут служить российско-японские политические, дипломатические, культурные и частные контакты 1850–1890-х гг., тональность которых была

задана миссией Путятина, продолжена моряками «Аскольда», деятельностью Гошкевича, миссионерством Николая Японского.

И хотя многое из достижений этих выдающихся знаменитых, забытых и даже безымянных людей оказалось перечёркнуто теми конфликтами, которые происходили уже в следующем, XX веке, их труды и усилия не пропали бесследно, поскольку они создают почву, на которой могут вырасти отношения принципиального характера, основанные на взаимовыгодном экономическом и культурном сотрудничестве. На диалоге, взаимном уважении и компромиссе. На умении понимать, слушать и слышать друг друга.

ПРИЛОЖЕНИЕ

От автора: публикуемые ниже документы Российского Государственного исторического архива освещают один малоизвестный и, на первый взгляд, частный эпизод, связанный с деятельностью Николая Японского и его помощника, отца Анатолия. Речь идёт об аресте двух японцев-христиан, находившихся в услужении у настоятеля консульской церкви в г. Хакодатэ.

Формально основанием для ареста стали антихристианские законы, принятые ещё в период сёгуната. Однако бурные протесты представителей российской дипломатической миссии привели к смягчению практики применения этих законов, а затем и к их полной отмене.

Документ 1.

Источник: РГИА. Ф. 797. Оп. 42. Дело 185. Л. 14 об.

К № 2641 1872 г.

Копия с письма Хакодатских властей г.г. Сугиура Макото и Мацудайра Сёсин к Российскому Консулу, г. Оларовскому, от 27 апреля 1872 года за № 9.

Имея надобность допросить двух сендайских дворян Цута Токунасин и Качета Кеньицихо, проживающих в Хакодатэ для

изучения русского языка, мы 24 числа прошедшаго месяца призвали их и после допроса нашли нужным арестовать их. По поводу этого Вы пришли к г. Сугиура и имели с ним разговор, согласно котораго он на другой день, 1 числа сего месяца, был у Вас и объяснил причину, побудившую нас арестовать упомянутых лиц. Но Вы находили, что арестованием их, как живущих в Консульстве, без предварительного уведомления Вас об этом, нанесено Вам оскорбление, и поэтому требовали, чтобы они были возвращены в Консульство. На что г. Сугиура не мог с Вами согласиться, так как с ними поступлено одинаково, как с жителями Хакодатэ. Г. Мацудайра, во время свидания с Вами 2-го числа старался также объяснить Вам, что арестованием вышеупомянутых лиц Вам не нанесено никакого оскорбления, но Вы не соглашались с ним и настаивали на том, что эти лица состоят при Консульстве. Вследствие этого они сегодня были вторично призваны и с вниманием допрошены, и так как они показали, что они не подданные Консульству и не состоят при последнем, как Вы можете видеть из их показаний, препровождаемых при сём, то мы считаем себя совершенно не возвращать их в Консульство. Нам было бы весьма приятно, если бы Вы вникли в сущного этого дела и согласились с нашими доводами. В противном же случае нам остается сообщить обо всём нашему правительству.

Верно (подпись неразборчиво)

Документ 2.

Источник: РГИА. Ф. 797. Оп. 42. Д. 185. Л. 3–7 об.

К № 2641 1872 г.

Копия с отношения Российскаго и. д. консула в Хакодатэ, г. Оларовскаго, к Хакодатским властям, Хангван, Сугиура Макото и Мацудайра Сиосин, от 28 Апреля 1872 г. за № 53.

Спешу ответить Вам на две Ваши бумаги, полученные мною вчера, так как ни ту, ни другую я не могу оставить без ответа. Начну с последней. Из трёх моих свиданий с Вами Вы могли вполне убедиться о моём желании покончить возникшее между нами дело тихо, без огласки, не заводя по поводу его официальной переписки. Официальным ответом Вашим вчера Вы как бы поддерживаете оскорбление, сделанное Консульству, и вызываете меня на официальную переписку по вышеозначенному обстоятельству, несмотря на это, я и тут не желал принять Ваш вызов, не испробовав сначала как средство окончить мирным образом возникшего дела чрез свидание с главным здешним начальником г. Курода. Не поняв моего желания мирно окончить вышеупомянутое дело и того шага, который я сделал, обратившись лично к нему для объяснений, он отказался под самым незначительным предлогом от свидания со мной и тем дал мне повод быть убеждённым, что и он поддерживает нечаянно сделанное, как Вы изволили выразиться, оскорбление. Неужели г. Курода было не всё равно сняться с якоря в 2 или $\frac{1}{2}$ Зго часа ночи, так как пароход «Вулкан» находился в его распоряжении. Я думаю, что оскорбление, сделанное с его ведома представителю державы, с которой по всем официальным заявлениям Ваше превосходительство желало и желает быть в дружественных отношениях, достаточно важное дело, что он мог бы на полчаса отложить свой отъезд и тем устранить всякия недоразумения. Теперь же, отклонив свидание со мной, он тем самым усложнил вопрос.

Положим, что я, зная чувства, питаемые лично г. Курода к России и ко всему русскому, мог бы ожидать отказа с его стороны видеть меня, но никак не ожидал, чтоб личные чувства кого бы то ни было могли иметь какое-нибудь влияние на дела официальные. К сожалению, я в этом ошибся. Об этом, как и обо всём остальном деле, я вынужден буду сообщить как своему Правительству, так и Министру Иностранных Дел в Едо.

Теперь приступаю к разбору показаний, снятых Вами с противозаконно и без моего ведома арестованных лиц, находящихся

на службе в Консульстве и возражений, которые Вы делали мне на мои требования при Вашем личном посещении меня в Консульстве.

При каждом Вашем свидании Вы почти начинали разговор, спрашивая меня, что протестую ли я против преследования Христиан или нет, и каждый раз получили от меня ответ, что я не смешиваю ареста Цута и Качета с делом преследования христианства, хотя насильный арест их и был следствием последнего, и что хотя я имел бы право протестовать против преследования христиан на основании 8 ст. американского трактата 1858 г., в коей ясно сказано, что Японское правительство не должно делать ничего такого, чтобы могло возбуждать религиозную ненависть между двумя народами. Но не желая смешивать два дела вместе и желая дать Вам понять, что я требую освобождения Цута и Качета не потому только, что они христиане, а потому, что они находятся на службе в Консульстве и что не могли быть арестованы без моего согласия. Требование своё я основываю на международном праве, которое ясно говорит, что Посольства и Консульства, где нет Посольств (как, например, в настоящем случае, так как у нас нет пока ещё представителя в Едо), пользуются правом *Exterritorial* или правом собственных владений того государства, коего они представителями, на основании вышеприведённого права, *Exterritorial*, принято считать резиденцию Посольств и Консульств, изъятой из-под влияния местного управления, и следовательно все живущие и слуги пользуются покровительством той нации, под флагом которой они живут.

Вы в разговоре со мной хотя и не отвергали моего права требовать освобождения арестованных, основанного на праве Международном, тем не менее находили невозможным освободить лиц, арестованных Вами без моего ведома, ссылаясь на то, что Вам не было известно, что он живут и служат в Консульстве. Согласитесь сами, что такого оправдания я принять не могу. Во-первых, Вам, конечно, известно, что знать о жительстве того или другого есть дело полиции, следовательно, Вы должны бы

были прямо с не взыскать за незнание, но никак не приводить этого незнания, как доказательство Вашего права арестовать Цута и Качета. Во-вторых, статьёй 4 Русского трактата Японское правительство согласилось дозволить устраивать госпитали и школы при Русском Консульстве, если найдёт это нужным, для того более, чтобы опровергнуть заявление Ваше, что Цута и Качета не могли пользоваться покровительством Русского Консульства, быв собственно учениками, а не служащими. Следовательно, если б действительно и было так, как Вы утверждаете, т. е. что Цута и Качета ученики, а не служащие, то и тут даже из простой вежливости Вам не следовало бы брать этих людей без уведомления Консула, так как 4-й ст. русского трактата 1858 года, приведённой выше, школы и больницы могут быть устраиваемы при Консульстве, следовательно и пользуются покровительством последнего.

В-третьих, опять обращаюсь к заявлению Вашему, что Вы не знали, что эти лица находятся на службе при Русском Консульстве. Г. Сугиура было об этом известно накануне, так как 23-го числа вечером я лично был у него и дал ему понять, что я желаю, чтобы он письменно обратился ко мне с изложением причин, по которым он считает необходимым арест Цута и Качета, дав понять, что в таком случае я, конечно, не буду противиться их аресту, г. Сугиура принёс мне извинение, что дело было начато помимо меня, и сказал, что на другой день он уведомит меня обстоятельно письмом о причинах, по которым он желает арестовать Цута и Качета. Вместо этого г. Сугиура на другой день был лично у меня и, не заявляя о причине ареста, возбуждал прямо вопрос на основании допроса арестованных о том, что лица эти не находятся на службе в Русском Консульстве, и тем самым хотел дать мне понять, что я неправильно требую их освобождения, и старался изобличить меня в неправильности моего требования, чтобы не сказать более. Конечно, я чрезвычайно был удивлён, так как вследствие моего свидания с г. Сугиура накануне я был убеждён, что дело это окончилось к общему удовольствию.

Утверждать и доказывать, что Цута и Качета находятся на службе Консульства, после слов г. Сугиура, я не считал это совместным с моим достоинством и заявил, что, вероятно, г. Сугиура был предложен вопросом арестованным, что слуги ли они Консульства или нет, и что если этот вопрос действительно был им предложен, то, конечно, другого ответа как отрицательного они и не могли дать, так как один из них числится учителем (сен-сей), звание, которое гораздо выше названия слуги, другой главный литограф и переписчик и также не подходит под обыкновенное понятие о слуге. На это мое заявление по-видимому Вы не могли на свидании ничего ответить и согласились, что, вероятно, ответ их именно и дан ими в том смысле, в каком я понял его и объяснил.

Но вчера Вы прислали мне письмо с показаниями, снятыми Вами с Цута и Качета, как доказательство, что они не находятся на службе в Консульстве, и как оправдание Вашего оскорбительного поступка в отношении консульства той нации, с которой по официальным заявлениям Вашего Превосходительства Вы желаете быть в тесной дружбе. К этим показаниям я теперь и обращаюсь. К удивлению эти показания прямо клонятся к тому, чтоб подтвердить и некоторым образом узаконить моё требование об освобождении Цута и Качета, но никак не служат доказательством Вашего права на их арест. Не буду приводить всего текста их показаний, которых Вы мне препроводили вчера, и обращаю Ваше внимание на некоторые пункты. Ясно из показаний видно, что вопрос им был предложен: Керай ли они Русского Консульства? Конечно, они ответили отрицательно, ибо они не есть подданные России, а подданные Японии, так как слово Керай означает подданного. Это объяснение японского слова «керай» я беру из заявления князя Сацума, который в своей прокламации говорил, что он керай Его величества Микадо, подразумевая под словом керай слугу верноподданного. Но что Цута и Качета ясно признают себя служащими Консульства, видно из следующего за тем показания, где они говорят, что жили в Консульстве, получали жалованья 3 рёо в месяц

и пользовались кроме того столом и исполняли все приказания, какие получали от отца Николая или отца Анатолия, у коих они находились в распоряжении. На вторичном допросе, сделанном им вследствие моего требования об их освобождении, они показали то же самое, т.е. что они не подданные и не слуги в смысле японского слова Коцгай (?), а что жили в Консульстве и получали жалованье от отца Николая.

Каким образом Вы присланными показаниями желаете оправдать оскорбление, нанесённое Вами Консульству нарушением неприкосновенности Консульства и живущих в нём, пользующагося этим правом на основании общепринятого международного права, для меня остаётся тайной и принуждает меня выразить Вам моё желание о разъяснении этой тайны.

Оканчивая настоящее мое письмо к Вам, я считаю своей обязанностью прибавить, что я остаюсь при своём требовании, выраженном лично Вам при свидании об освобождении арестованных Цута и Качета.

Прибавляю ещё как доказательство того, что я требую освобождения вышепоименованных лиц не потому только, что они христиане, так как в противном случае я бы присоединил к их именам и арестованного Сакая, о котором я лично Вам в официальном заявлении и не упоминал. Точно с таким же требованием обратился бы к Вам, если б арестованные были японской религии Синто или Буддисты. Для меня важен факт оскорбления, но сделано ли это оскорбление чрез аресты того или другого лица, для меня безразлично.

Что же касается протеста против преследования христианства, я предоставляю себе право, если найду нужным обратиться по этому делу к Министру Иностранных Дел в Едо, так как до приезда г. Бюцова я пользуюсь этим правом. Прибавляю ещё также, что в случае не удовлетворения справедливаго настоящего моего требования я вынужден буду перенести вышеизложенное дело в Едо.

Смею надеяться, что Вы по внимательном прочтении настоящего моего письма согласитесь вполне, что требование моё справедливо и основательно, и пожелаете прекратить это во всех

отношениях неприятное дело, как для Вас лично, так и для меня. Зная хорошо лично Вас, я уверен, что Вы не пожелаете бросить тень на давния дружественные отношения между Правительствами Вашим и моим, тем более, что заявление г. Ивакура в бытность мою в Едо, о желании более тесного сближения между Россией и Японией я считаю искренним, и настоящее происшествие чисто личным.

Искренность и прямота в действиях служит всегда лучшим ручательством за дружественные отношения даже и в маленьких, незначительных случаях, но в настоящем случае, не совсем незначительном, извините меня, но я не нахожу искренности с Вашей стороны.

Ожидаю от Вас ответа в возможно скором времени или личного свидания.

Верно, (подпись неразборчива)

Документ 3.

Источник: РГИА. Ф. 797. Оп. 42. Д. 185. Л. 13 об.

К № 2641 1872 г.

Копия с показаний сендайских Дворян Цута Токунасин 33лет и Качета Кенгицирео 35 лет.

Как показали третьего дня, мы с позволения бывшего нашего князя приехали в Хакодате с целью изучить русский язык, почему обратились к Отцу Николаю, который вследствие нашей просьбы поместил нас в свою школу в Русское Консульство и учил нас русскому языку. Живя у него таким образом, мы не могли считать его Кераями, так как мы дворяне и следовательно подданные Японской Империи. Но вследствие бедности мы пользовались его столом и получали от него деньгами по 3 рёо в месяц, и за это по его приказанию занимались литографией и переписыванием бумаг, почему мы третьего дня и показали, что

были литографами у Отца Николая. Будучи вторично призваны к допросу, вследствие того, что консульство считает нас людьми, принадлежащими ему, и нанятыми для литографии, мы вторично показываем, что об этом нам ничего никогда не говорили, но так как мы за неимением средств для изучения русского языка пользовались столом и получали по 3 рёо в месяц деньгами, то мы не можем ничего возразить против того, как бы Консульство нас не считало. Прибавить что-либо к этим показаниям мы ничего не имеем, сколько раз бы нас ни допрашивали.

Полиция

Верно (далее неразборчиво)

Документ 4:

Источник: РГИА. Ф. 797. Оп. 42. Д. 185. Л. 10–12 об.

К № 2641 11 апреля 1872.

№ 23

Хакодатэ мая 25 дня 1872 г.

Милостивый Государь, Петр Николаевич!

Возникшее было между мной и японскими властями в Хакодатэ по поводу вызова в полицию двух служащих в Консульстве японцев без предварительного сообщения мне о том, не кончилось, как я предполагал, извинением Губернатора, которое он сделал мне 23 Апреля и о котором я имел честь донести Вашему превосходительству в моём донесении от 25 Апреля сего года за № 20, так как 24 числа служащие два Японца в Консульстве были вызваны и арестованы полицией и опять-таки без моего ведома.

В день их ареста Губернатор был лично у меня и заявил мне, что по наведённым им справкам и вследствие допроса арестованных, он не считает Цута и Качета (имена арестованных) служащими Консульства.

Я объявил Губернатору, что желал бы видеть показания Цута и Качета.

На что он и согласился и обещал прислать их мне в скорейшем времени. В продолжении всего времени нашего свидания я старался допытаться, лично ли от себя Губернатор Сугиура начал преследование христиан и сделал оскорбление Консульству или же это сделано им вследствие приказаний Исправляющего должность Генерал-Губернатора, Курода, на которого я имела сильные подозрения в возбуждении всего случившагося.

Подозрения мои вполне оправдались, я узнал достоверно, что всё случившееся сделано по приказанию Курода, который для преследования Христиан воспользовался циркулярным предписанием Японского Государственного Совета от 1867 г., и ненависть к русским и к России заставили его сделать оскорбление Консульству арестом двух лиц, служащих в Консульстве и, следовательно, на основании Международного права пользующихся покровительством Консульства.

Узнав и убедившись вполне в том, что всё дело затеяно и ведётся вследствие приказаний Курода, я решился ни в каком случае не уступать в этом деле и не изменять своего требования относительно освобождения Цута и Качета. 27 Апреля я получил официальную бумагу от здешних властей и показания Цута и Качета, каковыя я при сем имею честь представить в копиях Вашему Превосходительству на русском и японском языках. Японские власти, как Ваше Превосходительство увидите из показаний Цута и Качета, желали означенным допросом доказать справедливость и основательность своего поступка в отношении Консульства и не сообразили, что показания эти скорее клонятся к тому, чтоб обвинить их в противузаконном поступке и оправдать мои требования.

Но и по получении от Губернатора бумаги и показаний я не хотел вести это дело посредством официальной переписки, надеясь окончить его чрез свидание с Курода, к которому я и написал, прося его назначить мне час, в котором он сможет меня видеть; под самым незначительным предлогом Курода

отказался от свидания со мной. Тогда на другой день я написал им бумагу за № 53, которую при сём и имею честь представить на благоусмотрение Вашего Превосходительства. Японские власти в Хакодате ничего мне не ответили на бумагу, сообщили только, что они отправили копию с моей бумаги и. д. Генерал Губернатору Курода, и что до получения от него приказаний они не имеют право ничего сделать. При личном свидании с Губернатором 1-го Мая я заявил ему, что так как удовлетворения я по их словам получить без распоряжения от высшего начальства не могу, то для скорейшего окончания этого дела я отправлюсь в Едо с пароходом от 25-го Мая. Считаю излишним прибавить, что во время свидания с Губернатором Сугиура и его помощником Мацудайра я убедился, что кроме того, что дело это начато и ведётся по приказаниям Курода, что Сугиура и Мацудайра вполне осознают несправедливость и оскорбительность их поступка.

Я уверен, что если б не было Курода на Едо, то дело это никогда бы не случилось. Я решился преследовать это дело и не уступать в нем японским властям более потому, как я упомянул выше, что дело это ведётся и начато Курода, который принадлежит к числу таких лиц, которья уступчивость в чём бы то ни было приписывают слабости и неумению вести дела. Куроде необходимо дать понять, что всякая его попытка к сделанию чего бы то ни было противузаконного встретит энергическое противодействие. Иначе он будет постоянной помехой к удовлетворительному окончанию Сахалинского вопроса, так как Сахалин находится в его ведении.

Из моей бумаги к Японским властям в Хакодате за № 53 при сём приложенной, Ваше Превосходительство усмотрите, что я отнюдь не смешивал преследование Христиан с арестом Цута и Качета, несмотря на то, что оба они Христиане, так как по делу преследования Христиан я могу только высказывать свои личные взгляды и предложения, ибо подробных инструкций по этому вопросу в Консульстве не имеется. До настоящего времени православных Христиан почти что не было, но теперь труды наших

миссионеров Отца Николая и Анатолия увенчались неожиданным успехом, число православных христиан ежемесячно увеличивается. Поэтому я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство снабдить меня инструкциями по вопросу преследования Христиан.

Я считаю своей обязанностью, кроме того, выразить сожаление, что случившееся дело вышеописанное, случилось именно за несколько часов до отхода прошлой почты от 25 Апреля и что я не мог ранее настоящей почты сообщить Вашему Превосходительству за неимением случая к тому.

Не замедлю сообщить Вашему Превосходительству о результатах моей поездки в Едо и об окончании настоящего дела.

С истинным почтением имею честь быть Вашего Превосходительства (подп.) покорнейшим слугою.

Верно Оларовский

Документ 5.

Источник: РГИА. Ф. 797. Оп. 42. Д. 185. Л. 8–9.

Августа 24 дня 1872 года

№ 2609

Господину Исправляющему Должность Оберъ-Прокурора Святейшаго Синода

В дополнение к отношению моему от 10-го сего Августа № 2491, долгом считаю препроводить при сём к Вашему Превосходительству для прочтения полученное в Министерстве Иностранных Дел новое донесение Консула нашего в Хакодате за № 23 с следующими к нему тремя приложениями.

Из донесения этого Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что дело об арестовании японскими властями двух туземцев-христиан, находившихся в услужении у Настоятеля

Консульской церкви в Хакодате, члена Духовной Миссии о. Анатолия — приняло оборот менее удовлетворительный, чем сначала можно было ожидать.

Хакодатский Губернатор заявил, что вследствие наведённых им справок и произведённого арестованным допроса, он их не считает слугами Консульства и поэтому не находит нужным их освободить.

Образ действий в этом деле японских властей ясно свидетельствует о преобладающем у них враждебном настроении против христианства вообще, и в виду такого положения вещей крайне необходимо, чтобы наша Духовная Миссия в действиях своих избегала с особенною тщательностью всего того, что могло бы возбудить подозрение и недоверчивость Японского Правительства.

От осторожности и умеренности, с которыми будет действовать наша Миссия в этом отношении зависит успех её деятельности, а также и избежание столкновений с местными властями, могущих вовлечь наше Правительство в весьма нежелательные осложнения.

Ввиду вышеизложенных соображений, которые я уже имел честь высказать Вашему Превосходительству в отношении от 10-го текущего месяца, не признаете ли Вы возможным предложить Святейшему Синоду дополнить в этом смысле данную Духовной Миссии инструкцию.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство возвратить препровождаемые при сём бумаги, по миновании в них надобности.

Управляющий Министерством (подпись неразборчива)

Документ 6.

Источник: РГИА. Ф. 797. Оп. 42. Д. 185. Л. 18–19 об.

23 декабря 1872 г.

В Канцелярию Обер-Прокурора Святейшаго Синода

Выписка из определения Святейшаго Синода от 22 ноября/
15 декабря 1872 г. за № 1694

По указу Его Императорского Величества Святейший Правительствующий Синод слушали предложенныя Господином Исправлявшим Синодального Обер-Прокурора от 29 Августа сего года за № 3193, в копиях, два отношения к нему Управляющего Министерством Иностранных Дел за №№ 2491 и 2609, с донесениями при оных консула нашего в Хакодатэ об арестовании двух японцев, находившихся в услужении у члена японской Духовной Миссии нашей Иеромонаха Анатолия. И, по справке, приказали: Из сообщённых Управляющим Министерством Иностранных Дел донесений Консула нашего в Хакодатэ по предмету арестования двух японцев, принявших православие и находящихся в услужении у члена Японской Духовной Миссии нашей иеромонаха Анатолия, усматривается, что случай этот разъяснился удовлетворительным образом по сношении Консульства нашего с местными властями. Так как Хакодатский Губернатор разъяснил, что распоряжение о вытребовании помянутых японцев в полицию было объявлено им по ошибке, потому что он не знал, что японцы эти состоят при Русском Консульстве. За всем тем Министерство Иностранных Дел полагает, что Духовная Миссия наша в Японии должна соблюдать крайнюю осторожность в своих миссионерских действиях до тех пор, пока положение христиан-туземцев не разъяснится окончательно. Что от осторожности и умеренности, с которыми будет действовать Миссия, в этом отношении зависит успех ея деятельности, а также и избежание столкновений с местными властями, могущих вовлечь наше Правительство в весьма нежелательные осложнения. Почём у Министерство и ходатайствует о дополнении в этом смысле данной Духовной Миссии инструкции.

По рассмотрению сего Святейший Синод определяет: сообщение о заарестовании в Хакодатэ японцев, принявших православие, принять к сведению. Отзыв же Министерства Иностранных Дел относительно того, чтоб Духовная Миссия наша в Японии

соблюдала крайнюю осторожность в своих Миссионерских действиях, сообщить в копии начальнику Миссии, Архимандриту Николаю, для должного в потребных случаях руководства. Для сообщения Министерству Иностранных Дел о таком определении, предать из оного выписку в Канцелярию Обер-Прокурора Святейшаго Синода.

Верно: секретарь (подпись неразборчива)
1872 года декабря 20 дня

Документ 7.

Источник: РГИА. Ф. 797. Оп. 42. Д. 185. Л. 1–2 об.

Канцелярия оберъ-прокурора Святейшаго Синода

Отделения II

№ 183

По отношениям Министерства Иностранных Дел об арестовании двух Японцев, находившихся в услужении у члена Японской Духовной Миссии, иеромонаха Анатолия

14 августа 1873 г.

Господину Исправляющему Должность Оберъ-Прокурора Святейшаго Синода

Долгом считаю препроводить при сём к Вашему превосходительству для прочтения, полученное в Министерстве иностранных дел донесение Консула нашего в Хакодате от 25-го минувшаго апреля об арестовании двух Японцев, находящихся в услужении у члена нашей Духовной миссии о. Анатолия, исправляющего в настоящее время должность Настоятеля Консульской церкви. Из донесения титулярного советника Оларовскаго Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что случай этот разъяснился удовлетворительным образом. Хакодатский Губернатор объяснил, что

распоряжение о вытребовании помянутых двух Японцев в полицию было сделано им по ошибке, так как он не знал, что Японцы служат при Русском Консульстве, и предполагал, что они не более, как приходящие ученики о. Анатолия.

Случай этот, в сущности не имеющий большого значения, тем не менее служит признаком того враждебного настроения, которое продолжает проявляться в отношении Японского Правительства к его подданным — Христианам.

Ввиду этого положения вещей Министерство Иностранных Дел полагает, что Духовная Миссия, находящаяся под покровительством Русского Представителя в Японии, должна соблюдать крайнюю осторожность в своих действиях до тех пор, пока положение христиан-туземцев не разъяснится окончательно.

Такая осторожность со стороны нашей миссии тем более необходима, что она учреждена Правительством и в этом отношении поставлена в совершенно иное положение, чем миссионеры разных иноверческих исповеданий, действующих, так сказать, на свой собственный страх.

Впрочем, нет сомнения, что Духовная Миссия, руководствуясь в точности данною ей Святейшим Синодом инструкцією, и пользуясь при том советами наших дипломатических представителей в Японии, будет продолжать действовать в том же духе осторожности и умеренности, которым доселе отличалась деятельность архимандрита Николая.

Сообщая вышеизложенное на благоусмотрение Вашего Превосходительства, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, не оставить возвращением вышеупомянутого донесения Консула Оларовского по миновании в нём надобности и о последующем благоволить меня уведомить.

Управляющий Министерством (подпись неразборчива)

ИСТОЧНИКИ

Альбрехт А. Известия из Японии // Морской сборник. 1860. № 1. С. 26–32

Архиепископ Николай о себе // Русский архив. 1912. № 3. С. 398–405.

Внешняя политика России. XIX — начало XX века. Документы русского Министерства иностранных дел. Серия 1. Т. 1–7; Серия 2. Т. 1–6. М., 1960–1982.

Гошкевич И.А. О корнях японского языка. Вильно, 1899.

Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / сост. К. Накамура. СПб, 2004.

Кедров Н. Архиепископ о. Николай Японский в переписке с протоиереем Н. В. Благоразумовым // Русский архив. 1912. № 3.

Из плавания у берегов Японии // Морской сборник. 1861. № 5. С. 36–42.

Крестовский В.В. В дальних водах и странах. М., 2003.

Кюннер Н.В. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования Романовых. Владивосток, 1914.

Литке К.Ф. Фрегат «Аскольд» в Японии // Морской сборник. 1860. № 11–12.

Максимов А.Я. Наши задачи на Тихом океане // www.milresource.ru/Maksimov.html.

Максимов С.В. На Восток, поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб, 1871.

Муравьев Н.Н. Из донесений генерал-губернатора Восточной Сибири // Морской сборник. 1860. № 15. Известия. С. 37–41.

Николай (Касаткин). Сёгуны и микадо. Исторический очерк по японским источникам // Русский вестник. 1869. № 11. С. 84–95.

Письма русского из Хакодате // Христианское чтение. 1869. Ч. 1.

Позднеев Дм. Архиепископ Николай Японский (воспоминания и характеристика). СПб, 1912.

Попов А.А. Из рапорта флигель-адъютанта Попова // Морской сборник. 1860. № 15. Известия. С. 35–42.

Рапорты капитана корвета «Посадник», флигель-адъютанта, капитан-лейтенанта Бирилёва // Морской сборник. 1861. № 4–5.

Сергий, архим. На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). Сергиев Посад, 1897.

Из рапорта флигель-адъютанта Унковского // Морской сборник. 1860. № 15. С. 28–44.

Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества наследника Цесаревича. Т. 3 Сб., 1897.

АРХИВЫ

РГИА (Российский государственный исторический архив, СПб.)

Ф. 468. Оп. 42. Д. 904. О приезде в Санкт-Петербург японского принца Арисугава. 1889 г. 18 л.

Ф. 469. Оп. 2. Д. 378. О въезде в Петербург и приёмной аудиенции японскому посольству. 1862 г. 48 л.

Ф. 469. Оп. 2. Д. 635. О разных распоряжениях во время пребывания японского посольства в Петербурге. 1862 г. 18 л.

Ф. 469. Оп. 2. Д. 1129. О въезде в Петербург и приёме в Зимнем дворце японского посольства. 1862 г. 18 л.

Ф. 472. Оп. 15. Д. 4. О приезде в Петербург японского посольства. 1862–1863 гг. 271 л.

Ф. 473. Оп. 1. Д. 2059. О предоставлении Государю Императору японских: военного министра генерал-лейтенанта Ояма, генерал-лейтенанта Миура и генерал-майора Нозу. 1884 г. 14 л.

Ф. 473. Оп. 2. Д. 102. О приезде в Санкт-Петербург японского принца Такешито Арисугава. 1889 г. 18 л.

Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. О приезде в Санкт-Петербург японского посольства; о приёмной ему аудиенции в Зимнем дворце; об осмотре японским посольством разных учреждений; и о прощальной ему аудиенции в Царском Селе. 1862 г. 189 л.

Ф. 477, Оп. 6. Д. 1202. О прибытии японского посольства и прочее. 1862 г. 14 л.

Ф. 496. Оп. 2. Д. 1643. Копия с журнала Капитула Орденов 1879 г. 1879 г. 15 л.

Ф. 560. Оп. 9. Д. 34491. Копии с Высочайше утверждённых журналов Амурского комитета по предмету наших сношений с Японией. 1858–1861 гг. 19 л.

Ф. 565. Оп. 4. Д. 15137. О содержании и первоначальном устройстве православной миссии в Японии. 1869–1870 гг. 26 л.

Ф. 796. Оп. 205. Д. 454. Дневники Исидора Никольского. Ч. 5. 176 л.

Ф. 797. Оп. 43. II отд., 3 ст. Д. 144. По отношению преосвященного Иркутского относительно возведения начальника японской духовной миссии в епископский сан с подчинением его одному Священному Синоду. 1873–1874 гг. 15 л.

Ф. 1662. Оп. 1. Д. 257. Японская грамота о пожаловании Столыпину Аркадию Дмитриевичу ордена «Восходящего солнца» 1-й степени. 12 июня 1886 г. 1 л.

АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи, М.)

Ф. С.-Петербургский Главный архив. I-6. Оп. 5. 1861–1862 гг. Д. 5. 28 л.

Ф. С.-Петербургский Главный архив. I-6. Оп. 5. 1872 г. Д. 1. 150 л.

ЛИТЕРАТУРА

Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным изданиям. Т. 1–2. М., 1891.

Вада Х. Представления о России в Японии // Россия и Япония в исследованиях советских и японских учёных. М., 1987. С. 50–61.

Высоков М.А. Курильские острова в первой половине XIX столетия // www.kuriles-history.ru/book/chapter/12.

Иванова Г.Д. Жизнь и деятельность святителя Николая Японского // Православие на Дальнем Востоке. Памяти святителя Николая, апостола Японии (1836–1912). Вып. 2. СПб, 1996. С. 3–14.

Климов В.Ю. Иосиф Антонович Гошкевич — первый российский консул в Японии // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2006. С. 98–116.

Климов В.Ю. Японское посольство в Европу 1862 г. По документам Архива внешней политики Российской империи // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2006. С. 54–71.

Кожевников В.В. Российско-японские отношения в XVIII–XIX вв. Владивосток, 1997.

Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988.

Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М., 2006.

Митюрин Д.В. Сын Великого Белого царя. Путешествие Николая Александровича по Востоку // *Antiq. Info* (журнал). 2005. № 26., С. 25–34.

Накамура Кэнносукэ. Николай Японский и его окружение // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2005. С. 17–26.

Османов Е.М., Самойлов Н.А. Россия и Япония // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб, 2011. С. 296–336.

Пеликан А. Прогрессирующая Япония. СПб, 1895.

Синтаро Накамура. Японцы и русские. Из истории контактов. М., 1983.

Соболев В.С. Документы РГА ВМФ по истории противостояния имперских интересов России и Японии в Корее (конец XIX века) // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2009. С. 21–36.

Соболев В.С. Документы эскадры в Китайских водах адмирала И.Ф. Лихачёва как источники по истории русско-японских отношений (1860–1861 гг.) // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2006. С. 72–86.

Соколов А.Р. Награждение русскими орденами членов японского императорского дома // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2008. С. 38–45.

Соколов А.Р. О записных книжках Николая Японского // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2005. С. 37–47.

Соколов А.Р. О приезде в Санкт-Петербург японского посольства в 1862 году // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2009. С. 42–57.

Соколов А.Р. Русско-японские торгово-экономические отношения во второй половине XIX — начале XX века // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2009. С. 54–71.

Стернталь С. Странное «сердечное» согласие // Родина. 2012. № 5. С. 74–78.

Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960.

Фумото Синъитъ. Инцидент с корветом «Посадник» // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2004. С. 12–23.

Фумото Синъитъ. Политика царской России на Сахалине в период открытия Японии // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко: Сю: = Международная конференция «Исторические источники по русско-японским отношениям»: Сб. ст. Токио, 2008. С. 12–21.

Хисамутдинов А.А. Русская Япония. М., 2010.

Червяков В. Из новейшей истории Японии // Вестник Европы. 1894. № 12. С. 518–536.

Черевко К.Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США. 2-я половина XVII — начало XXI века. М., 2010.

Черевко К.Е. Экономическое освоение Сахалина: История и современность // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 4. С. 36–54.

Штейнгауз А.И. Русско-японские торгово-экономические отношения (1875–1894) // Россия и страны Азиатско-Тихоокеанского региона в XIX — начале XX в. Иркутск, 1988. С. 38–48.

The book *Russia and Japan — Mutual Discovery* by A.R. Sokolov is dedicated to the history of Russian-Japanese relations from the first treaty of Shimoda in 1855 till the mid-1890s.

Unlike the Putyatin mission and more recent events connected with the Russian-Japanese rivalry in China and Korea, the events of this period have not attracted attention of historians as an example of bilateral relations.

In the meantime, Russia under Alexander II and Japan under Meiji almost simultaneously embarked on a course of structural reforms in an attempt of westernization, which was a good ground for closer cooperation. At the same time both countries were bearing the burden of imperial ambitions, which resulted in a clash after a relatively successful modernization.

This dramatic clash between two countries so close in many ways draws the author's attention.

The author concentrates on a both personal and formal aspect, that is the development of diplomatic relations and diplomatic missions related to them, visits of political figures and gift exchanges.

In the process of cooperation development in these two countries the formal and ceremonial aspects were more important than in Western countries.

This research is based on the documents from Russian archives that help to describe the events preceding diplomatic missions and official visits, as well as political and economic background and goals of those taking part in the events. One whole chapter dedicated to Nicholas of Japan as a person who influenced greatly the development of Russian-Japanese relations is based on the data that have not been published yet.

The works by Russian essay writers have been used to recreate the historical background and views on the perspective of Russian policy on the Far East.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. «МЕТОД ПУТЯТИНА» ПРОТИВ «МЕТОДА ПЕРРИ»	14
Первый консул.....	14
«Аскольд» в Нагасаки	22
Россия сосредотачивается, Япония раскрывается... ..	28
Миссия Муравьёва-Амурского.....	32
Пограничные проблемы.....	37
Балтийская эскадра в японских водах.....	42
Цусимский инцидент.....	52
ГЛАВА 2. ЯПОНСКАЯ МИССИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 1862 г.	61
Японцы знакомятся с Европой.....	61
Подготовка к встрече.....	65
Гости из Страны Восходящего Солнца.....	74
Подарки и расставание.....	80
ГЛАВА 3. ДВУХСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ МЭЙДЗИ.....	85
В преддверии больших потрясений.....	85
Российская дипломатия на фоне революции	91

<i>Японская дипломатия на фоне революции</i>	96
<i>Расширение двусторонних контактов</i>	101
<i>«Цивилизация» идёт с Запада?</i>	106
ГЛАВА 4. ЯПОНСКАЯ МИССИЯ	
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 1873 Г.	112
<i>Ожидание в Петербурге</i>	112
<i>В ожидании гостей</i>	116
<i>Петербургские встречи</i>	125
ГЛАВА 5. РАЗГОВОР НА РАВНЫХ	129
<i>Сахалинский торг</i>	129
<i>Учитель, враг, собрат по несчастью?</i>	136
<i>Награды и личные контакты</i>	142
ГЛАВА 6. ВЗМАХ КАТАНЫ	148
<i>Корейский вопрос</i>	148
<i>Восточный вояж Александра Михайловича</i>	151
<i>Визит принца Арисугавы</i>	158
<i>Восточный вояж Николая Александровича</i>	169
<i>«... но смерть отступит...»</i>	176
ГЛАВА 7. НИКОЛАЙ ЯПОНСКИЙ	185
<i>В чужом и загадочном краю</i>	185
<i>«Труд не пропадёт даром»</i>	191
<i>Миссионеры и обращённые</i>	196
<i>Дорога к храму</i>	202
ГЛАВА 8. ЗА ГОРИЗОНТОМ — ВОЙНА	211
<i>Экономическое соперничество</i>	211
<i>Полемика оптимиста и скептика</i> <i>(Максимов против Ухтомского)</i>	217

ВМЕСТО ЭПИЛОГА	224
ПРИЛОЖЕНИЕ	228
ИСТОЧНИКИ	244
АРХИВЫ	246
ЛИТЕРАТУРА.....	248

Научная монография

Соколов Александр Ростиславович
Россия и Япония. Взаимное открытие

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Редактор *М. Устинов*

Корректор *А. Галаганова*

Вёрстка *. Шамаевой*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.

Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₆. Усл. печ. л. 15,64. Печать офсетная.

Заказ №